„Об взятіи" 64/16

За кулисами охраннаго отдѣленія

Составилъ А. Б.

Съ дневникомъ провокатора,
письмами охранниковъ,
тайными инструкціями.

АКАДЕМІЯ.
16 2862

1910
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung
Berlin

Предисловіе.

«Разговоры характера чисто романическаго, фельетоннаго, на тему тайны департамента полиціи» — этими словами годъ тому назадъ премьеръ-министръ Столыпинъ пытался охарактеризовать разоблаченія о дѣятельности охранныхъ отдѣленій.

Но премьеръ ошибался, или вѣрнѣе, лгалъ. Не «разговоры» были романическаго характера, а сами факты вдругъ всплывшіе наружу. За этотъ годъ количество этихъ фактовъ все увеличивается и увеличивается. Лишь именами разоблаченныхъ провокаторовъ можно бы заполнить цѣлую книгу... «Серьезнѣйшіе» изъ нихъ послѣ разоблаченія переходятъ въ роль «руководителей» сыска. Ихъ «подвиги» могли бы наполнить цѣлые томы.

Намъ приходится ограничиться самымъ интереснымъ матеріаломъ, остановиться на самыхъ яркихъ страницахъ исторіи современной провокаціи. Матеріалъ этотъ разбросанъ по отдѣльнымъ номерамъ изданій,

изъ которыхъ нѣкоторыя трудно доступны широкому кругу читателей.

И этимъ объясняется, что несмотря на то, что почти цѣлый годъ русскія газеты переполнены статьями о провокаціи и провокаторахъ, всетаки наиболѣе громкіе «подвиги» охраннаго отдѣленія широкой публикѣ извѣстны лишь въ извращенномъ видѣ.

Начнемъ съ Азефщины. Сотни печатныхъ листовъ, милліоны газетныхъ строкъ были заполнены правдой и вымысломъ о разоблаченномъ провокаторѣ. Но роль его въ революціонномъ движеніи, причины и степень его участія въ террористической борьбѣ —все это всетаки не выяснилось съ достаточной отчетливостью.

Поэтому является особо интересной статья Тучкина, написанная лицомъ близко знавшимъ Азефа и съумѣвшимъ ярко и художественно передать свои впечатлѣнія о провокаторѣ.

Но особенно острымъ является другой вопросъ.

Тотъ, кто присматривается пристально къ явленіямъ руской жизни, замѣчаетъ, что мы стоимъ передъ эпохой возрожденія террора. Возможенъ ли терроръ послѣ Азефа? Имѣетъ ли онъ raison d'être?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ утвердительный, намъ даютъ слѣдующія статьи.

Нѣсколько статей посвящено «Гапоновщинѣ». Ушаковъ, бывшій сподвижникъ Зубатова, пытается послѣднее время обѣлить Гапона, выставить его жертвой рокового недоразумѣнія. Тѣмъ болѣе интересно сопоставить различныя данныя о Гапонѣ. Въ «личныхъ воспоминаніяхъ» Ленуара намъ рисуется пребываніе Гапона за границей, дается блестящій психологическій анализъ героя 9-го января, и рисуется картина того душевнаго кризиса, который привелъ его къ «сотрудничанію» въ охранномъ отдѣленіи. Отрывокъ изъ отчета П. Рутенберга къ Центральному Комитету партіи с. р. разсѣиваетъ послѣднія сомнѣнія о предательствѣ Гапона, и, наконецъ, разсказъ очевидца знакомитъ насъ съ мрачнымъ финаломъ этой трагедіи.

Чреватую убійствами дружбу «охраны» и союза русскаго народа намъ рисуетъ статья «Кошмаръ». Не лишнимъ будетъ напомнить, что недавно съ робкой мольбой присоединился къ нимъ и «самъ» Николай II. «Ich sei, gewährt mir die Bitte — in eurem Bunde der dritte!» хотѣлъ онъ повидимому сказать, когда помиловалъ отбывающихъ

въ Выборгѣ наказаніе убійцъ Герценштейна, членовъ союза русскаго народа и бывшихъ агентовъ охраннаго отдѣленія.

«Заговоръ» противъ царя, въ дѣйствительности не существовавшій, но придуманный охранкой и якобы ею раскрытый, составляетъ содержаніе слѣдующей статьи.

Затѣмъ слѣдуетъ разоблаченіе закулисной стороны убійства начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія, полковника Карпова.

Въ видѣ приложенія нѣсколько «человѣческихъ документовъ»: письма воротилъ всероссійскаго сыска ген. м. Герасимова, Гартинга, Доброскокова и др., и дневникъ провокатора. Въ завершеніе: нѣсколько «инструкцій» освѣщающихъ грязный механизмъ охранной машины.

Источники, изъ которыхъ заимствованы собранныя нами статьи, приведены въ особомъ «Указателѣ».

Къ сожалѣнію многаго мы пока не могли включить по недостатку мѣста. Описанію тѣхъ физическихъ и нравственныхъ пытокъ, при помощи которыхъ охрана пополняетъ свѣдѣнія доставленныя «внутренней агентурой», будетъ въ свое время посвященъ особый томъ.

А. Б.

Азѳфъ.

Дѣло Азефа доставило газетамъ сенсаціонный матеріалъ. Оно имѣетъ жгучій интересъ скандала. Оно страшно повышаетъ розничную продажу. Этого достаточно, чтобы, какъ изъ рога изобилія, посыпались тысячи извѣстій объ Азефѣ, его жизни и дѣятельности—тысячи извѣстій, гдѣ на каждое фактически вѣрное приходятся десятки измышленныхъ и фантастическихъ,—тысячи слуховъ, грозящихъ совершенно потопить въ морѣ лжи и вымысловъ реальную истину. Создаются миѳы и легенды, изъ за которыхъ становится все труднѣе и труднѣе разсмотрѣть дѣйствительные контуры и размѣры и фигуры Азефа, и всего происшедшаго.

Мы и не помышляемъ заняться сейчасъ опроверженіемъ всѣхъ ложныхъ слуховъ и извѣстій, появившихся въ газетахъ—гдѣ же исчерпать неисчерпаемое! Мы только покажемъ на одномъ наглядномъ примѣрѣ, какъ создаются и наростаютъ ходячія легенды. Примѣръ этотъ чрезвычайно ха-

рактеренъ. Въ интервью съ однимъ французскимъ редакторомъ, И. А. Рубановичъ упомянулъ, что Азефъ имѣлъ кличку «толстый» — «gros». Въ «Новомъ Времени» беззаботные по части иностранныхъ языковъ писатели смѣшали французское gros съ нѣмецкимъ gross (большой, великій) и повѣдали россійскимъ читателямъ, что революціонеры называли Азефа Великимъ. Извѣстный своей «отзывчивостью»—часто, къ сожалѣнію, слишкомъ поспѣшной — Танъ, какъ видно изъ газетъ, опубликовалъ гдѣ-то даже цѣлую статью подъ заглавіемъ «Азефъ Великій». К.-д-ты даже въ своемъ запросѣ умудрились написать такую сенсаціонную нелѣпость: «Онъ единолично вершалъ самыя важныя дѣла и центральный комитетъ партіи только склонялся передъ его желѣзной волей»[1]). И даже заграничная «Революціонная Мысль», не отставая отъ вульгарной сенсаціи кадетскихъ листковъ, повѣдала urbi et orbi, будто «Азефъ давалъ директивы почти во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности партіи» (sic)!

Словомъ, Азефъ выросъ до какихъ-то

[1]) Статья эта была уже набрана, когда пишущій эти строки убѣдился, что эта фраза цѣликомъ, слово въ слово, перекочевала въ текстъ кадетскаго запроса со страницъ . . . «Новаго Времени» (№ 11802).

сверхчеловѣческихъ размѣровъ, до размѣровъ какой-то гиперболической фигуры провокатора эпохи титановъ, ростомъ выше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго . . . И, ни мало не желая преуменьшать способностей и силъ этого крупнѣйшаго провокатора новаго времени, мы вынуждены, однако, остановить безудержно разыгравшуюся фантазію иныхъ легальныхъ и революціонныхъ публицистовъ и свести фигуру Азефа къ не легендарнымъ, а настоящимъ, реальнымъ пропорціямъ.

Евгеній Азефъ въ свое время представлялся одной изъ самыхъ крупныхъ практическихъ силъ центральнаго комитета. Какъ таковымъ, имъ всегда очень дорожили, и неудивительно: среди русскихъ революціонеровъ встрѣчается не мало самоотверженныхъ натуръ, талантливыхъ пропагандистовъ и агитаторовъ, но крайне рѣдки практически-организаціонные таланты. Поставить и вести дѣловито крупное техническое предпріятіе, со всею необходимою конспиративною выдержкою и финансовою осмотрительностью—вотъ что всего труднѣе дается великорусской «широкой натурѣ». Сильные въ принципіальныхъ обсужденіяхъ, мы, русскіе революціонеры, часто пасуемъ

тамъ, гдѣ требуется практическое осуществленіе, технически-организаціонный навыкъ, опытность финансиста, гибкость и подвижность дѣльца. Со своимъ яснымъ, четкимъ математическимъ умомъ въ этомъ отношеніи Азефъ казался незамѣнимымъ. Брался ли онъ организовать транспортъ, или рядъ складовъ литературы съ планомѣрной развозкой на мѣста, изучить динамитное дѣло, поставить лабораторію, произвести рядъ сложныхъ опытовъ,—вездѣ дѣло у него кипѣло. «Золотыя руки»—часто говорили про него. Онъ, несомнѣнно, обладалъ крупными практическими способностями; но, кромѣ того, разумѣется, извѣстною долею своей репутаціи онъ былъ обязанъ тому, что поставленныя имъ предпріятія не проваливались сразу: полиція, очевидно, давала Азефу время поставить дѣло, передать его въ другія руки и совершенно отдалиться отъ него и по существу, и даже географически. Только тогда, выждавъ удобный внѣшній поводъ, который въ глазахъ революціонеровъ легко объяснилъ бы провалъ, полиція производила обыски и аресты[1]).

[1]) Характерный примѣръ: дѣло съ транспортомъ литературы посредствомъ 1. комнатныхъ ледниковъ и 2. бочекъ съ са-

Соотвѣтственно этому своему амплуа, Азефъ держался, какъ человѣкъ не словъ, а дѣла. Говорилъ онъ мало—особенно при большой публикѣ. То немногое, что онъ говорилъ—всегда какъ будто нехотя, какъ будто дѣлая усиліе надъ собою, чтобы преодолѣть врожденную нелюбовь къ «пустой словесности»—было взвѣшено и продумано до конца. Широкаго политическаго кругозора у него не было; но его узкій умъ въ предѣлахъ своей узости былъ силенъ и

ломъ. Оба эти транспорта были поставлены Азефомъ и имъ же потомъ выданы полиціи. Первый шелъ черезъ Лодзь, и деп. полиціи сообщилъ мѣстному сыску лишь имя лица, которое было контрагентомъ по этому дѣлу, но умолчалъ о способѣ транспортированія. Слѣдить за контрагентомъ Бакай поручилъ двумъ филерамъ, которые ничего не выслѣдили. На соотвѣтственное донесеніе деп. полиціи отвѣчалъ приказаніемъ слѣдить лучше. Наконецъ, по даннымъ отъ кіевской агентуры былъ прослѣженъ при поѣздкѣ въ Лодзь и арестованъ на обратномъ пути съ литературой членъ тамошней организаціи. Послѣ этого у лодзинскаго контрагента полиція произвела обыскъ, наткнулась на комнатные ледники и случайно, изъ за поцарапанной стѣнки одного изъ нихъ, вскрыла и нашла пустое мѣсто тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться исландскій мохъ. Конечно, деп. полиціи могъ бы сразу указать мѣстной полиціи способъ транспорта, но тогда провалъ показался бы подозрительнымъ. Еще болѣе «тонко» была устроена ликвидація транспорта съ саломъ. По случайно найденному адресу, завѣдующаго пріемкой арестовали и сдѣлали видъ, что не обратили вниманія на сало; оно впослѣдствіи было продано съ аукціона и покупатель неожиданно открылъ потомъ въ покупкѣ сюрпризъ—литературу . . . Такимъ образомъ, оба провала въ свое время не навели ни на какія подозрѣнія.

дѣятеленъ. По взглядамъ своимъ онъ занималъ въ центральномъ комитетѣ крайнюю правую позицію; его, шутя, нерѣдко называли «кадетомъ съ терроромъ». Соціальныя проблемы онъ отодвигалъ въ далекое будущее; въ массы и массовое движеніе, какъ въ непосредственную революціонную силу, совершенно не вѣрилъ; единственно реальной онъ признавалъ въ данный моментъ борьбу за политическую свободу, а единственнымъ дѣйственнымъ средствомъ, которымъ располагаетъ революція — терроръ. Казалось иногда, что къ работѣ пропаганды, агитаціи, организаціи массъ онъ относится пренебрежительно, какъ къ культурничеству, и «революціей» признаетъ лишь борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, ведомую немногочисленными кадрами конспиративной организаціи. Эти особенности взглядовъ, по которымъ онъ стоялъ въ партіи очень одиноко, лишали его возможности имѣть идейно-политическое вліяніе въ партіи. Теоріями же онъ никогда не занимался. За то въ вопросахъ практическихъ трезвостью своего взгляда, твердостью и настойчивостью онъ не разъ умѣлъ отстоять и провести свое мнѣніе, хотя бы сначала противъ него было настроено большинство. Въ немъ импониро-

вало то, что на слово его—казалось—можно положиться; если онъ возьмется за что нибудь—значитъ дѣйствительно сдѣлаетъ; если заявитъ, что не берется—никакими уговорами и убѣжденіями нельзя было поколебать его рѣшенія. Вообще онъ, казалось, былъ абсолютно чуждъ стремленія подлаживаться къ людямъ; напротивъ, онъ былъ неуступчивъ, упоренъ, порою даже упрямъ, не избѣгалъ конфликтовъ и выходилъ изъ нихъ съ большою твердостью. Оставаясь въ предѣлахъ центральнаго комитета то и дѣло въ меньшинствѣ—часто даже совершенно одинокимъ—со своими умѣренными взглядами[1]), онъ однако, и не подумалъ хоть сколько-нибудь приблизить своихъ взглядовъ къ партійной «равнодѣйствующей»; напротивъ, всякое новое событіе было для него поводомъ упрямо утверждать, что онъ одинъ противъ всѣхъ былъ правъ.

По первому впечатлѣнію Азефъ, обыкновенно, производилъ неблагопріятное, даже иногда отталкивающее впечатлѣніе своей чрезвычайно некрасивой наружностью, дѣловой сухостью обращенія, манерой говорить

---

[1]) Такъ напр., онъ стоялъ за участіе въ выборахъ даже въ Булыгинскую—не состоявшуюся—думу, и никогда не раздѣлялъ тактики бойкота.

отрывисто, какъ будто нехотя, роняя слова. Извѣстны два случая, когда его не приняли въ организаціи, несмотря на то, что онъ имѣлъ всѣ необходимые пароли: такое впечатлѣніе чего-то «чужого» произвелъ весь его обликъ солиднаго коммерсанта, вся его неинтеллигентная внѣшность. И тѣмъ не менѣе, яркія качества его практическаго ума при болѣе долгомъ знакомствѣ постоянно приводили къ тому же самому: къ выводу, что за невзрачной, грубой оболочкой,—предметомъ частыхъ добродушныхъ шутокъ товарищей—кроется крупная революціонная сила. Мало того: среди работавшихъ съ нимъ террористовъ многіе были убѣждены, что и натура у него скрытная, сдержанная, но по существу отзывчивая и нѣжная . . . Только эта нѣжность представлялась такой же неуклюжей, какъ физически неуклюжей была вся его фигура. И Азефъ велъ себя вполнѣ соотвѣтственно этой репутаціи. Онъ отваживался, напр., на такія сцены: послѣ какого-нибудь общаго разговора или дебатовъ въ небольшой компаніи, подойдетъ въ особой комнатѣ къ товарищу, особенно горячо и прочувствованно защищавшему извѣстное мнѣніе, молча поцѣлуетъ и быстро отойдетъ . . .

Или—человѣку, невредимо вернувшемуся съ удачнаго террористическаго акта, наединѣ бросается цѣловать руки . . .

Покойный М. Р. Гоцъ былъ свидѣтелемъ, какъ во время разсказа одного бѣжавшаго съ Сахалина политическаго о наказаніи его розгами, Азефъ истерически разрыдался . . . Другой аналогичный случай произошелъ, когда Азефу дали письмо, изъ котораго онъ ошибочно заключилъ, что должна провалиться организація, налаженная имъ противъ Плеве. Эти случаи, казалось, свидѣтельствовали, насколько ложно первое впечатлѣніе о видимой «толстокожести» Азефа, подъ которою на дѣлѣ, какъ подъ маской, скрывается чувствительная душа. Такому выводу соотвѣтствовали, казалось, даже мелочи: хотя бы, напримѣръ, то, что Азефъ всегда такой спокойный, сдержанный, холодно-насмѣшливый, часто веселый,—во снѣ производилъ чрезвычайно тягостное, незабываемое впечатлѣніе. Ночами онъ такъ тяжко и протяжно стоналъ, что морозъ подиралъ по кожѣ; не разъ онъ этимъ возбуждалъ тревогу товарищей, думавшихъ, что ему дурно, что онъ боленъ . . . Но—характерная черта: даже и здѣсь не выдавалъ онъ себя; никогда онъ не говорилъ

во снѣ; иногда вырывалось у него начало какого-нибудь слова, но тотчасъ же онъ подавлялъ его, стиснувъ зубы, и оканчивалъ только продолжительнымъ стономъ и жуткимъ скрежетомъ зубовъ. Товарищи думали, что въ этомъ сказывается тяжесть пережитаго имъ въ борьбѣ, страданья объ ушедшихъ туда, откуда нѣтъ возврата, близкихъ людяхъ, можетъ быть, психологическій надломъ человѣка, вѣчно ходящаго подъ висѣлицей, вѣчно рискующаго своей и чужой жизнью, вѣчно вынужденнаго думать о необходимомъ, и всетаки тяжкомъ — пролитіи крови . . . И бережнѣе, любовнѣе, внимательнѣе настраивались къ человѣку, съ которымъ вначалѣ связывало ихъ только дѣло . . .

Особенно выдвинули Азефа, конечно, блестящіе успѣхи, одержанные Боевой Организаціей въ первое время его руководства ею. Послѣ дѣла Плеве одна старая дѣятельница партіи находила нужнымъ «поклониться ему низко-низко, въ ножки». Дальнѣйшій успѣхъ предпріятія противъ вел. кн. Сергѣя поднялъ престижъ Боевой Организаціи на еще небывалую высоту . . . И хотя обще-политическое вліяніе Азефа въ партіи не увеличилось, хотя позиція его въ общихъ про-

граммно-теоретическихъ вопросахъ продолжала оставаться столь же обособленной,—но личность его стала цѣниться, разумѣется, гораздо выше. Въ Боевой же Организаціи ему принадлежало всегда, въ послѣдней инстанціи, рѣшающее слово. Фактически онъ могъ уступать, иногда и уступалъ мнѣнію другихъ боевиковъ, но могъ рѣшать спорные вопросы своею единоличной волей. И этого положенія у него тамъ никто не оспаривалъ. Въ общемъ, въ составѣ Боевой Организаціи перебывало около пятидесяти человѣкъ. Двухъ мнѣній среди нихъ объ Азефѣ никогда не было.

Чѣмъ же, спрашивается, тамъ завоевалъ онъ себѣ такое довѣріе? Рѣдкими практическими способностями, рѣдкимъ умѣньемъ каждое предпріятіе продумывать до конца, во всѣхъ деталяхъ, съ предвидѣніемъ всѣхъ возможныхъ затрудненій, случайностей, возможностей. Въ этомъ отношеніи онъ со своимъ математическимъ умомъ чрезвычайно напоминалъ шахматнаго игрока, разсчитывающаго наперед всѣ ближайшія перемѣны въ комбинаціи фигуръ на нѣсколько ходовъ впередъ. Ему же приписывалось и настойчивое, систематическое проведеніе въ жизнь нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ пріемовъ

работы Б. О., обезпечивавшихъ, по мнѣнію участниковъ, успѣхъ. Эти пріемы были при немъ возведены въ строгій, непреложный принципъ. Это, во-первыхъ,—строгое отдѣленіе боевого дѣла отъ всѣхъ другихъ. Отдѣленіе это простиралось до того, что боевики не пользовались никакими явками и квартирами, полученными черезъ общую организацію, не имѣли совершенно дѣлъ съ лицами изъ этой общей организаціи, не пользовались даже ея паспортами, а самостоятельно ставили паспортное дѣло: Азефъ настойчиво утверждалъ, что при распространенности провокаціи въ организаціяхъ массового характера общеніе съ ними для боевого дѣла будетъ гибельно. При такомъ положеніи дѣлъ террористическій отрядъ, конечно, былъ совершенно лишенъ возможности получать черезъ массовую организацію попадающія въ ея руки свѣдѣнія объ образѣ жизни высокопоставленныхъ лицъ и завязываемыя иногда ею связи съ кое-какими окружающими ихъ «по должности» маленькими людьми, нерѣдко сочувствующими освободительному движенію. Азефъ находилъ, что такія связи и свѣдѣнія даютъ мало пользы, часто проблематичны, а вмѣстѣ съ тѣмъ опасны. Отвергая ихъ, онъ возводилъ

за то въ цѣлую систему внѣшнее наблюденіе за этими лицами силами самой боевой организаціи. Для этого пускалось въ ходъ все: разносчики, извозчики, посыльные, газетчики, простые фланеры, наниматели квартиръ въ подходящихъ «стратегическихъ пунктахъ» и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣжка, техника и выполнители были строго отдѣлены другъ отъ друга и объединялись лишь немногими спеціальными лицами, роль которыхъ сводилась только къ посредничеству и руководству. До тѣхъ поръ, пока дѣло не было подготовлено, будущіе исполнители часто жили мирной, подчеркнуто-обывательской жизнью вдали. За то, когда наступалъ ихъ часъ,—со сцены сходили, по общему правилу, всѣ лишніе[1]); оставались на лицо лишь тѣ, кто долженъ былъ по плану, идти съ бомбами, техникъ, изготовляющій бомбы и въ случаѣ неудачи снова принимающій и разряжающій ихъ, да «старшій офицеръ»— посредникъ между ними и лично наблюдающій за выполненіемъ плана.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ вопроса о новой,

[1]) Теперь ясно видно, что послѣднее правило соотвѣтствовало личнымъ интересамъ Азефа съ очень опредѣленной стороны: оно давало ему возможность, въ случаѣ какихъ-либо непредвидѣнныхъ случайностей, всегда установить для полиціи свое alibi.

динамитной основѣ террора, — о которой только еще мечталъ до своего ареста Гершуни, повторявшій извѣстную народовольческую фразу «мало вѣры въ револьверы»— выработка этихъ методовъ и строгое проведеніе ихъ въ жизнь, подкрѣпляемое желѣзной дисциплиной—таковы были заслуги, приписывавшіяся боевиками Азефу. Теперь, однако, несомнѣнно, что многое изъ этого было плодомъ коллективнаго творчества, и что здѣсь сказалась въ значительной мѣрѣ психологическая черта нашего времени— обязательно найти одного автора законченному продукту духовной работы многихъ людей, исправлявшихъ и дополнявшихъ другъ друга.

Какъ бы это ни было, Азефъ, какъ верховный руководитель Боевой Организаціи послѣ Гершуни, въ глазахъ рядовыхъ членовъ этой организаціи былъ естественнымъ носителемъ ея традицій и принциповъ; а отсюда нетрудно было пріурочить всецѣло къ нему и созданіе этихъ принциповъ. Эта психологическая аберрація незамѣтно и совершилась. Въ результатѣ среди нихъ создалась такая вѣра въ него, что когда однажды онъ заявилъ, что снимаетъ съ себя отвѣтственное руководство организаціей,—

всѣ наличные члены, тогда около двадцати пяти человѣкъ, объявили, что не могутъ продолжать работы безъ «Ивана Николаевича» и также уходятъ . . . Болѣе того, когда члены Ц. К. представили ряду ближайшихъ работниковъ свои данныя, обличающія сношенія Азефа съ полиціей, многіе отказывались вѣрить очевидности, говоря: «но если Иванъ Николаевичъ провокаторъ, то кому же послѣ этого вѣрить? И какъ послѣ этого жить?»

* * *

И вотъ, этотъ человѣкъ, казавшійся столь многимъ образцомъ энергіи, настойчивости и спокойнаго, не рисующагося мужества, образцомъ невзрачнаго на видъ, но несравненнаго по внутренней цѣнности практическаго работника, человѣка «не словъ, а дѣла»—оказался несравненнымъ, еще небывалымъ въ исторіи по размаху своего авантюризма, провокаторомъ . . . Въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ онъ жилъ двойной жизнью. Онъ дѣлилъ съ революціонерами ихъ жизнь, полную тревогъ, опасностей и глубокихъ, трагическихъ переживаній. Онъ принималъ послѣднее прости людей, идущихъ на смерть. Онъ принималъ изліянія

нѣжнѣйшихъ, отзывчивѣйшихъ, чуткихъ и чувствительныхъ, словно эолова арфа, душъ,—какъ хотя бы душа Каляева. Онъ вращался, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ обществѣ старѣйшихъ, опытнѣйшихъ партійныхъ работниковъ—въ одномъ Центральномъ Комитетѣ вмѣстѣ съ нимъ перебывало въ разное время свыше тридцати человѣкъ. И въ то же время онъ жилъ жизнью стариннаго «секретнаго сотрудника» департамента полиціи: велъ сношенія съ множествомъ «въ приказѣ посѣдѣлыхъ» ветерановъ сыска, торговался съ ними за сдѣльную плату, хлопоталъ о повышеніи мѣсячнаго оклада, разцѣнивалъ различныя жизни, торговалъ ими оптомъ и въ розницу . . . Въ полиціи онъ создалъ себѣ карьеру, былъ цѣннѣйшимъ, наиболѣе бережно охраняемымъ отъ всякихъ случайностей сотрудникомъ. Въ революціи онъ также завоевалъ себѣ положеніе, нѣкоторыми сторонами своими напоминавшее положеніе Желябова и Гершуни. Долгіе годы онъ черпалъ въ одномъ мѣстѣ—деньги, источникъ земныхъ, матеріальныхъ благъ, въ другомъ—славу, уваженіе, любовь—невѣсомыя блага, удовлетворяющія самолюбію и властолюбію. Долгіе годы съ необыкновенной выдержкой онъ

балансировалъ на туго натянутомъ канатѣ, надъ зіяющей внизу пропастью . . .

Что за психологическая загадка этотъ человѣкъ? Что за психологическая загадка самое его поведеніе?

Онъ—въ давнишнихъ сношеніяхъ съ полиціей. Онъ даетъ огромный толчекъ политическому террору, который извнутри расшатываетъ основы власти правительства, колеблемаго извнѣ пораженіями въ русско-японской войнѣ. Онъ настойчиво работаетъ надъ дѣломъ Плеве. Когда свершается это дѣло—искушенный въ розыскѣ Мѣдниковъ, одна изъ самыхъ центральныхъ и посвященныхъ во всѣ охранныя тайны фигуръ, разводя руками, говоритъ: «Ну, если ужъ Раскинъ ничего толкомъ объ этомъ не знаетъ, значитъ дѣло плохо». Полиція бросается ощупью, по разнымъ слѣдамъ, первое время думаетъ, что это—дѣло польской соціалистической партіи . . .

Онъ—въ курсѣ, онъ болѣе или менѣе активный участникъ цѣлаго ряда другихъ террористическихъ дѣлъ: противъ Оболенскаго, противъ Богдановича, противъ вел. кн. Сергѣя. И объ этихъ дѣлахъ департаментъ полиціи заранѣе не знаетъ ничего, или почти ничего. Передъ департаментомъ

ложное заявленіе Азефа, будто онъ въ 1902 году даже не членъ партіи с.-р., а только имѣетъ личныхъ друзей среди нея. Передъ департаментомъ—нѣкоторыя его донесенія завѣдомо для Азефа ложныя.

Что это значитъ? Съ чѣмъ здѣсь мы имѣемъ дѣло? Съ осторожностью ли ловкаго дѣльца, который только не хочетъ себя продешевить, не хочетъ сразу выложить всего, что знаетъ, а бережетъ матеріалъ для будущаго? Съ тонкимъ ли расчетомъ человѣка, понимающаго, что долгая и прибыльная служба въ полиціи невозможна безъ исключительнаго положенія въ революціонномъ лагерѣ, а исключительное положеніе невозможно безъ громкихъ дѣлъ? Съ холодной ли дерзостью авантюриста, знающаго одно божество—себя самого, и тѣшащаго себя вѣрой въ свою способность неопредѣленно долго играть людьми, какъ маріонетками, одновременно обманывая и полицію, и революціонеровъ? Или какая-нибудь комбинація этихъ мотивовъ? Или, наконецъ, еще что нибудь, для насъ пока совершенно темное? Кто знаетъ?

Азефъ—ультра-законспирированный секретный сотрудникъ охраны. И при пріемѣ въ Боевую Организацію онъ доводитъ стро-

гость выбора до небывалой степени. Онъ, циничный торговецъ жизнями и кровью людей, набираетъ тотъ составъ, представители котораго не разъ передъ лицомъ смерти давали примѣръ поразительной нравственной красоты и мужества. Когда въ партіи возникаютъ подозрѣнія противъ оказавшагося провокаторомъ Татарова, но недостаточность уликъ первоначально заставляетъ лишь отстранить послѣдняго отъ работы— Азефъ презрительно заявляетъ: «Эхъ, вы! тутъ не разслѣдовать надо, а убить. Какихъ вамъ еще надо уликъ? Развѣ въ такихъ дѣлахъ бываютъ достаточныя улики? Развѣ не видите, что это—провокаторъ?» И та же самая рѣшительность въ вопросѣ о Гапонѣ, когда Рутенбергомъ разоблачаются провокаціонные планы послѣдняго.

Что это? Боязнь, что рядомъ работающіе другіе провокаторы будутъ неумѣлы и, провалившись сами, провалятъ и его? или нежеланіе имѣть конкурентовъ? или нежеланіе допустить, чтобы черезъ другихъ провокаторовъ полиція узнала то, что Азефу въ его интересахъ угодно скрывать отъ полиціи? Кто рѣшится дать отвѣтъ?

Азефъ ведетъ свои первыя сношенія съ полиціей черезъ Рачковскаго. Азефъ явля-

ется на пріемы къ директору департамента полиціи Лопухину. Въ охранѣ хранятся, быть можетъ, какія-нибудь его расписки или иные «вещественные слѣды невещественныхъ отношеній». И вотъ, Азефъ настаиваетъ на планѣ убійства Гапона вмѣстѣ съ Рачковскимъ; Азефъ составляетъ одинъ изъ плановъ убійства Плеве, причемъ этому убійству должно предшествовать убійство Лопухина. Послѣ манифеста 17 октября Азефъ стоитъ за полное прекращеніе террора, но вноситъ совершенно непонятное предложеніе—завершить терроръ взрывомъ охраннаго отдѣленія. Что это? Простая комедія? сведеніе какихъ-нибудь личныхъ счетовъ? или попытка уничтожить слѣды своихъ сношеній, разоблаченіе которыхъ можетъ погубить его? Опять таки, кто отвѣтитъ?

Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ всякій, конечно, можетъ остановиться на гипотезѣ, которая ему болѣе по нраву. Но ни одной изъ этихъ гипотезъ нельзя выдавать за дѣйствительность. Достаточная фактическая почва для этого отсутствуетъ. Надо признаться, что въ дѣлѣ Азефа для насъ еще многое темно и неясно. И устранить эту неясность удастся, вѣроятно, лишь постепенно, и только тогда, если мы не побѣжимъ

слишкомъ поспѣшно по дорожкѣ какой-нибудь изъ подвернувшихся подъ руку гипотезъ, а будемъ достаточно осторожны, будемъ больше придерживаться почвы установленныхъ и провѣренныхъ данныхъ.

Можно фактически установить, во-первыхъ, что провокаторская дѣятельность Азефа послѣдовательно наростала. Можно установить, что очень грубая и завѣдомая ложь, что фиктивныя свѣдѣнія попадаются лишь въ сравнительно раннее время «служенія» Азефа. Можно установить, что первое время его измѣна черпаетъ матеріалъ по преимуществу изъ общепартійной работы. Террористическіе акты въ это время имъ не затрагиваются или почти не затрагиваются. Къ этому же времени—1902, 1903, 1904, часть 1905 г.—относится энергическая общеорганизаціонная работа Азефа съ массой объѣздовъ провинціи. Наоборотъ, съ конца 1905 г. онъ постепенно все болѣе и болѣе отстаетъ, отстраняется отъ общепартійной работы, спеціализируясь на террорѣ. За то измѣна его теперь вся сосредоточена на систематическомъ разстраиваніи террора. Онъ цѣненъ полиціи здѣсь. Отъ общепартійныхъ организаціонныхъ «мелочей» его, для большей сохранности, освобождаютъ.

Можно установить, что въ первыхъ изъ наиболѣе крупныхъ его предательствъ очень видную роль играютъ личные мотивы. Такъ, работая надъ дѣломъ Плеве, Азефъ встрѣчается съ самостоятельной попыткой вести слѣжку за Плеве со стороны мѣстныхъ петербургскихъ работниковъ—Клитчоглу и другихъ. Онъ убѣждаетъ ихъ прекратить работу—тщетно. Онъ пробуетъ поставить дѣло на формальную почву, отрицаетъ за ними самое право вести такое дѣло, входящее лишь въ компетенцію Б. О.—и также тщетно. Недовольный, онъ разрываетъ съ ними—и выдаетъ ихъ. Это, кажется, первая выдача имъ кружка террористовъ.

Изъ за вопроса о внутреннихъ распорядкахъ въ одной организаціи у Азефа въ концѣ 1904 года возникаетъ конфликтъ съ М. Ф. Селюкъ и С. Н. Слетовымъ. Послѣдній ставитъ вопросъ рѣзко и въ видѣ протеста противъ дѣйствій Азефа выходитъ изъ состава данной конкретной организаціи, гдѣ и Азефъ состоитъ членомъ. Азефъ, рискуя выдать себя, даетъ детальнѣйшія указанія полиціи на поѣздку Слетова въ Россію, причемъ ложно выдаетъ его за активно дѣйствующаго террориста, члена Б. О. Подобную же ложную и отягощающую харак-

теристику, повидимому, онъ даетъ и т-у М. Ф. Селюкъ.

Въ партіи возникаетъ небольшое, юное, горячее и нетерпѣливое теченіе въ сторону «аграрнаго террора», съ трудомъ укладывающееся въ рамки партійной дисциплины. Центральный Комитетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшаетъ не отталкивать цѣнныхъ, хотя и молодыхъ силъ, создать имъ modus vivendi; въ партіи, дать имъ возможность отстаивать свои мнѣнія и въ то же время работать съ гарантіями противъ нарушенія дѣломъ партійной дисциплины. Рѣшеніе принято въ отсутствіи Азефа. Онъ пріѣзжаетъ и протестуетъ всѣми силами противъ заключенныхъ съ «аграрными террористами» условій. Онъ не вѣритъ въ ихъ соблюденіе, онъ требуетъ очищенія партіи отъ чуждыхъ ей, по существу анархическихъ элементовъ. Его голосъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ вопросахъ, остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ еще до поѣздки группы аграрныхъ террористовъ въ Россію успѣваетъ сообщить полиціи самыя подробныя свѣдѣнія о всѣхъ нихъ, ихъ именахъ, кличкахъ, паспортахъ и т. п.

Такова эта серія фактовъ . . .

Является совершенно несомнѣннымъ, что

какъ во всѣхъ дѣлахъ съ провокаціей, такъ и у Азефа не послѣднее мѣсто играли деньги. По мѣрѣ наростанія провокаторской дѣятельности Азефа росло и присвоенное ему по должности содержаніе. Простираясь, по даннымъ Бакая, въ 1903—1904 г. до 350 р. въ мѣсяцъ, въ 1905 году оно уже доходитъ до 6000 р. въ годъ (по однимъ источникамъ; по другимъ, въ концѣ 1905 года оно равно 600 р. въ мѣсяцъ); наконецъ, въ 1907 г. оно, повидимому, уже равняется 14 000 р. въ годъ.

Теперь, судя по отрывочнымъ случайнымъ наблюденіямъ нѣкоторыхъ лицъ, до разоблаченія Азефа хранившихъ объ этомъ молчаніе, можно сказать, что Азефъ—этотъ любящій семьянинъ, очень добродѣтельный и даже строгій въ своихъ разговорахъ и отзывахъ о личной морали, отношеніи къ женщинамъ и т. д., Азефъ, послѣднее время соблюдавшій строгую діэту, отказавшійся совершенно отъ употребленія табака и алкоголя,—имѣлъ вторую жизнь, отъ всѣхъ скрытую, гдѣ играли роль и дамы полусвѣта, и пѣвицы и т. п. Выясняется также, что онъ не упускалъ и прикапливать на черный день. Тотъ чисто-студенческій образъ жизни, который вела заграницей его семья, и ультраконспиративная постановка его собственной

жизни въ Петербургѣ совершенно закрывали, до поры до времени, эту сторону его существованія.

Что касается до Азефа, какъ психологической загадки, то нѣкоторый свѣтъ на нее проливается тѣмъ обстоятельствомъ, что—какъ выясняется теперь—у него приходится констатировать наличность наслѣдственнаго истеризма. Извѣстно, что высшія формы развитія этой патологической черты характеризуются крайней лживостью, фальшью, вмѣстѣ съ болѣзненнымъ стремленіемъ концентрировать на себѣ общее вниманіе, играть роль, быть въ центрѣ какой-нибудь чрезвычайно сложной и хитросплетенной интриги. Типъ этотъ особенно опасенъ тѣмъ, что истерики дѣйствительно имѣютъ соотвѣтственныя лже-переживанія, что они своеобразно искренны, когда лгутъ, и чувствуютъ себя правыми и даже несправедливоугнетенными, совершая возмутительнѣйшія мерзости. Притупленіе всякаго настоящаго нравственнаго чутья, идущее рядомъ съ интенсивными мнимо-моральными чувствованіями—основное свойство истерика. Въ Азефѣ наслѣдственный истеризмъ маскировался цѣлымъ рядомъ индивидуальныхъ качествъ: видимой уравновѣшенностью че-

ловѣка съ цвѣтущимъ здоровьемъ, сильно развитымъ практическимъ здравымъ смысломъ, чрезвычайной выдержкой и волей. Но представьте только себѣ его двойную жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ—представьте себѣ создавшуюся, путемъ приспособленія, психическую раздвоенность на почвѣ природной истеріи,—и вы поймете, что трудно нормальному человѣку проникнуть въ психологію такого человѣка и объяснить себѣ—располагая весьма недостаточными данными—его дѣйствія съ ихъ мотивами. Да и какъ вообще морально здоровому человѣку понять темную, извращенную, изуродованную психологію провокатора? Можетъ быть, это было бы легче психіатру . . .

Къ чему велъ свою дѣятельность Азефъ? Есть фактическія данныя, показывающія, что онъ не упускалъ изъ виду возможности привести руководящіе верхи партіи къ идеѣ отказа отъ террора. Какъ ни неожиданно это звучитъ по отношенію къ человѣку, который спеціализировался на террористической работѣ, на ней сдѣлалъ свою карьеру и въ разговорахъ во всей партіи цѣнилъ больше всего, чуть не исключительно, эту сторону ея тактики—однако, это такъ.

Съ конца 1905 г. Азефъ, до того времени участникъ нѣсколькихъ блестящихъ террористическихъ актовъ, спеціализируется на разстройствѣ террора. Что придало его провокаціонной дѣятельности этотъ новый оборотъ, объ этомъ можно только гадать. Мы воздержимся отъ этого—да это и неважно. Существенны факты. Работа Боевой Организаціи противъ Дурново и Столыпина фатально каждый разъ приходитъ къ полному фіаско. Или наблюденіе оказывается недѣйствительно, или оно дѣйствительно, но даетъ недоступную для покушенія обстановку, или за организаціей начинается систематическая слѣжка. Азефъ каждый разъ «спасаетъ» организацію, заставляя всѣхъ удивляться своей ловкости. Но результатъ достигнутъ: вѣчная игра «въ ничью», изрѣдка разнообразящаяся минимальными и случайными (всегда чрезвычайно «естественными») провалами. Долгое, морально убивающее топтанье на одномъ мѣстѣ. Наконецъ—кризисъ. Азефъ заявляетъ, что не можетъ больше руководить боевой дѣятельностью; что, очевидно, при наличныхъ техническихъ средствахъ борьбы революція оказывается снова безсильной передъ правительствомъ; какъ нѣкогда исчерпалъ себя «револьвер-

ный» терроръ и только переходъ къ высшей стадіи—динамитнаго террора—открылъ эру новыхъ побѣдъ—такъ и теперь, впредь до аналогичнаго новаго скачка вверхъ террористической техники нечего и думать о серьезной борьбѣ—будетъ только напрасная трата средствъ, и, что еще важнѣе—напрасныя жертвы людьми . . .

Весь составъ Боевой Организаціи становится на ту же точку зрѣнія. Всѣ хотятъ уйти отъ работы, чтобы возвратиться къ ней лишь тогда, когда . . . создастся новая техническая база борьбы, настолько же высшая по сравненію съ динамитной, насколько динамитъ дѣйствительнѣе традиціоннаго браунинга. Къ чему стремился Азефъ, дѣлая этотъ шагъ? Болѣе чѣмъ ясно. Онъ считалъ психологію центра, да и всей партіи достаточно подготовленной прошлыми неудачами, чтобы нанести рѣшительный ударъ и привести партію къ постановленію, которое подъ маской какихъ-то неопредѣленныхъ ожиданій проблематическихъ чудесъ въ дѣлѣ террористической техники, фактически упраздняло бы терроръ.

Ц. К. не согласился съ точкою зрѣнія Азефа. Часть боевиковъ поколебалась и, въ концѣ концовъ, вернулась къ центральной

боевой работѣ. Рядъ успѣховъ снова поднялъ настроеніе . . . Тогда, воспользовавшись, какъ поводомъ, возвращеніемъ Гершуни, вернулся къ «работѣ» и Азефъ. Но на этотъ разъ дѣло кончилось не невинной «игрой въ ничью». Прошла кровавая полоса проваловъ и висѣлицъ . . . Вѣдь проваливались организаціи автономныя, не руководимыя Азефомъ . . .

И въ это время самъ Азефъ, собираясь взяться за веденіе дѣла противъ царя—и ведя его первое время чисто формально, закутывая въ непроницаемый туманъ доведенной до крайнихъ предѣловъ конспираціи фикцію дѣла—начинаетъ съ однимъ изъ партійныхъ теоретиковъ серію разговоровъ о террорѣ. Идетъ явное нащупываніе, зондированіе почвы. Почему крупнѣйшіе историки народовъ въ оцѣнкѣ событій не учитываютъ террористическихъ фактовъ, въ качествѣ существеннаго фактора событій? Полно, не самообманъ ли здѣсь революціонный? Да и гдѣ картина успѣшной, до конца доведенной системы террористической борьбы? Возможна-ли она? При возможности дѣйствительна ли? Можетъ быть правъ Столыпинъ, когда говоритъ «не запугаете»?

Азефъ не встрѣчаетъ поддержки. И онъ продолжаетъ работу съ видомъ человѣка, который внутри разъѣдаемъ сомнѣніями, но, какъ вѣрный солдатъ, въ трудное время не оставитъ своего поста.

И только попытки позднѣйшаго времени—съ полной абсолютной увѣренностью можно сказать про послѣднюю, когда жизнь царя дѣйствительно висѣла на волоскѣ—представляютъ полный контрастъ съ предыдущей чисто формальной работой. Но здѣсь Азефъ чувствовалъ, что его положеніе въ партіи колеблется и можетъ рухнуть. Конечно, смерть царя одна могла сразу и навсегда спасти его . . .

А тѣмъ временемъ, усталый, непохожій на себя, мрачный, изнервничавшійся, онъ, подъ предлогомъ негодованія на осмѣлившихся заподозрить его революціонеровъ, подготовлялъ свою семью къ рѣшенію уйти отъ работы, отъ революціи, отъ всего стараго . . . Уѣхать въ Новый Свѣтъ, начать совершенно новую жизнь . . . Но таки не выдержалъ, сорвался съ мѣста, поѣхалъ къ Лопухину, прислалъ къ нему Герасимова, создалъ инцидентъ, нашумѣвшій на весь Петербургъ, провалился на alibi и поспѣшно бѣжалъ, безъ надежды спасти положеніе, и

всетаки не удержавшись отъ позы: послалъ послѣднее, негодующее, всѣхъ обвиняющее и подымающее себя на недосягаемый пьедесталъ письмо . . . сильное своей цѣльностью и дерзостью, насквозь фальшивое и все жъ не безъ чувства написанное—письмо, въ которомъ сказался весь Азефъ.

В. Тучкинъ.

Тысяча и одна гипотеза.

Дѣло Азефа, проливъ яркій снопъ лучей въ темные закоулки русскаго политическаго розыска, создало какъ для оппозиціонной прессы, такъ и для третьедумской оппозиціи небывало благопріятную конъюнктуру. Въ самомъ дѣлѣ, оно наглядно показало, какими неожиданностями даже для самого правительства чревата та система провокаціи, которая практикуется имъ; какую палку о двухъ концахъ представляетъ собою эта система. Въ этомъ смыслѣ дѣло Азефа есть блестящее подтвержденіе той самой морали, которая вытекала изъ предъидущихъ экспериментовъ возведенія провокаціи въ принципъ внутренней политики: изъ зубатовщины и гапоновщины. И зубатовщина, и гапоновщина, и азефщина имѣли цѣлью развратить и дезорганизовать революцію. Но для правительства онѣ оказывались небезопасной игрой съ огнемъ. Онѣ вносили дезорганизацію въ революціонную среду; но они вносили дезорганизацію и въ прави-

тельство. Революція успѣвала каждый разъ перешагнуть черезъ эти испытанія, покупая въ нихъ—хотя и дорогой цѣной—моральное очищеніе; тогда какъ на политическомъ режимѣ, который всю свою самозащиту построилъ на культивированіи торговли человѣческой совѣстью, предательства и провокаціи, онѣ оставляли несмываемое позорное пятно и неуничтожаемые слѣды моральнаго гніенія.

Оппозиція, въ печати и въ думѣ, могла съ полнымъ правомъ оспаривать даже самую цѣлесообразность столь обоюдоострыхъ средствъ борьбы; тѣмъ самымъ не покидая почвы «практичности», столь любезной для нашихъ «парламентаріевъ», она могла бы выступить въ то же время въ качествѣ голоса народной совѣсти, и морально заклеймить всю ту грязь, въ которой копошится и которую разводитъ вокругъ себя русская политическая полиція . . .

Но здѣсь враждебность нашей умѣренной оппозиціи правительству столкнулась съ ея враждебностью революціи. И вотъ мысли ея стали двоиться . . . Искушеніе слишкомъ велико, чтобы противостать ему. Почему бы однимъ выстрѣломъ не убить сразу двухъ зайцевъ? Почему бы не скомпрометтировать

одновременно съ принципами самодержавія и принципы терроризма?

Для служенія этимъ благороднымъ цѣлямъ, какъ нельзя болѣе, подходитъ гипотеза, что удачные террористическіе акты Боевой Организаціи были не случайностью, что они входили въ разсчеты самого правительства или нѣкоторой его части. Одна часть правительства, борясь съ другою чрезъ посредство Азефа, пользовалась въ этой борьбѣ силами Боевой Организаціи. Правительство, такимъ образомъ, морально убито. Оно оказывается не защитникомъ порядка, а разсадникомъ дезорганизаціи и анархіи. Убиты морально и террористы. Они, наивные люди, думали, что борятся и гибнутъ для пользы народа, а на самомъ дѣлѣ гибли для пользы извѣстной правительственной клики. Они были жалкими маріонетками, которыхъ дергала за ниточки, руками Азефа, эта самая клика . . .

Но кто гонится сразу за двумя зайцами, рискуетъ не поймать ни одного, и кто хочетъ во что бы то ни стало заразъ скомпрометтировать слишкомъ многихъ, рискуетъ скомпрометтировать только самого себя.

Въ самомъ дѣлѣ, выступая съ думской трибуны, нужно подтверждать свои обвиненія

какими-нибудь вѣскими данными. Но изложенная гипотеза никакихъ фактическихъ основаній за собою не имѣетъ. В. Л. Бурцевъ, по убѣжденіямъ самый ярый изъ террористовъ всего міра, по иронiи судьбы, является главнымъ оплотомъ гипотезы, предназначенной служить въ рукахъ кадетовъ—а иногда и соціальдемократовъ—для дискредитированія террора.

В. Л. Бурцеву партія въ дѣлѣ Азефа многимъ обязана и должна быть крайне признательна. Упорствомъ въ своихъ показаніяхъ противъ Азефа и настойчивостью въ исканіи уликъ противъ него онъ далъ такой толчекъ всему дѣлу, что передъ этимъ меркнетъ, устраняется, становится слишкомъ мелкимъ вопросъ о ненормальности установленныхъ имъ при этомъ отношеній къ Ц. К. партіи. И можно только пожалѣть, что послѣ такой услуги въ дѣлѣ разоблаченія Азефа онъ вступаетъ на такой радикально ложный путь въ направленіи своей идейно-политической агитаціи по поводу этого дѣла.

По словамъ одного изъ сотрудниковъ «L'Humanité», В. Л. Бурцевъ далъ ему понять, что располагаетъ въ этомъ вопросѣ какими-то таинственными «documents pro-

bants». Информировавшіеся у него члены соціальдемократической партіи, слѣдовательно, выложатъ ихъ во время думскаго запроса. На первый взглядъ можно подумать, что подъ этимъ и въ самомъ дѣлѣ кроется что-то необычайно серьезное. Но вѣдь это одинъ bluff. Вѣдь матеріалы, которыми располагаетъ думская оппозиція, не тайна и для насъ. У нея есть, дѣйствительно, нѣкоторыя документальныя данныя, способныя неопровержимо доказать кое-какія вещи, которыя рѣшительно отрицаются правительствомъ. Но эти документальныя данныя—наши данныя; онѣ доставлены оппозиціи черезъ одного изъ редакторовъ «Знамени Труда». Онѣ неопровержимо докажутъ отрицаемое правительствомъ участіе Азефа въ цѣломъ рядѣ террористическихъ актовъ, и только.

Нѣкоторымъ газетамъ, въ видѣ доказательства, В. Л. Бурцевъ сообщилъ, что Азефъ организовалъ убійство Плеве изъ Варшавы, а въ Варшавѣ въ это время жилъ находившійся въ отставкѣ Рачковскій. Дѣйствительно, Азефъ дважды былъ въ Варшавѣ. Но при какихъ условіяхъ? Вотъ что говоритъ объ одномъ изъ этихъ посѣщеній (передъ убійствомъ Плеве) информаторъ

Бурцева, Бакай, завѣдывавшій въ то время шпіонажемъ въ Варшавѣ: мы получили извѣстіе, что провокаторъ Раскинъ (Азефъ) будетъ въ Варшавѣ для свиданія съ желѣзнодорожникомъ такимъ-то; передъ этимъ спеціально пріѣхалъ завѣдывавшій наружнымъ наблюденіемъ Мѣдниковъ съ филерами, въ качествѣ тѣлохранителей, а частью и контролеровъ Раскина; за Раскинымъ было установлено филерство двумя пріѣзжими и двумя мѣстными агентами; прослѣдили посѣщеніе имъ желѣзнодорожника, видѣли, какъ почти тотчасъ же Раскинъ вышелъ; прослѣдили дальнѣйшіе шаги Раскина вплоть до его обратнаго отъѣзда. Что же? Если такъ, то чего же лучше? Значитъ, если бы состоялось конспиративное свиданіе Азефа съ Рачковскимъ, такъ вѣдь и оно должно бы быть выслѣжено? Однако же, ни о какомъ такомъ свиданьи Бакай не говоритъ. Вторично Азефъ проѣзжалъ черезъ Варшаву уже въ то самое время, когда въ Петербургѣ происходило послѣднее, удавшееся покушеніе. Къ чему же тогда все это безпочвенное указаніе на миѳическую «организацію изъ Варшавы убійства Плеве?»

При чемъ здѣсь, вообще, можетъ быть Рачковскій? Рачковскому при Плеве Ло-

пухинымъ былъ сокращенъ вдвое бюджетъ; Рачковскаго при Плеве заставили выйти въ отставку. Слѣдовательно, Рачковскій могъ радоваться убійству Плеве, даже желать такого убійства. Пусть такъ, — хотя по извѣстнымъ доселѣ даннымъ, выходъ Рачковскаго въ отставку былъ связанъ съ личнымъ гнѣвомъ царя по поводу поведенія Рачковскаго въ знаменитомъ дѣлѣ съ престидижитаторомъ Филиппомъ, который пользовался одно время огромнымъ фаворомъ при дворѣ и оказался, по разслѣдованію, вульгарнымъ, хорошо извѣстнымъ французской полиціи мошенникомъ. Почему же Рачковскій «устраивалъ» убійство Плеве? Пусть будетъ такъ, однако. Но что же могъ сдѣлать Рачковскій для убійства Плеве? Подсказать эту мысль Азефу? Но вѣдь это смѣшно; въ такомъ указаніи никто не нуждался; въ Плеве, какъ въ центральномъ узлѣ, сходились тогда всѣ нити произвола, угнетенія и репрессіи; все страдающее, все угнетенное въ странѣ—всѣ въ одинъ голосъ указывали на него; Боевая Организація въ этомъ отношеніи лишь слушалась голоса всей партіи, а партія лишь слушалась голоса народной совѣсти. Боевая Организація только исполняла неписанный приговоръ этой совѣсти.

Или Рачковскій помогъ Азефу выполнить убійство Плеве? Но вѣдь самъ Рачковскій въ это время былъ не у дѣлъ, въ опалѣ, и даже для информированія о томъ, что дѣлается въ департаментѣ полиціи, долженъ былъ забѣгать въ варшавскую охранку, къ сравнительно мелкой полицейской сошкѣ—Бакаю. Чѣмъ же онъ могъ помочь свершенію дѣла Плеве? Ликованіемъ post factum? Предположимъ, что онъ ликовалъ. Предположимъ, что къ великому всенародному ликованію по случаю смерти Плеве присоединилось мелкое ликованьице г. Рачковскаго. Но развѣ послѣднее въ силахъ осквернить первое? Развѣ море погано, коли и псы изъ него лакаютъ?

Но вѣдь при всѣхъ предположеніяхъ, нами въ видѣ уступки допущенныхъ, еще можно вывести на сцену Рачковскаго, опальнаго и злопыхательствующаго въ отставкѣ Рачковскаго. Но гдѣ же часть правительства, въ борьбѣ противъ другой части правительства, цинически пользующаяся Боевой Организаціей? Ея всетаки еще нѣтъ. И гдѣ искать ее? Гдѣ искать въ правительствѣ такую котерію, которой было бы выгодно «попустить» не только убійство Плеве, но и цѣлый рядъ другихъ террористическихъ

актовъ, въ курсѣ которыхъ стоялъ Азефъ: Оболенскаго, Богдановича, великаго князя Сергѣя? Странная котерія, интересы которой такъ провиденціально совпадали съ интересами всего русскаго рабочаго народа! И не удивительно ли: по разбираемой гипотезѣ, Рачковскій былъ тѣмъ лицомъ, которое черезъ Азефа диктовало террористамъ ихъ линію поведенія. Но кто такой Рачковскій и какъ создалась его дальнѣйшая политическая карьера? Рачковскаго снова вытащилъ изъ опалы—ставленникъ вел. кн. Сергѣя, Д. Треповъ[1]); Рачковскій въ оппозиціи къ формальному главѣ охраны, Кременецкому, сдѣлался съ Гуровичемъ, Мѣдниковымъ и др., фактическимъ главой «зубатовцевъ» и составилъ съ ними настоящее «государство въ государствѣ» среди жандармско-охраннаго міра; но кто же былъ все время лучшимъ и сильнѣйшимъ патрономъ зубатовщины, кто вскормилъ, вспоилъ и взлелѣялъ ее въ Москвѣ, кто своей протекціей вывелъ ее потомъ на всероссійское

[1]) Кстати сказать, первое покушеніе противъ Трепова не состоялось только потому, что Швейцеръ, при изготовленіи снарядовъ для «выхода», взорвалъ себя на воздухъ. Послѣ него организація дѣйствовала и была выдана—по указаніямъ «анонимки Кременецкаго» Татаровымъ. Дѣйствуй Азефъ въ интересахъ Рачковскаго, онъ, конечно, не далъ бы опередить себя Татарову.

поприще, какъ не великій князь Сергѣй Александровичъ?

Въ этомъ слабомъ пунктѣ на помощь погибающей «гипотезѣ» является одинъ изъ представителей «Революціонной Мысли», со своей вспомогательной гипотезой. Нужно найти, кому выгодно убійство вел. кн. Сергѣя. Онъ вспоминаетъ про посѣщеніе Каляева въ тюрьмѣ вел. княгиней Елизаветой Федоровной—и получаетъ «просіяніе своего ума»: вотъ оно! Развѣ не извѣстно, что княгиня находилась во враждебныхъ отношеніяхъ съ мужемъ? Не ясно ли, въ чьихъ интересахъ произведено дѣло? Не ясно ли, какія чувства крылись подъ личиной христіанскаго всепрощенія княгини? Это—извращенное, порочное желаніе полюбоваться на слѣпое орудіе ея замысловъ! Разгадка найдена!

Гипотезѣ нельзя отказать въ находчивости и глубокомыслiи. Если нельзя пріискать разгадки въ политической области, отчего не совершитъ экскурсіи въ область матримоніальную? Отчего не представить Азефа берущимъ на боевую организацію подрядъ по бракоразводной части? Одно нехорошо для «вспомогательной гипотезы». Какъ извѣстно, удачному покушенію Каляева 4-го

февраля предшествовало одно не удавшееся, протекавшее при довольно драматическихъ обстоятельствахъ. Каляевъ уже приблизился къ каретѣ великаго князя, болѣе того, уже занесъ руку—и едва успѣлъ удержать ее: онъ замѣтилъ черезъ окно, что въ каретѣ сидитъ также великая княгиня Елизавета, что тамъ сидятъ также два ея племянника. Каляевъ предпочелъ рискнуть успѣхомъ предпріятія, отложивъ его, чѣмъ поднять руку на женщину и дѣтей. Спрашивается: могла ли великая княгиня разсчитывать на все это столь счастливое для нея стеченіе обстоятельствъ? А если нѣтъ, то не выходитъ ли, что ея предполагаемыя при этомъ цѣли могли бы быть достигнуты въ слишкомъ чрезмѣрной степени?

Но вѣдь то же самое, только въ нѣсколько иномъ видѣ, можно сказать и объ «основной» гипотезѣ. Мы допустили, что Рачковскій, можетъ быть вмѣстѣ съ другими подъ-или сверхъ-Рачковскими, ликовали по случаю смерти Плеве и черпали въ ней свои выгоды. Но вѣдь на дѣлѣ-то непосредственныхъ выгодъ не было; на дѣлѣ ударъ, сразившій Плеве, подѣйствовалъ такъ сильно, что пришлось призвать Святополка-Мирскаго и объявить «весну». Святополкъ-Мирскій издалъ

даже распоряженіе по охраннымъ отдѣленіямъ и жандармскимъ управленіямъ, запрещающее имъ арестовывать и держать въ тюрьмѣ людей безъ уликъ, и вообще принялъ по отношенію къ этимъ учрежденіямъ рядъ «сократительныхъ» мѣръ. Это вѣдь изъ огня да въ полымя. Однако, на Святополка-Мирскаго черезъ посредство Азефа и Боевой Организаціи почему то никакая котерія не покушалась. Черносотенники и охранники одно время особенно возненавидѣли, какъ автора конституціи, гр. Витте; однако, и здѣсь почему-то агентурой Азефа не воспользовались, а графъ Буксгевденъ черезъ боевого черносотенца Казанцева навербовалъ для этого малосознательныхъ юнцовъ-рабочихъ, увѣривъ ихъ, что они идутъ отъ партіи максималистовъ.

Общѣе говоря, нельзя же забывать, что переживалось въ это время Россіей. Это была ужъ не та эпоха полной силы самодержавія, когда Судейкинъ съ Дегаевымъ могли разсуждать на тему объ убійствѣ гр. Толстого и можетъ быть даже вел. кн. Владиміра ради опредѣленныхъ личныхъ разсчетовъ, не рискуя этими актами надвинуть народную революцію; нѣтъ, на этотъ разъ положеніе было совершенно исклю-

чительное. Русско-японская война несла царизму пораженіе за пораженіемъ. Престижъ самодержавія падалъ не по днямъ, а по часамъ. Глухое броженіе въ странѣ все больше и больше прорывалось наружу. Взрывъ всеобщаго ликованія, послѣ смерти Плеве, послѣдующая банкетная кампанія, всенародное движеніе, затѣмъ 9-е января, затѣмъ смерть Сергѣя, затѣмъ всеобщая забастовка — вотъ какимъ лихорадочнымъ темпомъ шли событія. И насъ хотятъ увѣрить,—безъ доказательствъ, а на слово— будто въ такую эпоху, когда самодержавіе стремглавъ катилось къ ненавистной ему конституціи, нашлись какія-то котеріи, части правительства, которыя сами, изъ какихъ-то личныхъ разсчетовъ, создали тотъ самый терроръ, который своими сокрушительными ударами болѣе, чѣмъ что либо, ускорялъ процессъ революціонизированія массъ и дезорганизаціи власти—всей власти, въ цѣломъ, безъ различія котерій и кликъ! Можно какъ угодно смотрѣть на враговъ, но воображать ихъ настолько близорукими и недальновидными—это ужъ слишкомъ, слишкомъ даже для Рачковскаго. Мы ни мало не сомнѣваемся въ способности гг. Рачковскихъ ради карьеры даже истреблять другъ

друга; но они слишкомъ ловкіе дѣльцы, чтобы совершать это въ такихъ размѣрахъ и при такихъ условіяхъ, когда это равносильно подрубанію того самаго сука, на которомъ сидятъ всѣ они, какъ дружащіе, такъ и враждующіе между собою . . .

Чтобы покончить со всѣми смѣлыми гипотезами, упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ. Много говорятъ, что будто бы незадолго передъ смертью Плеве царь началъ тяготиться его властнымъ вліяніемъ, говорятъ, что подобное настроеніе царя могло простираться и на большій кругъ лицъ, и быть интенсивнѣе, чѣмъ намъ извѣстно . . . Въ интервью съ Шарлемъ Лонгэ, сотрудникомъ L'Humanité, В. Л. Бурцевъ, поддерживая гипотезу о соучастіи полиціи въ террористическихъ актахъ Б. О., о наличности и Рачковскаго въ этомъ дѣлѣ другихъ союзниковъ, между прочимъ указалъ, что именно послѣ этихъ актовъ Рачковскій быстро возвысился, настолько, что получилъ право личныхъ докладовъ Николаю. Многозначительнымъ курсивомъ въ интервью подчеркнуты слова Б. Бурцева: «Убійца дяди становится другомъ племянника»...

Вотъ тема, могущая для обывателя замѣнить даже «Тайны Мадридскаго Двора»...

«Другъ Тряпичкинъ! вотъ пища для твоего любознательнаго ума!»

* * *

Но здѣсь насъ ждутъ возраженія самыя сокрушительныя, самыя для насъ убійственныя.

«Какъ? Такъ вы не хотите признавать, что одна часть правительства могла пользоваться террористическою дѣятельностью партіи противъ другой части? Такъ въ отвѣтъ на наши обвиненія правительства въ томъ, что его дезорганизація дошла именно до такой степени—вы будете его выгораживать? Вы выступите его защитниками? Недурно! Хорошая позиція для революціонной партіи!»

Такъ будутъ говорить люди, для которыхъ безпочвенность и бездоказательность разсмотрѣнныхъ гипотезъ съ избыткомъ возмѣщается ихъ «агитаціонной цѣнностью». Но—что дѣлать! Эти люди и мы разно понимаемъ агитаціонность. Пусть реакціонная клика будетъ, какъ угодно сплочена, пусть она viribus unitis занята только подавленіемъ страны, только свирѣпымъ истребленіемъ просыпающагося къ борьбѣ за свои интересы народа. Для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, въ этомъ достаточно агитаціон-

ныхъ моментовъ . . . Иначе разсуждаютъ политиканы мелкотравчатой оппозиціи. Что тамъ истребленіе народа—это дѣло маленькое, къ этому всѣ привыкли, этимъ никого не удивишь; а вотъ если бы удалось доказать, что въ правительствѣ братъ на брата поднялся, и въ итогѣ пролилась не сермяжная, не мужицкая, а вельможеская или даже великокняжеская кровь—вотъ это агитаціонно! Это должно пронять даже самыхъ закоренѣлыхъ «друзей порядка!»

Какъ видите, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ «агитаціонными цѣнностями» совсѣмъ особаго рода. Онѣ насъ не прельщаютъ. До того не прельщаютъ, что пусть про насъ все, что угодно будетъ говорить «княгиня Марья Алексѣевна», пусть даже объявитъ насъ за нечувствительность къ этимъ цѣнностямъ сторонниками самодержавія—насъ это ни мало не растрогаетъ.

Кадетская и кадетствующая пресса очень склонны принять разобранныя нами гипотезы по очень опредѣленной причинѣ. Имъ хотѣлось бы попасть въ двойную цѣль: въ революцію и въ реакцію. Но если бы удалось представить въ достаточно правдоподобномъ свѣтѣ картину соучастія какихъ нибудь котерій изъ высшихъ сферъ въ терро-

ристическихъ актахъ, то здѣсь то и можно было бы съ торжествомъ сказать: реакція и революція едино суть, онѣ другъ друга питаютъ и другъ друга поддерживаютъ, да и не разберешь, гдѣ кончается одна и начинается другая; итакъ, мирные обыватели, жаждущіе свободы въ порядкѣ и порядка черезъ свободу, сторонитесь и реакціонеровъ, и революціонеровъ, спасеніе только въ насъ, только мы можемъ устранить анархію правительственную, какъ и противоправительственную; наконецъ, всѣ вы, просто честные и морально-чистые люди, вы сторонитесь мерзостей реакціи,—но знайте, что ими заражено и безсознательное орудіе реакціи—революція. Только у насъ вамъ не угрожаетъ моральная язва вродѣ азефщины!

О да, и они отчасти правы. Правительство, конечно, не станетъ тратиться на подсыланіе къ кадетамъ Азефа. Pas de danger! Кадетская добродѣтель останется внѣ всякихъ покушеній на нее, какъ добродѣтель Мариторны. Да, это проклятіе революціонныхъ партій—язва провокаціи, и она грозитъ партіи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ опаснѣе для себя считаетъ послѣднюю правительство. Это подтверждается примѣрами и Бакая (былъ предателемъ у с. д., по предложенію

Зубатова «перешелъ» къ с.-р.) и Татарова (сначала бывшаго основателемъ «русской соц. дем. партіи»), и Гапона (которому Рачковскій предлагалъ непремѣнно вступить въ боевую орг. П. С. Р.), и Герцыка («работалъ» у с.-д., но получилъ отъ Гартинга предложеніе перейти къ с.-р.) и самого Азефа (вращавшагося первоначально въ соц.-дем. кружкахъ).

О да, вы правы, рыцари умѣренности и акуратности! Всякій, кто пойдетъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ, долженъ заранѣе знать, что эта партія будетъ постоянно осаждаться провокаторами — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она сохранитъ свою непримиримую боевую тактику. Да и съ этой опасностью долженъ посчитаться всякій, кто хочетъ примкнуть къ ней. У к.-д., въ ихъ открытой партіи, конечно спокойнѣе. И кому это кажется преимуществомъ, тотъ лучше сдѣлаетъ, если не пойдетъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ. Здѣсь придется вооружиться скрытностью и подозрительностью. Мучительно это. Мучительно открыть неожиданно возлѣ себя провокацію и счесть полученные іудины поцѣлуи. Мучительно заподозрить въ провокаторствѣ невиннаго и убить его морально. Неизвѣстно, что мучительнѣе. Да, тернистъ путь революю-

ціонной конспираціи; глаже и легче путь открытой партіи. «Взвѣсь силу гордую, взвѣсь волю твердую—какимъ идти».

Но мы, разъ избравшіе революціонный путь, мы съ презрѣніемъ отметаемъ всѣ явныя и скрытыя инсинуаціи противъ революціи, поводомъ для которыхъ служитъ открытіе провокаціи. Посмотрите на кадетскую печать: съ какимъ торжествомъ она хоронитъ партію соціалистовъ-революціонеровъ! какъ распространяется она на ту тему, что соучастіемъ политической полиціи терроръ морально убитъ, приговоренъ всенароднымъ сознаніемъ и не воскреснетъ! И посмотрите на текстъ ихъ думскаго запроса: въ какихъ осторожныхъ выраженіяхъ онъ составленъ! какъ избѣгаютъ составители ангажировать себя какимъ бы то ни было рѣшительнымъ утвержденіемъ! Да, они прекрасно понимаютъ, что выступленіе на думской трибунѣ обязываетъ, что взойти на нее для того, чтобы выдать за фактъ любую ничѣмъ не подкрѣпленную гипотезу, значитъ совершить политическое легкомысліе, значитъ идти на полный провалъ. И если они такъ охотно приняли гипотезу соучастія части правительства, то для того, чтобы «использовать» ее не столько въ думѣ, или

даже совсѣмъ не въ думѣ, а въ печати, и не столько противъ правительства, сколько противъ террористовъ. А затѣмъ—der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen!

Не такъ осторожны соціальдемократы. Они ангажировали себя въ гораздо большей степени, хотя вооружены не сильнѣе. И имъ приходится, какъ основнымъ аргументомъ, пользоваться аналогіей. Они припоминаютъ въ текстѣ своего запроса исторію отношеній между Судейкинымъ и Дегаевымъ. Затѣмъ говоря объ участіи Азефа въ террористическихъ актахъ, они все время соединяютъ его съ Рачковскимъ, говоря о «дѣяніяхъ Азефа и Рачковскаго», и, наконецъ, указываютъ конкретную цѣль этихъ дѣяній: «въ настоящее время правительство особенно широко пользуется этой провокаціонной дѣятельностью въ цѣляхъ усиленія реакціи и оправданія исключительныхъ положеній». Правительству, видите ли, самому былъ нуженъ терроръ ради усиленія реакціи и увеличенія штата полиціи: иначе зачѣмъ бы нуженъ былъ Азефъ? Этимъ методомъ можно пойти далеко. Въ свое время департаментъ полиціи давалъ деньги на изданіе марксистскаго журнала «Начало», причемъ хозяиномъ дѣла былъ небезъизвѣст-

ный провокаторъ Гуровичъ[1]). Ужъ не слѣдуетъ ли отсюда, что правительство желало распространенія соціальдемократическихъ идей ради все той же цѣли: увеличенія штатовъ полиціи и оправданія политики репрессій? Къ чему эти хитросплетенія «механики мудреца» тамъ, гдѣ ларчикъ отпирается гораздо проще? Но нѣтъ, простыя объясненія не удовлетворяютъ. И относительно 9-го января ходила же одно время глубокомысленная догадка, что оно «входило въ планъ» полиціи, что Гапонъ и не думалъ увлекаться движеніемъ и переходить въ революціонный лагерь, а Макіавели охраннаго отдѣленія хотѣли, чтобы рабочіе вышли на площадь, чтобы ихъ тамъ разстрѣляли и тѣмъ надолго отучили отъ крамолы . . . Да, хлынувшій потокъ гипотезъ доказываетъ, поистинѣ, «что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ россійская земля рождать!» Нѣтъ, Азефомъ дорожили совсѣмъ по другой причинѣ и пользовались иначе.

Въ концѣ 1905 г. по настоящее время Боевая Организація была поражена немощью, рѣзко

---

[1]) По газетнымъ свѣдѣніямъ, деньги, отпущенныя деп.-томъ полиціи, до журнала не дошли и, повидимому, застряли въ широкихъ карманахъ г. Гуровича. Но это не мѣняетъ дѣла.

контрастирующей съ блестящими успѣхами прежняго времени. Въ теченіи этого періода, за какими нибудь двумя исключеніями, Азефъ, очевидно, систематически разстраивалъ и затягивалъ, затягивалъ и разстраивалъ намѣчаемые террористическіе акты. Въ партіи началъ пробиваться скептицизмъ по отношенію къ центральному террору; стали считать силы революціонеровъ слишкомъ малыми, а организованность правительства —слишкомъ огромной и могущественной, чтобы терроръ, какъ система, былъ возможенъ. А между тѣмъ . . . дѣло было болѣе чѣмъ просто; невидимая рука ставила препятствія, удаляла объектъ нападенія, останавливала ударъ, отстраняла занесенную руку,—какъ разъ въ роковой моментъ, когда она готова была опуститься на голову врага. Внутренняя измѣна обезсиливала самоотверженныхъ борцовъ . . .

Послѣ этого можно оцѣнить по достоинству глубокомысліе тѣхъ изъ враговъ партіи с.-р. вообще и террора въ частности, которые пробуютъ инсинуировать—«а, теперь мы понимаемъ, почему одно время партіи удавался терроръ! оказывается, тутъ дѣло было не безъ Рачковскаго!».

Нѣтъ, не успѣхи террористическаго дѣла

въ тѣ времена, когда измѣна Азефа еще находила себѣ пищу только на периферіи, а полный параличъ террора, когда Азефъ спеціализировался на его предотвращеніи,— вотъ что можетъ быть объяснено наличностью провокатуры. Этой простой, азбучной истины не хотятъ понять ни «быстрые разумомъ Невтоны», плѣнившіеся возможностью сочинить интригу замысловатѣе, чѣмъ въ «тайнахъ мадридскаго двора», ни глашатаи третьедумской оппозиціи, которые сами не разберутъ, правительство ли они больше всего хотятъ дискредитировать обвиненіемъ въ прикосновенности къ террору, или терроръ—доказательствомъ прикосновенности къ нему правительства.

Мы уже говорили, что, собираясь аттаковать правительство, кадеты чрезвычайно осторожны. Они только дозволяютъ себѣ условные обороты: «если участіе Азефа въ организаціи и полномъ осуществленіи террористическихъ актовъ составляло тайну для правительства до послѣдняго времени, то почему теперь . . .», за то съ террористами—какъ неимѣющими чина—они ужъ не чинятся. Чего только не прочтешь теперь о нихъ въ кадетской прессѣ! И все таки, кажется, рекордъ побитъ г. Вергежскимъ въ

«Словѣ». Этотъ авторъ окончательно доказалъ, что терроръ погибъ въ народномъ сознаніи и что партія, считающая въ числѣ своихъ основателей Азефа, морально умерла . . .

Какъ жаль, что г. Вергежскій не жилъ при Понтійскомъ Пилатѣ! Какъ неопровержимо могъ бы онъ тогда доказать, что нѣтъ и не можетъ быть будущаго у христіанства, что морально разложилось и не воскреснетъ движеніе, однимъ изъ основателей котораго —однимъ изъ двѣнадцати апостоловъ—былъ Іуда Искаріотъ!

А впрочемъ, можетъ быть кое-кто изъ тогдашнихъ умѣренныхъ и благоразумныхъ фарисеевъ тоже питалъ такія надежды? Можетъ быть, даже ни одной новой пошлости не способны выдумать фарисеи нынѣшняго времени?

Ю. Г.

Терроръ и дѣло Азефа.

Дѣло Азефа нанесло рѣшительный ударъ центральному террору. Оно вскрыло, что въ Боевой Организаціи гнѣздилась измѣна. Моральное значеніе террора подорвано, его реальная сила звучитъ пустою угрозой. Терроръ отжилъ свой вѣкъ. Остается перековать мечи на орала.

Такъ говорятъ теперь многіе. Говорятъ и тѣ, кто всегда былъ врагомъ террора, и тѣ, кто, какъ Понтій Пилатъ умывалъ равнодушно руки, наконецъ и тѣ, кто вчера еще молился богу войны.

Что же случилось? . . . Вотъ 9-ое января 1905 года, во главѣ петербургскихъ рабочихъ священникъ Георгій Гапонъ. «Съ наивною вѣрой» возсталъ рабочій народъ, «началась великая русская революція». Гапонъ пишетъ царю: «Изъ-за тебя, изъ-за твоего всего дома —Россія можетъ погибнуть. Пожалѣй дѣтей своихъ и россійскія страны, о ты предлагатель мира для другихъ народовъ, а для своего—кровопійца. Иначе, вся имѣющая про-

литься кровь на тебя падетъ, палачъ, и твоихъ присныхъ.»

Такъ пишетъ Гапонъ. Онъ зоветъ на бой, его лозунгъ «свобода или смерть». Народъ вѣритъ ему. Царь не слышитъ его. Настаетъ судный день: «море крови, какъ нигдѣ, прольется».

А вотъ 28 марта 1906 года. Пустая дача подъ Петербургомъ. Ночь. Кругомъ снѣжное поле. Въ пустой комнатѣ остывающій трупъ. Трупъ Гапона. Трупъ провокатора.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Іуда Симоновъ Искаріотъ предалъ Христа. Христіанство не умерло до сихъ поръ. Кто посмѣетъ сказать: грѣхъ Іуды осквернилъ ученье любви? Кто забудетъ муки Христа? Кто вспомнитъ торгъ первосвященника Анны?

Вотъ «Иванъ Николаевичъ». Шефъ центральнаго террора. Онъ тоже зоветъ на бой. Царь не слышалъ Гапона. Царь услышитъ его. Динамитъ краснорѣчивѣе словъ.

А вотъ Азефъ. Провокаторъ Евгеній Азефъ.

Еще разъ: что же случилось? Развѣ умеръ терроръ? Развѣ умерла революція? Развѣ азефскій грѣхъ осквернилъ ученіе соціализма? Развѣ уже не «въ борьбѣ обрѣтешь

ты право свое?» Развѣ не жилъ Гершуни, не боролся Сазоновъ, не умиралъ на эшафотѣ Каляевъ?

Революція не побѣдила. Она побѣдитъ. Но и не побѣдивъ, она создала громадную цѣнность. Цѣнность любви къ народу, цѣнность высшаго долга и высшаго самоотреченія. Вспомните имена: Гоцъ, Покотиловъ, Швейцеръ, Вноровскій, Спиридонова, Рагозинникова, Коноплянникова, Измайловичъ, Брилліантъ, Катинъ, Пулиховъ, «Адмиралъ», Зильбербергъ, Сулятицкій, Никитенко, Траубергъ, Лебединцевъ, Синявскій... Или и этого мало? Или Азефъ опозорилъ ихъ смерть, обезцѣнилъ ихъ жертву? . . .

Не Азефъ создалъ терроръ, не Азефъ вдохнулъ въ него жизнь. И Азефу не дано разрушить тотъ храмъ, котораго онъ и не строилъ.

Такова моральная сущность вопроса. Гапонъ продалъ себя, но революція выше всѣхъ подозрѣній. Азефъ продалъ себя, но терроръ по прежнему чистъ. Можно скорбѣть о нихъ, о жалкихъ Азефахъ и Гапонахъ, можно ихъ ненавидѣть. Но не время скорбѣть о террорѣ. Еще не выкованы орала, еще не свернуто знамя, еще изъ рукъ не выпалъ нашъ мечъ.

Говорятъ еще: реальная сила террора — пустая угроза. Терроръ возможенъ только съ разрѣшенія властей. Онъ успѣшенъ только съ одобренія шпіона. Плеве убитъ,—такъ хотѣлъ чиновникъ Рачковскій. Рачковскій не захотѣлъ—и Столыпинъ живъ. Полиція слишкомъ сильна и не террористамъ бороться съ нею. Не лучше ли признать свое пораженіе, смѣло взглянуть въ глаза тяжкой правдѣ? Не лучше ли быть откровенно слабымъ, чѣмъ сильнымъ лишь на словахъ?

Прежде всего—въ чемъ роль Азефа? Дѣйствительно ли полиція знала, знала и допустила убійство Сипягина, Богдановича, Плеве, великаго князя Сергѣя, Чухнина, Сахарова, Луженовскаго, Шувалова, Мина, Бородулина? . . . Вотъ что мы знаемъ объ этомъ отъ свидѣтелей и больше мы ничего не знаемъ:

Азефъ,—другъ Гершуни, его ближайшій помощникъ. Онъ не знаетъ о дѣлѣ Сипягина, но ему извѣстны дѣла Оболенскаго и Богдановича. Сообщилъ ли онъ о нихъ полиціи? Одинъ свидѣтель намъ говоритъ: да, Гершуни былъ арестованъ по указанію Азефа, Богдановичъ былъ убитъ только случайно, но другой свидѣтель опровергаетъ: нѣтъ полиція ничего не знала, Гершуни былъ аре-

стованъ по указанію какого-то другого провокатора. Но пусть второй ошибся. Отмѣтимъ—Азефъ «освѣтилъ» дѣло Богдановича, въ Уфу былъ посланъ чиновникъ Мѣдниковъ, но опоздалъ: Богдановичъ былъ 6-го мая убитъ.

Дѣло Плеве. Свидѣтели сходятся: Азефъ «освѣщалъ» отдѣльныхъ товарищей, напримѣръ Швейцера. Онъ сообщилъ въ департаментъ полиціи, что Швейцеръ террористъ по убѣжденіямъ и что онъ вѣроятно приметъ участіе въ террористическомъ актѣ. Но зналъ ли департаментъ полиціи о покушеніи на Плеве? Нѣтъ, для него 15-е іюля было ударомъ грома. Зналъ ли о немъ Рачковскій, тогда не у дѣлъ, частный служащій въ Варшавѣ? Свидѣтели говорятъ: не знаемъ. Здѣсь начинается область догадокъ: Рачковскому было выгодно убійство Плеве, Азефу тоже выгодно,—онъ выигрывалъ въ партіи положеніе. Интересъ Рачковскаго совпалъ съ интересомъ Азефа, интересъ Азефа съ долгомъ партіи. Азефъ вступилъ въ сношеніе съ Рачковскимъ. Въ какое? Вѣдь только Рачковскому было выгодно убійство Плеве, но не департаменту же полиціи, не самому же убитому Плеве. Могъ ли Рачковскій гарантировать террористамъ ихъ без-

опасность? Нѣтъ, не могъ—онъ былъ не у дѣлъ. Онъ могъ, зная, молчать. Отъ молчанія до разрѣшенія еще далеко. Отъ разрѣшенія до помощи еще глубокая пропасть.

Была ли помощь со стороны Рачковскаго? Я утверждаю: нѣтъ. Плеве былъ выслѣженъ не на основаніи частныхъ свѣдѣній, а на основаніи общеизвѣстнаго факта—его еженедѣльной поѣздки къ царю. Частныя свѣдѣнія были, но они оказались слухами, мелкими сплетнями и скорѣе вредили дѣлу, чѣмъ помогали. Кто слѣдилъ за Плеве? Каляевъ, Сазоновъ, Швейцеръ, Брилліантъ, Покотиловъ, Сикорскій . . . Кто шелъ съ бомбами 15-го іюля? Каляевъ, Сазоновъ, Сикорскій . . . Въ чемъ же помощь полиціи? Въ чемъ союзъ Азефа и Рачковскаго? Рачковскій, максимумъ, зналъ—и не доносилъ. Азефъ, максимумъ,—не исполнялъ своихъ обязанностей шпіона.

Далѣе. Дѣло Трепова и Сергѣя. Дѣло Трепова—аресты 17 марта. Кто устроилъ этотъ разгромъ? Одинъ свидѣтель сказалъ: Татаровъ и Азефъ. Значитъ, быть можетъ, Азефъ разбилъ Боевую Организацію.

И замѣтьте еще: въ этотъ періодъ Азефъ живетъ за-границей. Онъ только знаетъ о

дѣлѣ Трепова и Сергѣя. Знаетъ участниковъ, знаетъ явки и паспорта, знаетъ планъ. Онъ можетъ выдать, но не помочь. Или полиція разрѣшила убить Сергѣя? Приказала не слѣдить за Боевой Организаціей, не арестовывать террористовъ? Въ чьихъ интересахъ? Съ какою цѣлью? Чтобы Азефъ еще болѣе выдвинулся въ партіи, чтобы Рачковскій имѣлъ право сказать: я не у власти—въ Россіи терроръ, дайте мнѣ власть и террора не будетъ? Для Азефа и Рачковскаго, для ихъ служебной карьеры, начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія рискуетъ собой, рискуютъ собой филеры, рискуетъ департаментъ полиціи? Знаютъ что великій князь на волоскѣ и не арестуютъ: пускай убиваютъ. Наивное объясненіе. Не проще ли намъ сказать: Азефъ зналъ о дѣлѣ Сергѣя, но не выдалъ его. Почему не выдалъ? Кто знаетъ?

Свидѣтели намъ говорятъ: о дѣлѣ Сергѣя полиція знала немного, знала, что ѣдетъ въ Москву такой-то, что проѣхалъ черезъ Варшаву такой-то, но гдѣ кто живетъ полиціи было неизвѣстно. Дѣйствительно, московскіе филеры замѣтили однажды одного террориста и немедленно донесли объ этомъ. Но кого же они замѣтили и не арестовали?

Бориса Внoровскаго-Мищенко, тогда еще не члена Боевой Организаціи, о желаніи котораго работать въ террорѣ Боевая Организація въ то время еще не знала. И еще: незадолго до покушенія филеры усмотрѣли мелькомъ еще одного террориста, но кого неизвѣстно, можетъ быть впрочемъ, Каляева. Но если Каляева, то почему не было установлено немедленно послѣ убійства его настоящее имя? Почему полиція искала по всей Россіи—кто же именно убилъ великаго князя Сергѣя? И далѣе: по тому же паспорту, по какому она проживала въ Москвѣ, Дора Бриллiантъ послѣ 4-го февраля, уѣхала въ Харьковъ и жила тамъ долгое время. Пусть полиція рѣшила допустить убійство Сергѣя. Что же, она рѣшила также и не казнить террористовъ? Она знаетъ, что Дора Бриллiантъ видный участникъ убійства Сергѣя, знаетъ паспортъ ея, знаетъ объ отъѣздѣ въ Харьковъ и всетаки не арестуетъ. Какая же цѣль не арестовать послѣ убійства? Въ чьихъ это служебныхъ интересахъ? Опять Азефъ? Опять Рачковскій? . . . Значитъ отмѣтимъ: въ дѣлѣ Сергѣя не было помощи полиціи, какъ и въ дѣлѣ Плеве. Было недонесеніе Азефа по начальству. Послѣ Сергѣя—неудачныя покушенія на Клей-

гельса, Унтербергера, Трепова, «Нижегородскій Съѣздъ» Боевой Организаціи и указаніе его полиціи. Кто указалъ? Свидѣтели утверждаютъ: Азефъ. Опять едва не разгромъ. Это помощь полиціи? Безъ полиціи нельзя дѣлать террора?

А далѣе,—покушеніе 23 апрѣля 1906 г. на Дубасова и печальная роль въ этомъ дѣлѣ Азефа. Онъ явно не помогаетъ, онъ препятствуетъ, онъ доноситъ. Организація въ третій разъ на краю гибели. Еще позже, —неудачи покушеній на Мина (первое покушеніе) и Римана, Дурново, Чухнина, Столыпина, великаго князя Николая Николаевича, Редигера, опять Столыпина, наконецъ арестъ «Сѣвернаго Летучаго Боевого Отряда» и «царскій процессъ».

О Павловѣ, Лауницѣ и Гершельманѣ Азефъ зналъ, но планъ этихъ дѣлъ былъ измѣненъ въ самомъ ходѣ приготовленій. Объ измѣненіяхъ этихъ Азефъ не зналъ.

Что же, и въ этотъ періодъ можно сказать, что только съ разрѣшенія полиціи можно дѣлать терроръ? И въ этотъ періодъ не ясно, что ни о какой полицейской помощи не можетъ быть рѣчи, и что терроръ не удавался прежде всего потому, что во главѣ Боевой Организаціи былъ Азефъ?

Итакъ резюмируемъ. Что знаемъ мы отъ свидѣтелей о боевыхъ «освѣщеніяхъ» Азефа? Азефъ зналъ объ Оболенскомъ и Богдановичѣ, выдалъ Гершуни, но вопреки волѣ Азефа Богдановичъ былъ убитъ. Азефъ участвовалъ въ дѣлѣ Плеве, неопредѣленно «освѣщалъ» Швейцера и другихъ. Помогъ ли онъ полицейскими связями убить Плеве? Слѣдовъ этого мы не видимъ. Азефъ зналъ о Треповѣ и о Сергѣѣ. Помогъ ли онъ въ этихъ двухъ случаяхъ? Слѣдовъ мы опять не видимъ. Дальше идутъ аресты, неудачи и снова аресты. Полиція помогаетъ арестами? Одобряетъ каторгой? Разрѣшаетъ висѣлицами? Кажется, ясно одно: реальная сила террора звучитъ пустою угрозой, когда въ организаціи есть провокаторъ. Передъ этой силой трепещутъ, когда организація въ рукахъ революціи. Это старо, какъ вѣкъ. Неужели приходится повторять аксіомы?

Скажутъ еще: въ террористической организаціи всегда будетъ свой провокаторъ. Въ заговорѣ—темно, въ темнотѣ все неясно и скрыто. Терроръ немыслимъ,—онъ обреченъ на жертву провокатурѣ.

Кто говоритъ такъ, тотъ забылъ исторію Россіи. Вспомните Народную Волю. Былъ Дегаевъ, но было и первое марта. Вспомните

смерть Боголѣпова, смерть Сипягина, вспомните еще разъ, безъ тревоги и гнѣва, всю цѣпь террористическихъ актовъ послѣднихъ годовъ и скажите по совѣсти: всегда и вездѣ, во всякой террористической организаціи былъ провокаторъ? Терроръ обреченъ на жертву провокатурѣ?

Дѣло Азефа—тяжелый ударъ для партіи и для революціи. Но этотъ ударъ тяжелъ не тѣмъ, что подорвано моральное значеніе террора, — терроръ Каляева чистъ —, и не тѣмъ, что терроръ, какъ форма борьбы невозможенъ: не будетъ Азефовъ, будетъ терроръ. Этотъ ударъ тяжелъ и страшенъ другимъ. Въ эти темные дни торжества палачей легко упасть духомъ, легко отречься отъ старыхъ завѣтовъ, легко забыть свое прошлое. Дѣло Азефа поколеблетъ слабыхъ, оно быть можетъ смутитъ и сильныхъ. Нужна большая любовь, чтобы поднять наше старое знамя, нужна горячая вѣра. Но вѣдь «вѣра безъ дѣлъ мертва есть» и побѣда только за тѣмъ, въ чьихъ рукахъ мечъ.

Борисъ Савинковъ.

Изъ темнаго царства.

Отставка директора департамента полиціи искушеннаго въ политическомъ розыскѣ Трусевича . . . Арестъ бывшаго директора департамента полиціи Лопухина . . . Дѣло Азефа . . . Всѣ эти событія, совпавшія во времени, сконцентрировали общественное вниманіе на «темномъ царствѣ» сыска, на которое печать пытается пролить лучъ свѣта . . .

Дѣло Азефа подняло цѣлую бурю не только въ революціонномъ лагерѣ. Оно подняло такую же бурю тревогъ и въ лагерѣ правительственномъ.

Открытіе, что «секретный сотрудникъ», которому въ глазахъ политической полиціи по цѣнности не было равнаго, являлся въ то же время активнымъ участникомъ нанесенія правительству ударовъ, колебавшихъ устои власти—подѣйствовало и тамъ ошеломляюще. Одни этому вѣрятъ, другіе не хотятъ вѣрить. Колебанія и нерѣшительность заставляли правительство долго от-

тягивать отвѣтъ на думскіе запросы. Уже происходятъ контры и распри. И сомнительно, чтобы этимъ окончилась начавшаяся пертурбація . . .

Дѣло Азефа ведетъ насъ въ самые затаенные углы, въ ультра-конспиративное подполье сыскного міра . . . Тамъ, на поверхности, смѣняются директора департамента полиціи, идетъ оффиціальная, казенная жизнь высшей полицейской бюрократіи. Здѣсь, переходя черезъ рядъ съуживающихся круговъ, подобныхъ кругамъ дантовскаго ада (въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ Россіи не одна политическая полиція, а нѣсколько полицій) мы приходимъ къ самому центру полицейскаго сыска и провокаціи, къ маленькой котеріи, сосредоточивающей въ своихъ рукахъ всѣ самыя существенныя нити секретной и грязной работы розыска. Высшая департаментская бюрократія смѣняется вмѣстѣ со смѣной министровъ—настоящіе «дѣльцы» и творцы шпіонажа держатся обычно—за вычетомъ преходящихъ междоусобій—прочнымъ, сплоченнымъ ядромъ подъ эфемерной бюрократической шелухою . . .

Это «ядро», которое «пребываетъ» при всѣхъ внѣшнихъ смѣнахъ и перемѣнахъ, въ

своемъ нынѣшнемъ составѣ ведетъ свое начало со временъ Зубатова. Самъ бывшій ренегатъ, предатель и провокаторъ, онъ окружаетъ себя цѣлымъ рядомъ личностей того же калибра. Создается цѣлая котерія, переживающая своего вождя. Съ паденіемъ Зубатова она пополняется новыми лицами. Во главѣ ея съ особенно большимъ успѣхомъ одно время подвизается Рачковскій, заслуженный дѣлецъ, опубликованный въ качествѣ шпіона еще во времена «Народной Воли», на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Клѣточниковымъ. Въ первыхъ рядахъ этой котеріи стоитъ цѣлый рядъ другихъ ренегатовъ, какъ бывшій издатель марксистскаго журнала «Начало» Гуровичъ, какъ бывшій соціальдемократъ Дубрицкій (Доброскоковъ) и т. п. Здѣсь и такіе, прошедшіе огонь, и воду, и мѣдныя трубы люди, какъ выслужившійся изъ городовыхъ, прошедшій черезъ должность простого, потомъ старшаго филера, и дошедшій до поста «завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ всея Россіи» маститый Мѣдниковъ, сохранившій до конца своего «служенія» малограмотность и привычки простого филера, свободнѣе всего чувствующаго себя съ «демократіей» сыска. Здѣсь и другіе подобные же лица—

всѣ эти Герасимовы, Пятницкіе и иные сихъ и оныхъ дѣлъ мастера.

Можно себѣ представить, какое значеніе пріобрѣтаетъ подобная клика въ самодержавномъ государствѣ, въ эпохи, подобныя той, какую только что пережила Россія,— въ эпохи, когда весь государственный механизмъ превращается въ орудіе самозащиты стараго порядка, когда онъ вооружается съ ногъ до головы исключительными положеніями, охранами, скорострѣльными судами; когда для стараго порядка стоитъ вопросъ жизни или смерти; когда его борьба съ революціей достигаетъ высшей степени напряженія, и неустойчивое равновѣсіе на вѣсахъ судьбы, кажется, ставитъ самое существованіе власти подъ угрозу и въ зависимость отъ малѣйшей несчастной случайности . . . Въ такіе моменты воротилы политическаго сыска чувствуютъ, что въ ихъ рукахъ судьбы монархіи и династіи, что отъ ихъ искусства зависитъ спасеніе, отъ ихъ промаховъ можетъ послѣдовать гибель пошатнувшагося трона. Они чувствуютъ себя настоящими, дѣйствительными вершителями историческихъ судебъ монархіи и династіи. Они чувствуютъ себя настоящимъ, не показнымъ, а фактическимъ правительствомъ.

Что же удивительнаго въ томъ, что они вырабатываютъ свою «политическую линію поведенія»? Что изъ темныхъ закоулковъ шпіонажа подъ покровомъ привычной конспиративной тьмы они выплываютъ въ открытое море политическихъ авантюръ? Что свою «политику» они считаютъ единственнымъ настоящимъ дѣломъ, въ отличіе отъ презираемой ими казовой бумажной политики министерствъ? Что удивительнаго, если они оказываются настоящимъ «государствомъ въ государствѣ», противъ котораго часто безсильны министры и сановники?

* * *

Въ распоряженіи русскаго сыска—колоссальныя денежныя средства, которыми онъ распоряжается совершенно безконтрольно. Въ распоряженіи русскаго сыска—возможность карать и миловать, гноить въ тюрьмахъ и выпускать на свободу, подводить подъ висѣлицу и дарить жизнь. Два оружія. Неизвѣстно, какое ужаснѣе. Неизвѣстно, какое могущественнѣе.

Здѣсь во всякое время, оптомъ и въ розницу, сдѣльно и помѣсячно, покупается и нанимается человѣческая совѣсть. Здѣсь блѣдный ужасъ подгоняетъ къ позорной

сдѣлкѣ людей, которыхъ недостаточно притягиваетъ распутная алчность.

Здѣсь клика развращенныхъ до мозга костей авантюристовъ со своими секретными фондами служитъ магнитомъ, тянущимъ къ себѣ изъ другихъ лагерей все нездоровое, зараженное тайными похотями, подтачиваемое моральной червоточиной. Здѣсь школа предательства—не только мелочнаго, пошленькаго, низкотрусливаго—но и настоящаго, поднимаемаго до уровня «искусства для искусства». Здѣсь вырабатываются настоящіе маркизы Де-Сады предательства, —находящіе острое и мучительное нервное наслажденіе въ двойной жизни, полной лжи, актерства, опасности—настоящаго хожденія по натянутому канату надъ пропастью. Здѣсь, въ веселомъ цинизмѣ общенія оффиціальныхъ воротилъ сыска съ «секретными сотрудниками», культивируется психопатическое смакованіе роли Іуды . . .

Время отъ времени въ этомъ дружномъ міркѣ возникаетъ какое-нибудь личное соперничество, и тогда нѣтъ средства, которымъ бы побрезговали эти люди. Изъ за дѣлежа наградъ по «ликвидаціи» террористическаго покушенія на Трепова поднялись нелады—и немедленно кто-то—свергнутый начальникъ

охраны Кременецкій, какъ думаютъ одни, обдѣленный наградою Гуровичъ, какъ думаютъ другіе—шлетъ революціонерамъ анонимный доносъ на двухъ ультра-секретнѣйшихъ, извѣстныхъ самому ограниченному кругу лицъ, провокаторовъ. Желаніе свести какіе-то другіе счеты заставляютъ Мѣдникова поручить нѣсколькимъ смѣлымъ охранникамъ приняться за сооруженіе маленькаго лже-террористическаго акта противъ Максимовича, чтобы потомъ своевременнымъ раскрытіемъ этого акта помимо Петерсона, начальника охраны въ Варшавѣ, привести послѣдняго къ паденію. Всѣ эти исторіи разбираются и погашаются, во избѣжаніе подрыва престижа власти, келейно—домашними средствами . . .

Иногда «секретные сотрудники» также срываются съ цѣпи. Эпопея зубатовцевъ и независимцевъ, среди которыхъ продажныя души и обманутые глупцы объединялись неразрывно цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ типовъ, особенно богата такими примѣрами. И неудивительно. Демагоги охраннаго отдѣленія охотно натравливали рабочихъ въ западномъ краѣ противъ мелкихъ предпринимателей-евреевъ (полковникъ Васильевъ даже совѣтовалъ шепоткомъ, при

закрытыхъ дверяхъ, не останавливаться передъ фабричнымъ терроромъ), а въ Москвѣ и Одессѣ—противъ фабрикантовъ-иностранцевъ, вродѣ Гужона, Рестеля и т. п. Въ Одессѣ эти шутки съ огнемъ кончились для правительства печально—всеобщей забастовкой. Слишкомъ «увлекшагося» Шаевича пришлось сослать на сѣверъ, а состоявшаго съ нимъ въ черезчуръ смѣлой перепискѣ Зубатова—отправить въ опалу . . .

Георгій Гапонъ съ субсидіей и подъ покровительствомъ властей организовалъ свои «отдѣлы», которые должны были отвлекать рабочихъ отъ революціи. Завсегдатай интимныхъ собраній зубатовской клики, на ея приватной штабъ-квартирѣ (знаменитой «Преображенская, 40, кв. 1», гдѣ жила полицейская дама г-жа Румянцева), сообщавшій не мало цѣнныхъ свѣдѣній о пропагандистахъ с.-д. и с.-р., такъ вошелъ въ роль и во вкусъ своей демагогической роли, что сорвался съ полицейской цѣпи и преподнесъ своимъ патронамъ такой сюрпризъ, какъ 9-ое января. Это не помѣшало потомъ дерзкому авантюристу и его старымъ знакомымъ, авантюристамъ охраннаго отдѣленія, снова сойтись послѣ манифеста 17 октября. Сдѣлка состоялась—и министерство финансовъ

послушно субсидировало автора недавнихъ террористическихъ прокламацій и призывовъ, а не боящійся играть съ огнемъ Рачковскій убѣждалъ его не ограничиваться «освѣщеніемъ» своихъ заграничныхъ сношеній съ революціонерами, но во что бы то ни стало войти для полицейскихъ цѣлей въ Боевую Организацію П. С.-Р. И при всей цинической неразборчивости Гапона—кто знаетъ, не сорвался ли бы онъ снова съ цѣпи, если бы этотъ провокаціонный планъ окончился удачею?

«Входилъ во вкусъ» своей роли въ революціонной организаціи и Азефъ, подарившій въ свое время правительство не малымъ количествомъ непріятныхъ сюрпризовъ. И въ высшей степени мало вѣроятно, чтобы участіе Азефа въ террористической дѣятельности оставалось неизвѣстнымъ до конца такимъ артистамъ сыскного дѣла, какъ Рачковскій. Если до 1905 года Азефъ могъ съ блестящимъ успѣхомъ вести свою авантюристскую игру, создавая себѣ карьеру и въ полиціи, и въ революціи, въ одномъ мѣстѣ черпая деньги—источникъ наслажденій, а въ другомъ—славу, удовлетворявшую его властолюбію—то кратковременное появленіе около центра партіи такого провокатора,

какъ Татаровъ, должно было, хотя и не всецѣло, но всетаки до значительной степени раскрыть полицейскимъ воротиламъ многое, до тѣхъ поръ въ этой области для нихъ сокровенное. Дальнѣйшая судьба Азефа, однако, показываетъ, что Рачковскій и К° оказались съ нимъ не менѣе покладливыми, чѣмъ съ Гапономъ. Они видимо не принадлежатъ къ числу тѣхъ, кто «старое помянетъ», когда впереди можно сообща обдѣлать многое. Они въ такихъ случаяхъ, какъ истые практики, предпочитаютъ другой путь —и лаской, и угрозой вернуть заблудшаго сына, посадить его снова на полицейскую привязь, озаботившись только, чтобы на этотъ разъ привязь была покрѣпче. И Азефъ на этотъ разъ долго и послушно сидѣлъ на цѣпи, ибо съ 1905 года, по всѣмъ видимостямъ, именно его «работой» объясняется полная парализація дѣятельности руководимой имъ Боевой Организаціи,—какъ странно было бы не предположить его руки и въ систематическихъ провалахъ боевыхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ параллельно съ Боевой Организаціей и независимо отъ нея. И однако . . . и однако, когда Азефу показалось, что его положеніе въ партіи поколебалось, онъ не задумался снова рискнуть. Съ конца

1907 г. по 1908 годъ дѣлается нѣсколько попытокъ, направленныхъ противъ жизни царя. Удайся послѣдняя изъ этихъ попытокъ—а она имѣла всѣ шансы удасться, и только нерѣшительность исполнителей въ послѣдній моментъ погубила дѣло—и престижъ Азефа въ революціонной средѣ былъ бы спасенъ, всѣ неблагопріятные слухи должны были бы смолкнуть . . . и Азефъ, можетъ быть, и по сей часъ продолжалъ бы ту же инфернальную игру въ революцію, въ одно и то же время цинически торгуя людскими жизнями въ охранѣ, и срывая цвѣты лучшихъ человѣческихъ чувствъ—среди самоотверженныхъ борцовъ террора...

* * *

Русское правительство привыкло къ авантюризму охранниковъ, и не шокируется имъ. Даже если оставить въ сторонѣ загадочную гибель Черняка, мы имѣемъ передъ собою цѣлый рядъ примѣровъ, гдѣ авантюры ихъ съ кинжаломъ, револьверомъ и даже динамитомъ покрывались и прикрывались покровомъ тайны. У всѣхъ должно быть на памяти трагическое покаяніе несчастнаго юноши-рабочаго, бывшаго членомъ с.-р.-овской организаціи и ушедшаго изъ

нея, какъ онъ полагалъ, къ максималистамъ, —а, какъ оказалось, къ агентамъ-провокаторамъ, навербовавшимъ еще нѣсколько такихъ же легковѣрныхъ людей для своихъ мрачныхъ замысловъ . . . Несчастный юноша убилъ Іоллоса, не зная его имени и думая, что убиваетъ какого-то похитителя экспропріированныхъ денегъ; онъ едва не былъ вовлеченъ въ убійство д-ра Бѣльскаго (неоднократно привлекавшагося по обвиненію въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и нынѣ сидящаго въ тюрьмѣ), котораго ему выдавали за «боевого черносотенца»; наконецъ, онъ участвовалъ въ одномъ и долженъ былъ участвовать въ другомъ черносотенномъ покушеніи противъ гр. Витте. Обнаруживъ обманъ, онъ вмѣсто этого убилъ самого обманщика—Казанцева, въ тотъ моментъ, когда послѣдній явился передавать ему предназначенныя для Витте бомбы. Благодаря этому убійству дѣло перешло въ руки слѣдственной власти. Положеніе было ясное. Цѣлый рядъ лицъ, «работавшихъ» съ Казанцевымъ, агентовъ московскаго охраннаго отдѣленія, былъ извѣстенъ. Извѣстенъ былъ и главный организаторъ всѣхъ этихъ предпріятій—чин. особыхъ порученій при московскомъ ген.-

губернаторѣ, графъ Буксгевденъ. Не имѣя возможности отрицать своихъ сношеній съ Казанцевымъ и его дружиной, онъ объяснялъ лишь, что задачею ихъ дѣятельности было раскрытіе террористическихъ замысловъ революціонеровъ . . . И однако, все это дѣло было совершенно замято,—не возбудивъ въ правительственныхъ сферахъ ни малѣйшаго волненія.

Дѣло Азефа такъ просто кончиться не можетъ. Въ немъ есть обстоятельства, которыя не допускаютъ этого. Азефъ является активнымъ соучастникомъ предпріятія, жертвою котораго палъ членъ царской фамиліи, великій князь Сергѣй Александровичъ. Конечно, Рачковскій, который долженъ былъ знать отъ Татарова, что Азефъ стоитъ близко ко всѣмъ террористическимъ дѣламъ, могъ во имя будущихъ благъ закрыть глаза на это, и не доискиваться, насколько въ этомъ дѣлѣ дѣйствовала Азефская рука. Но что допускала его авантюристская психологія, того не можетъ допускать психологія правящихъ сферъ . . . Не потому, конечно, чтобы тамъ сидѣли люди много благороднѣе, а по болѣе прозаическимъ причинамъ . . .

«Mon métier à moi c'est d'être royaliste»— сказалъ когда то императоръ Іосифъ. Всѣ

верхи нашего правительства, самъ царь, всѣ члены царской фамиліи, не говоря о послушномъ хорѣ придворной камарильи, не могутъ не придти въ ужасъ отъ возможности такого факта. Какъ! дядя царя, Сергѣй—впрочемъ, нѣтъ, не Сергѣй, это среди простыхъ смертныхъ бываютъ Сергѣи,—а Сергій Александровичъ, великій князь, священная особа,—а съ другой стороны какой то Азефъ, котораго даже столь цѣнившіе его чины охраны, оказывается, называли между собою «толстая жидовская морда»! И это могло случиться, и онъ могъ осмѣлиться, могъ посягнуть! И послѣ всего этого онъ еще пользовался изъ царской казны деньгами, вмѣсто того, чтобы быть вздернутымъ на висѣлицѣ!

Да, этимъ людямъ не понять практика-Рачковскаго (мы говоримъ не только о персональномъ, а и о собирательномъ Рачковскомъ). Они—искренно или притворно—романтики династіи. Для нихъ піэтетъ передъ членомъ царской фамиліи—вещь обязательная. Вѣдь въ немъ—ихъ собственное родное дѣло—«leur métier à eux» . . . Это Рачковскій, догадавшись или полу-узнавши о «штукѣ», выкинутой секретнымъ сотрудникомъ, втайнѣ можетъ «въ высокой степени

наплевать» на прошлое, хотя бы въ немъ былъ подозрительный пунктъ съ «Сергіемъ». Это Рачковскій втайнѣ можетъ разсудить, что сдѣланное—сдѣлано, и нечего поднимать о немъ ненужный шумъ, когда можно оборудовать «настоящее дѣло» въ будущемъ. Это Рачковскій, какъ авантюристъ, можетъ, пожалуй, даже оцѣнить дерзость другого авантюриста, не остановившагося ни передъ чѣмъ для созданія себѣ карьеры и въ революціонномъ лагерѣ, и вывести отсюда то заключеніе, что въ хорошихъ рукахъ и на крѣпкой привязи такой человѣкъ будетъ настоящій кладъ для охраны . . . Рачковскій—дѣлецъ, Рачковскій—выскочка и человѣкъ карьеры, у Рачковскаго—ni foi, ni loi, одинъ чистоганъ; и онъ, однако, освободиться отъ обязательнаго піетета можетъ лишь въ разсчетѣ, что все останется втайнѣ. Вѣдь для династическихъ верховъ Рачковскій—лакей, обязанный свято чтить своихъ господъ. И онъ носитъ послушно ливрею подобострастія . . . Но какой же господинъ не выгонитъ лакея, если у него изъ подъ этой ливреи вдругъ выглянетъ, на глазахъ у всѣхъ, все безобразіе его наготы? А въ дѣлѣ Азефа ее, рано или поздно, только слѣпой не увидитъ.

Правда, еще до сихъ поръ дѣлается все возможное, чтобы замаскировать истину и предупредить конфликтъ. Высказываются сомнѣнія, чтобы Азефъ могъ принимать участіе въ террористическихъ актахъ. Находятся наивные люди, которые скорѣе готовы предположить, будто революціонеры изъ мести ловкому провокатору оговариваютъ его. Какъ будто для революціонеровъ можетъ быть что-нибудь больнѣе этого участія! Но развѣ сторонникамъ насквозь прогнившаго режима дано понять психологію честныхъ бойцовъ, лицо которыхъ заливается жгучею краскою стыда при мысли, что свои лучшія, самыя святыя минуты они переживали плечомъ къ плечу,—и, какъ они думали, душа съ душой—съ авантюристомъ на жалованьи у полиціи. И вотъ, черносотенцы готовы уже курить фиміамъ передъ «единственнымъ евреемъ», искупающимъ въ ихъ глазахъ революціонные грѣхи всей расы, передъ невинно оклеветаннымъ революціонерами Азефомъ. Столыпинъ готовъ отсрочивать объясненія въ Думѣ до момента, когда особое командированное заграницу лицо, привезетъ какія-то все разъясняющія документальныя данныя. Пусть ихъ! Чѣмъ болѣе они утвердятся на этой

позиціи, тѣмъ непоправимѣе будетъ ударъ— когда участіе Азефа въ террористическихъ актахъ будетъ доказано для всѣхъ ясно, неопровержимо и документально. Дѣйствительность предстанетъ во всей ея наготѣ. Во всей наготѣ передъ очами своихъ господъ предстанетъ и собирательный Рачковскій . . .

Да, здѣсь дѣло непоправимо. Чѣмъ больше будетъ выясняться фактическая сторона дѣла Азефа, тѣмъ больше будетъ выглядывать эта нагота. И вотъ почему собирательному Рачковскому нужно устраивать заграницей тайныя свиданія съ Азефомъ (что и дѣлается, какъ мы своевременно опубликуемъ), въ то самое время, когда династическіе, и можетъ быть, даже министерскіе верхи должны обсуждать вопросъ объ его арестѣ. И вотъ почему Азефу приходится одинаково обезпечивать себя какъ отъ браунинга революціонеровъ, такъ и отъ веревки правительственнаго палача.

И вотъ почему, съ другой стороны, дѣло Азефа не можетъ не быть источникомъ смуты, раздора и тревоги. Это размолвка между двумя правительствами—явнымъ и конспиративнымъ, оффиціальнымъ и нелегальнымъ. Какое побѣдитъ? Негласное-

ли, заставивъ своей сплоченностью явное правительство капитулировать и сдѣлать видъ, что ничего не видитъ? Или наоборотъ, пользуясь тѣмъ, что «успокоеніе» наступило по всей линіи, неблагодарное явное правительство укажетъ конспративному его мѣсто, его «свой шестокъ»?

Это мы скоро увидимъ. Но не все-ли равно?

Б. Ол.

Столыпинъ и Азефъ.

Долго жданный день думскихъ преній, наконецъ, наступилъ. Выступилъ и Столыпинъ, «во всеоружіи» добытыхъ имъ данныхъ. Позиція правительства опредѣлилась. Азефъ не провокаторъ, Азефъ не можетъ быть участникомъ террористическихъ актовъ. Азефъ—чрезвычайно полезный «секретный сотрудникъ»—и только.

Вѣрилъ ли г. Столыпинъ всему тому, что говорилъ? Многіе изъ представителей оппозиціи получили такое впечатлѣніе, что онъ былъ совершенно искрененъ. Мы позволимъ себѣ принять это мнѣніе лишь съ нѣкоторой оговоркой. Нѣтъ сомнѣнія, охранныя свѣдѣнія объ Азефѣ, о его дѣятельности, вмѣстѣ съ рядомъ его донесеній, имѣютъ такой видъ, что послѣ нихъ перейти къ допущенію его участія въ террористическихъ актахъ —чрезвычайно трудно. Работа Азефа и здѣсь была все время «чистая работа». Держась только этой серіи данныхъ, имѣя только ее, естественно совершенно откло-

нить, какъ смѣшную, всякую мысль о революціонныхъ дѣйствіяхъ Азефа. Но вѣдь теперь всплыла другая серія данныхъ. Передъ Столыпинымъ—извѣщеніе центральнаго комитета, передъ Столыпинымъ—письма Азефа къ революціонерамъ. Столыпинъ слишкомъ аффектировалъ свое недовѣріе къ первымъ. Столыпинъ слишкомъ страннымъ гробовымъ молчаніемъ обошелъ вторыя. Столыпинъ слишкомъ часто повторялъ, что ни обвинять, ни защищать Азефа не будетъ.

Онъ слишкомъ аффектировалъ свое недовѣріе къ даннымъ Ц. К. для человѣка, въ былыя времена очень любившаго ссылаться на оффиціальные документы партіи. Онъ слишкомъ подчеркивалъ свой нейтралитетъ къ Азефу для человѣка, около половины своей рѣчи посвятившаго изложенію заслугъ послѣдняго въ дѣлѣ предотвращенія террористическихъ дѣйствій. Онъ слишкомъ тщательно умолчалъ о прочтенныхъ съ трибуны письмахъ для человѣка, увѣреннаго въ своей правотѣ.

Нѣтъ, на душѣ у г. Столыпина далеко не спокойно. Чтобы сохранить свое спокойствіе, онъ долженъ отмахиваться отъ новыхъ для него данныхъ, вскрывающихъ вторую полосу двойной жизни Азефа,—вмѣсто того, чтобы ихъ анализировать. Онъ долженъ

судорожно цѣпляться за тѣ, старыя свѣдѣнія. Но что это за свѣдѣнія? Самъ г. Столыпинъ говоритъ: «Свѣдѣнія эти основаны на донесеніяхъ: самого Азефа, завѣдующаго розыскною частью,—и подверглись, конечно, контрольной провѣркѣ. Къ сожалѣнію, г. Столыпинъ даже не задалъ себѣ вопроса, въ чемъ могла состоять эта «контрольная провѣрка» свѣдѣній, приносимыхъ полиціи Азефомъ изъ совершенно другого, чуждаго ей и строго законспирированнаго отъ нея міра?

Какъ бы то ни было, мы sine ira et studio анализируемъ данныя г. Столыпина, Они—очень хорошій матеріалъ, для характеристики того, какою представлялась для правительства роль Азефа и какъ послѣдній велъ свои дѣла. Прежде всего оказывается, что онъ запродалъ свою душу издавна, еще зеленымъ юнцомъ, вращавшимся въ соціальдемократическихъ кружкахъ. Въ связи съ его домашнею жизнью, «не длиненъ и не новъ разсказъ» о его паденіи, о томъ, «какъ дошелъ онъ до жизни такой». Сынъ бѣднаго еврея ремесленника, портного въ Ростовѣ, выросшій въ нищетѣ, чисто по еврейски привязанный къ семьѣ, къ роднымъ, онъ выбивается въ люди самъ и становится опорою своихъ близкихъ, пользуясь всѣми

доступными ему средствами. Грошевое на первыхъ порахъ полицейское вознагражденіе въ его положеніи—цѣлое богатство. Полицейскія деньги—а, можетъ быть, и рекомендаціи—дѣлаютъ нерѣдко знавшаго голодъ и лишенія Евно Азефа инженеромъ-электротехникомъ, на прекрасномъ жалованьи, съ постепенно ростущимъ «дополнительнымъ доходомъ» въ полиціи. Передъ нимъ раскрывается путь въ новый міръ—міръ матеріальныхъ благъ и наслажденій, міръ неизвѣданный и соблазнительный со своимъ контрастомъ съ эпохой жалкаго прозябанія въ пригнетенной, презираемой, бѣдствующей семьѣ портного . . . и его спаситель—полиція, съ которою онъ отнынѣ связанъ такими узами, освободиться отъ которыхъ—и при желаніи—трудно. Здѣсь коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть. Но могло ли у него быть такое желаніе? Въ 1902 году Азефъ начинаетъ свою дѣятельность въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, въ «объединенной партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Въ это время за нимъ числилось уже около десяти лѣтъ неразоблаченнаго двойного существованія—въ революціонныхъ кружкахъ и въ полиціи. Десять лѣтъ двойного существованія, начиная съ

младыхъ ногтей! Нетрудно представить себѣ, какой неизгладимый отпечатокъ должно было это наложить на всю психологію человѣка, какъ болѣзненно извратиться должна была вся его душа, какъ всосаться въ плоть и кровь должно было притворство и лицемѣріе, какъ искусство играть роль должно было превратиться въ привычку, во вторую натуру. Въ объединенной партіи с.-р. Азефъ выступаетъ уже фигурою, совершенно цѣлостной и законченной. Ему не предстоитъ, какъ Татарову, принять печать паденія и существенно измѣниться на глазахъ товарищей,—сдѣлаться какъ будто совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Нѣтъ, все время онъ остается однимъ и тѣмъ же, ровнымъ, неизмѣннымъ, вѣрнымъ себѣ—въ предательской роли по отношенію къ другимъ.

Но десять лѣтъ пребыванія сначала въ русскихъ, потомъ заграничныхъ студенческихъ кружкахъ выдвигаютъ Азефа. Онъ пользуется уваженіемъ многихъ окружающихъ. Правда, его больше уважаютъ, чѣмъ ему симпатизируютъ. Но онъ познаетъ сладость «первой роли». Она рѣзко контрастируетъ съ тѣмъ третированіемъ пока еще мелкаго сотрудника, да еще еврея, которое онъ долженъ замѣчать среди полицейскихъ

сферъ. Тамъ—царство антисемитизма. Въ опубликованномъ Ц. К-томъ секретномъ «руководствѣ по охранной службѣ» значится, что лицо еврейскаго происхожденія допускается къ провокаторской роли (гдѣ нужна продажность) и не допускается къ роли филера (отъ котораго требуется честность, правдивость, усердіе, вѣрность присягѣ и цѣлый реестръ разныхъ похвальныхъ качествъ). Его самолюбію приходится претерпѣть здѣсь не мало щелчковъ. Не это ли заставляетъ его завести вскорѣ особую линію поведенія, тщательно замаскированную для департамента полиціи? И не тотъ ли фактъ, что Плеве — отецъ антисемитизма, отецъ еврейскихъ погромовъ, хотя отчасти движетъ имъ впослѣдствіи, при настойчивой работѣ противъ послѣдняго? Или просто обманъ настолько въѣдается въ его натуру, что онъ физически не можетъ не обманывать всякаго, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, даже своихъ собственныхъ патроновъ, вытащившихъ его изъ нищеты, грязи и лишеній—дѣятелей департамента полиціи? Быть можетъ, послѣднее вѣрнѣе, чѣмъ первое. Несомнѣнно лишь одно: въ донесеніяхъ Азефа полиціи, которыя Столыпинъ приводитъ въ доказательство полезности этого «сотрудника», про-

ведена самая тонкая, самая послѣдовательная «двойная бухгалтерія».

Вотъ факты. «Къ 1902 г. относится его первое знакомство съ Гершуни, Гоцемъ, Черновымъ. Это—люди революціоннаго центра. Вліяніе Азефа въ это время растетъ, и, благодаря этимъ именно связямъ, онъ получаетъ цѣнную для д-та полиціи освѣдомленность,»—сообщаетъ Столыпинъ. Но вѣдь въ дѣйствительности было какъ разъ обратное. Азефъ пріѣхалъ заграницу со всѣми связями и полномочіями принятыми имъ отъ ожидавшихъ ареста дѣятелей сѣвернаго «союза с.-р.», такъ же, какъ Гершуни—со всѣми данными отъ южныхъ, поволжекихъ и примыкавшихъ къ нимъ группъ; они, отъ имени уже объединенной партіи, включили въ составъ ея Гоца, Чернова и др., и образовали заграничную редакцію «Революціонной Россіи». Они были тѣмъ русскимъ «революціоннымъ центромъ», къ которому примкнули жившіе это время заграницей идеологи; они поставили этихъ идеологовъ въ связь съ практическими работниками въ Россіи . . .[1])

Г-нъ Столыпинъ, на основаніи донесеній

[1]) И Азефъ, дѣлая послѣднюю попытку поколебать увѣренность товарищей въ своей виновности, ссылается на этотъ фактъ: «Мнѣ же, одному изъ основателей партіи соціалистовъ-революціонеровъ, приходятъ и говорятъ» и т. д.

Азефа, убѣжденъ будто бы до 1906 года послѣдній былъ только членомъ сравнительно мало-вліятельнаго заграничнаго комитета партіи. Но Азефъ никогда не былъ членомъ этого комитета; если во времена своего пребыванія заграницей онъ участвовалъ иногда въ его засѣданіяхъ, то лишь въ качествѣ члена Центральнаго Комитета. Г-нъ Столыпинъ даже не подумалъ, что его собственныя свѣдѣнія подрываютъ вѣроятность сообщенія Азефа. Послѣдній своевременно донесъ о конференціи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій въ Парижѣ, въ 1904 г. «Эта конференція—заявляетъ Столыпинъ—состоялась между 17 и 24 сентября и на ней были Азефъ, Черновъ, а изъ конституціоналистовъ: Петръ Струве, Богучарскій, князь Долгоруковъ и Павелъ Милюковъ». Дѣйствительно, партія с.-р. отправила на эту конференцію двухъ делегатовъ: одного —какъ идеолога партіи, какъ представителя находившагося заграницей идейно-литературнаго центра, другого—какъ практика, стоящаго въ центрѣ боевой, а частью и организаціонно-технической работы въ Россіи. Но неужели г. Столыпинъ не задался такой мыслью: если Азефъ вдвоемъ съ Черновымъ представляли на такой конференціи

всю дѣйствующую партію с.-р.,—то возможное ли дѣло, чтобы въ это время Азефъ занималъ въ партіи такое маловліятельное положеніе, какъ онъ самъ доносилъ? Напротивъ: время 1903—1904 г. есть эпоха наибольшей организаціонной дѣятельности Азефа въ русскомъ Ц. К., порою очень малолюдномъ и ослабленномъ арестами. Это —время его наибольшей и непосредственной освѣдомленности во всѣхъ общепартійныхъ дѣлахъ . . .[1])

Переходимъ къ самому интересному и важному пункту—дѣлу Плеве. Здѣсь едва ли не наиболѣе ярко проявляется тщательная и тонкая работа азефовской «двойной бухгалтеріи». Азефъ заранѣе обезпечиваетъ себѣ отступленіе и гарантируетъ себя отъ всякихъ случайностей. Дѣло Плеве должно незыблемо упрочить его положеніе въ революціонномъ лагерѣ; но оно должно не погубить, а скорѣе подвинуть его карьеру и въ лагерѣ полицейскомъ. Къ его счастью, подвертывается непріятная для него конкуренція: попытка Клитчоглу и др. Азефъ выдаетъ эту попытку полиціи, и однимъ

[1]) Про это время и говоритъ Азефъ въ оглашенномъ съ думской трибуны письмѣ: «я . . . выносилъ на своихъ плечахъ всю ея работу въ разные періоды».

ударомъ убиваетъ двухъ зайцевъ. Дѣло противъ Плеве остается его монополіей; правительство ему благодарно. Даже нынѣ Столыпинъ съ недоумѣніемъ говоритъ: «Убійство статсъ-секретаря Плеве приписывается видимо Азефу, несмотря на то, что онъ только что передъ этимъ раскрылъ покушеніе на того же Плеве?» Пойдемъ дальше, сопоставляя данныя революціонной и полицейской хроники шагъ за шагомъ. Азефъ заграницей, при ультра-конспиративной обстановкѣ, включаетъ въ свою организацію Егора Сазонова; видится съ нимъ сначала въ Женевѣ, гдѣ занимается вопросомъ о динамитной техникѣ, затѣмъ переноситъ боевую штабъ-квартиру въ Парижъ; выдаетъ Сазонову, вмѣстѣ съ другими лицами, паспортъ; выѣзжаетъ, по окончаніи работъ, въ Россію; начинается дѣло противъ Плеве, гдѣ Сазонову уже опредѣлена роль. Что сообщаетъ онъ полиціи? «Онъ ѣздилъ въ это время въ Уфу, имѣлъ тамъ свиданіе съ братомъ Сазонова, Изотомъ, сообщалъ о томъ, что тотъ имѣетъ свѣдѣнія о своемъ братѣ Егорѣ, бѣжавшемъ изъ тюрьмы и готовившемъ нѣчто важное». Недурно придумано, не правда ли? Какая видимость искренности! Удается или не удается дѣло

Сазонова, Азефъ одинаково обезпеченъ. Даже если откроется, что онъ видался съ Сазоновымъ заграницей—неважно, онъ могъ не знать его имени: онъ «еще близко къ боевому дѣлу не стоялъ, а могъ знать только то, что сообщали ему законспирированные центровики»[1]). Дальше: въ предпріятіи противъ Плеве неудача; Покотиловъ, превосходно Азефу извѣстный, отдавшій все свое состояніе на терроръ и работавшій раньше подъ руководствомъ Азефа въ динамитномъ дѣлѣ, взрываетъ себя на воздухъ, въ тотъ самый моментъ, когда заряжаетъ бомбы для уже подготовленнаго слѣжкой выхода на Плеве. Азефъ, который использовалъ бы удачу для революціонной карьеры, используетъ неудачу для карьеры полицейской: «4 іюля Азефъ появляется въ СПБ. и открываетъ д-ту полиціи, что лицо, погибшее во время взрыва въ Сѣверной гостинницѣ, во время приготовленія бомбъ, очевидно (sic!) для покушенія на Плеве, былъ нѣкто Покотиловъ, что соучастники его находятся въ

[1]) На дѣлѣ, какъ всѣмъ намъ хорошо извѣстно, Азефъ сдѣлался ближайшимъ помощникомъ Гершуни въ Б. О. уже за два года передъ тѣмъ. «Скоро пріѣхалъ Гершуни ко мнѣ и мы сговорились о совмѣстной работѣ съ нимъ въ апрѣлѣ и маѣ 1902 года»—пишетъ и самъ Азефъ въ письмѣ къ Савинкову, оглашенномъ съ трибуны Г. Думы.

Одессѣ и Полтавѣ»[1]). Комедія продолжается и дальше: Азефъ «ѣдетъ въ Одессу, откуда сообщаетъ, что готовится покушеніе на Плеве, что оно отложено потому только, что нѣтъ бомбъ». А между тѣмъ вскорѣ, именно 8-го іюля, должно было произойти покушеніе на Плеве; случайныя препятствія, встрѣченныя на улицѣ, мѣшаютъ дѣлу; Каляевъ и Сазоновъ ѣдутъ на свиданіе съ Азефомъ въ Вильно; здѣсь рѣшаютъ возобновить покушеніе при такой же поѣздкѣ Плеве въ тотъ же день на слѣдующей недѣлѣ. Послѣ покушенія всѣ должны встрѣтиться заграницей; «старшему офицеру» Азефъ назначаетъ свиданіе въ Варшавѣ, чрезъ которую онъ долженъ проѣхать заграницу; «старшій офицеръ», однако, Азефа уже не застаетъ: спутница, старая революціонерка, сообщаетъ пріѣзжему, что Азефъ, узнавъ телеграммой о смерти Плеве, немедленно выѣхалъ заграницу. Первый доносъ Азефа—что Егоръ Сазоновъ «готовитъ нѣчто важное»—блистательно оправдывается: «Плеве погибаетъ—убѣдительнымъ тономъ говоритъ министръ—именно отъ руки

[1]) Ни въ Одессѣ, ни въ Полтавѣ никакихъ «соучастниковъ» не было; но выдумка удачна: Покотиловъ родомъ изъ Полтавы. Другіе члены Б. О. тогда были частью въ СПБ., частью въ Кіевѣ (попытка противъ Клейгельса).

Сазонова . . . 16-го іюля Азефа въ Россіи уже нѣтъ: имѣется уже его телеграмма изъ Вѣны». Да, не только для революціонеровъ, но и для полиціи разработалъ Азефъ свою знаменитую систему alibi[1]).

Тотъ же классическій образецъ двойной бухгалтеріи представляетъ собою и поведеніе Азефа во время террористическаго акта противъ вел. кн. Сергѣя и подготовленія акта противъ Трепова. Отправивъ изъ за границы въ оба эти мѣста и въ Кіевъ (противъ Клейгельса) три группы, самъ онъ запаздываетъ пріѣздомъ—и Столыпинъ съ торжествомъ предъявляетъ его alibi въ Женевѣ и Парижѣ. Опять таки Азефъ гарантируетъ себя отъ всякой случайности, сообщая департаменту что-то такое аналогичное сообщеніямъ о дѣлѣ противъ Плеве. «Опять таки»—глухо говоритъ Столыпинъ—«по тому положенію, которое занималъ Азефъ въ партіи, отъ него можно было бы ожидать донесеній болѣе подробныхъ по этому дѣлу, если бы онъ былъ въ это время въ Россіи и могъ бы

[1]) Въ поискахъ доказательствъ, что Азефъ не руководилъ террористическими актами, Столыпинъ обращается къ психологіи, и на примѣрахъ Гершуни и Савинкова показываетъ, что руководители обычно сами бываютъ на мѣстѣ дѣйствія. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи они поступали иначе, чѣмъ Азефъ. Но вѣдь они не нуждались въ alibi для полиціи...

эти свѣдѣнія достать». О, sancta simplicitas! Но еще дальше эта simplicitas доходитъ до чисто-институтской наивности. «Дѣло объ убійствѣ вел. кн. подробно освѣщено, какъ судебнымъ слѣдствіемъ[1]), судебнымъ процессомъ, такъ и литературой, особенно подпольными изданіями. Но до настоящаго времени мы нигдѣ не встрѣчали имени Азефа въ рядахъ соучастниковъ этого процесса». Но отъ кого бы онъ могъ его услыхать на процессѣ? Тамъ не было обвиняемыхъ, дававшихъ «откровенныя показанія». Или г. Столыпинъ ждалъ, что «подпольныя изданія», будутъ такъ любезны, что сообщатъ ему имена не раскрытыхъ участниковъ? Или г. Столыпинъ ждалъ, что секретная агентура по этому дѣлу, т. е. Азефъ, долженъ былъ донести на Азефа? Конечно, всякій министръ имѣетъ право наивничать, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ...

Послѣ раскрытія провокатуры Азефа, въ революціонныхъ кругахъ было много споровъ о томъ, не Азефъ ли раскрылъ дѣло

[1]) Которое—замѣтимъ отъ себя—долго не могло установить даже личности Каляева, обозначеннаго первоначально и въ обвинительномъ актѣ, какъ «неизвѣстный», и открытаго лишь случайно. Слѣжка же московской охраны передъ покушеніемъ была все время по ложному слѣду (Мищенко-Внировскій и др., изъ которыхъ никто тогда не принадлежалъ и даже не былъ связанъ съ Боевой Организаціей).

противъ Трепова. Но даже въ анонимномъ письмѣ, полученномъ въ 1905 г. Ц. К-томъ, и написаннымъ по злобѣ, какъ оказывается теперь, начальникомъ охраны Кременецкимъ (а м. б. и Гуровичемъ), раскрытіе этого дѣла приписывается Татарову, Азефъ же обвиняется въ рядѣ мелкихъ, сравнительно неважныхъ, предательствъ. «Что же касается покушенія на ген. Трепова, то оно, дѣйствительно, было раскрыто Татаровымъ, который далъ имена всѣхъ организаторовъ покушенія, но не называетъ между ними Азефа, хотя роль сотрудника департамента онъ, конечно, не зналъ; наоборотъ, Азефъ сообщаетъ дополнительныя данныя по этому дѣлу». И здѣсь отыгрывается тѣмъ, что впослѣдствіи даетъ «дополнительныя свѣдѣнія», используетъ для своей полицейской карьеры неудачу, какъ использовалъ бы для своей революціонной карьеры—удачу предпріятія.

Но здѣсь возникаетъ одинъ чрезвычайно важный вопросъ, даже существованія котораго, повидимому, и не подозрѣваетъ предсѣдатель совѣта министровъ. Татаровъ «сообщилъ имена всѣхъ организаторовъ», но не назвалъ Азефа. Но Татаровъ, не будучи членомъ Ц. К., и успѣвая лишь кое-что вывѣдать, только догадывался объ

организаторахъ, и не о всѣхъ вѣрно. Онъ почему-то думалъ, что ближайшимъ руководителемъ и этого предпріятія былъ Савинковъ—который на дѣлѣ въ данную группу не входилъ и находился заграницей. Отсюда—извѣстная ошибка охраны[1]), которая непремѣнно хотѣла считать Савинковымъ Моисеенко и усматривала одно притворство даже въ поведеніи вызванной спеціально матери Савинкова. Поэтому же Татаровъ могъ не знать и объ участіи Азефа. Столыпинъ заявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Татарову полицейская роль Азефа не была извѣстна. Охотно допускаемъ, что это такъ и было—но только до конца 1905 г. По пріѣздѣ своемъ заграницу первое время Татаровъ пользовался довѣріемъ, и здѣсь для него не могло не выясниться, что Азефъ и Савинковъ—участники однихъ и тѣхъ же дѣлъ. Это—minimum. Но онъ могъ узнать и больше, а именно, что Азефъ въ террористической организаціи по положенію стоитъ впереди Савинкова. Теперь дальше. Въ декабрѣ 1905 или январѣ 1906 г. Татаровъ уже успѣлъ вывѣдать черезъ од-

---

[1]) Она запечатлѣна даже въ напечатанной своевременно всѣми заграничными газетами телеграммѣ объ арестахъ террористовъ, причемъ взятъ также chef de la bande Savinkoff.

ного своего родственника отъ Ратаева, что Азефъ — провокаторъ. Татаровъ дважды заявлялъ объ этомъ, со ссылкой на Ратаева, представителямъ Ц. К., въ то же время не сознаваясь въ собственныхъ сношеніяхъ съ полиціей («не я провокаторъ, не я выдалъ боевиковъ, а Азефъ»). Указанію на Азефа и не повѣрили болѣе всего благодаря тому, что посредствомъ него Татаровъ пытался обѣлить себя, когда его виновность была (чего онъ, впрочемъ, не зналъ) уже неопровержимо доказана. Итакъ, Татарову въ началѣ 1906 года была уже извѣстна двойная роль Азефа. Татаровъ въ это время, какъ доказано документально, находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Рачковскимъ и Гуровичемъ. Эти послѣдніе, слѣдовательно, не могли не узнать— хотя бы и безъ деталей—о томъ, что Азефъ имѣлъ скрытую отъ нихъ полосу жизни въ революціи.

И—характерное явленіе! Именно съ этого времени въ дѣятельности Азефа происходитъ поворотъ. Онъ уже не скрываетъ дальше своего положенія въ партіи. «Но только съ 1906 г.—говоритъ Столыпинъ—Азефъ, уже въ качествѣ члена центральнаго комитета с.-р., подходитъ ближе къ боевому дѣлу

и получаетъ полную освѣдомленность о всѣхъ террористическихъ предпріятіяхъ». «Интересна его дальнѣйшая роль. Я утверждаю, что съ этого времени всѣ революціонныя покушенія, всѣ замыслы центральнаго комитета раскрываются и ни одно не получаетъ осуществленія».

Несомнѣнно, что, въ общемъ и главномъ, съ этихъ поръ Азефъ начинаетъ служить полиціи уже вѣрой и правдой. Но только Столыпинъ можетъ быть такъ наивенъ, чтобы вѣрить въ объясненія, данныя по этому поводу Азефомъ . . .

Изъ собственныхъ словъ Столыпина видно, что Азефъ и раньше возбуждалъ иногда —напр. послѣ смерти Плеве, въ полиціи подозрѣнія. «Послѣ такого потрясающаго преступленія д-тъ полиціи, конечно, разслѣдовалъ, что дѣлалъ въ это время его сотрудникъ. Директоръ д-та Лопухинъ выписываетъ изъ-за границы Ратаева разслѣдовать все дѣло—и оставляетъ Азефа на службѣ . . . Немедленно послѣ этого Азефъ даетъ замѣчательно цѣнныя и важныя свѣдѣнія». Иными словами, Азефъ стремится загладить оставшіяся шероховатости и разсѣять возникшія подозрѣнія. Неудивительно, что онъ еще больше принялся стараться послѣ

«внутренняго освѣщенія» его роли въ революціи Татаровымъ. Неудивительно, что онъ пересталъ отрицать свое участіе въ Ц. К. и Б. О.—Совершенно несомнѣнно, что Азефъ былъ «амнистированъ» Рачковскимъ за свои прошлые грѣхи и принялся замаливать ихъ болѣе усердной службой. И не Рачковскій, конечно, могъ хоть на одну минутку повѣрить въ эту, наивно повторяемую Столыпинымъ, оффиціальную версію: «въ 1906 г. арестуется Борисъ Савинковъ и Азефъ становится ближе къ боевому дѣлу въ качествѣ представителя Центральнаго Комитета».

Но наивность и, главное, абсолютная неосвѣдомленность Столыпина достигаетъ своего апогея, когда онъ говоритъ: «Дальше идетъ поражающій рядъ преступленій: покушеніе на Дубасова, взрывъ на Аптекарскомъ остр., ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, убійство Мина, Павлова, гр. Игнатьева, Лауница, Максимовскаго — все это удается благодаря тому, что это дѣло совершается автономной, самостоятельной организаціей, не имѣющей ничего общаго съ Центральнымъ Комитетомъ. Это подтверждается и всѣми процессами того времени. Эти покушенія все дѣло максималистовъ, именно

летучихъ отрядовъ, дружинъ и т. п. организацій». Изъ всѣхъ, перечисленныхъ имъ покушеній только два—взрывъ на Аптекарскомъ о-вѣ и экспропріація на Фонарномъ пер.—дѣло рукъ максималистовъ. Покушеніе на Дубасова въ Москвѣ—дѣло Б. О.; покушеніе на него же въ Петербургѣ, дѣло Мина, Павлова и Максимовскаго—принадлежатъ Сѣверному Летучему Боевому Отряду, состоявшему сначала при областномъ комитетѣ сѣв. области, а затѣмъ—при Ц. К. партіи с.-р.; смерть Лауница—дѣло Центральнаго Боевого Отряда (при Ц. К.); Игнатьева—дѣло летучаго отряда при областномъ комитетѣ центрально промышленнаго района. О каждомъ изъ этихъ дѣлъ были своевременно опубликованы партійныя заявленія и прокламаціи. И, несмотря на это, полиція до сихъ поръ не можетъ въ этомъ разобраться и заставляетъ своего шефа премьеръ-министра, валить съ думской трибуны въ одну кучу дружины, летучіе отряды и максималистовъ. — Видимо, надежная служба Азефа убила въ полиціи всякую способность самостоятельно разбираться въ дѣлахъ. Да и къ чему, если можно было жить за Азефомъ, какъ за каменной стѣной?

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше взгляды-

ваешься въ дѣло Азефа, тѣмъ больше убѣждаешься въ полной безпомощности полиціи, предоставленной ея собственнымъ силамъ. Она слѣпо идетъ то по вѣрному, то по ложному слѣду, указываемому ей авантюристомъ-провокаторомъ. Судьба цѣлаго ряда революціонныхъ предпріятій были въ рукахъ Азефа: донесетъ—предпріятіе не удастся, не донесетъ—удастся. Но вѣдь это могло быть единственно потому, что въ его рукахъ были судьбы политическаго розыска, безъ его указаній бродившаго безплодно въ потьмахъ. «Предположите, что Азефъ только отрывки свѣдѣній сообщалъ д-ту полиціи, а одновременно участвовалъ въ террористическихъ актахъ», говорилъ Столыпинъ: «конечно, это доказывало бы полную несостоятельность розыскного дѣла въ имперіи». Но тутъ и предполагать нечего. Эту несостоятельность иллюстрировалъ самъ Столыпинъ всею своею рѣчью, всею своей окрошкой изъ максималистовъ и летучихъ отрядовъ, всѣми своими ошибками въ тѣхъ пунктахъ, которыхъ почему то не заблагоразсудилъ ему разъяснить Евгеній Азефъ[1]). И послѣ этого неискренно звучатъ

[1]) Такъ, онъ еще до сихъ поръ убѣжденъ, будто Савинковъ принималъ участіе въ выданномъ Татаровымъ дѣлѣ противъ

слова министра, что значенія Азефа не нужно преувеличивать, что это былъ обыкновенный сотрудникъ, какъ многіе другіе сотрудники, не болѣе, и т. д., и т. д.

Самъ Столыпинъ показалъ, какъ дорожила Азефомъ охрана. Онъ упоминаетъ о томъ, что Азефъ не разъ «временно отходилъ отъ агентуры.» Это бывало либо послѣ большихъ арестовъ, либо послѣ распространенія въ революціонной средѣ неблагопріятныхъ для него слуховъ. Чтобы лучше сохранить его, съ нимъ временно прерывали сношенія, а онъ пользовался этимъ, чтобы возстановить довѣріе революціонеровъ. И послѣ этого Столыпинъ еще наивно изумляется и не хочетъ вѣрить, чтобы, хотя бы въ періоды «отхода», Азефъ могъ завоевать довѣріе революціоннаго лагеря участіемъ въ террорѣ! Онъ скорѣе готовъ предположить что угодно—напр., что «террористическій замыслъ въ 1908 г. на священную особу государя императора . . . принадлежитъ къ области вымысла» и что «очевидно, центральный комитетъ распускалъ эти слухи для того, чтобы обѣлить свою бездѣятельность въ глазахъ революціонныхъ

Трепова, или будто бы взрывъ бомбы на соборной площади, во время пребыванія Савинкова въ Севастополѣ, имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Боевой Организаціи партіи с.-р.

партій». Трудно угодить г. Столыпину. Въ 1907 г., передъ разгономъ второй думы, ему обязательно надо было превратить работу партійнаго террористическаго отряда (Никитенко и др.) противъ него—въ «заговоръ» противъ царя. И когда Ц. К. заявлялъ, что въ это время никакой изъ существующихъ партійныхъ организацій дѣло царя поручено не было, Столыпинъ не пожелалъ этому повѣрить. Если вы не ведете дѣла противъ царя—Столыпинъ заявитъ, что вы ведете, да боитесь признаться: если ведете—Столыпинъ заявитъ, что вы не ведете, а только зря хвастаетесь. Это начинаетъ походить на ту вздорную бабу русской сказки, которая, что бы ей ни говорили, всегда отвѣчала наперекоръ. Та же сказка гласитъ, что старикъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, съ тѣхъ поръ, всегда предлагалъ старухѣ обратное тому, чего хотѣлъ достигнуть. Если бы когда-нибудь намъ захотѣлось убѣдить въ чемъ нибудь г. Столыпина мы имѣли бы въ виду, что съ нимъ надо говорить, какъ съ этой старой бабой. Дѣло только въ томъ, что наши заявленія пишутся не для Столыпиныхъ.

Дальнѣйшая аргументація Столыпина—перлъ логики. Если признать, говоритъ онъ, что Азефъ съ вѣдома части правительства

дѣлалъ терроръ, то правительство есть шайка разбойниковъ; если признать, что Азефъ позволялъ себѣ обманывать и правительство —то, значитъ, нынѣшняя постановка розыска несостоятельна и его необходимо улучшить; если же признать, что Азефъ просто вѣрно служилъ правительству, то весь срамъ, весь позоръ падаетъ на голову революціонеровъ. Вотъ почему, заключаетъ побѣдоносно министръ, революціонеры не хотятъ признать послѣдней гипотезы, а хватаются за первую; вотъ почему нельзя вѣрить сообщенію Ц. К. объ Азефѣ; вотъ почему съ ихъ стороны это—своего рода «встрѣчный искъ» къ правительству. Какъ коварны с-р-ы и какъ тонко разоблачилъ ихъ макіавелическій планъ премьеръ-министръ! Одинъ только у него недочетъ: с-р-ы, которые, по его мысли, должны бы стоять всѣми силами за первую гипотезу, на дѣлѣ ее отвергаютъ (должно быть, не нуждаются въ ней, чтобы признать правительство шайкой разбойниковъ), и предоставляютъ ее въ полное пользованіе правымъ кадетамъ, соціальдемократамъ и др. врагамъ террора. Имъ кажется болѣе всего вѣроятной вторая гипотеза: ужъ не желаютъ ли они, чтобы Столыпинъ возможно скорѣе

«улучшилъ» постановку розыска, нынѣ совершенно несостоятельную? Г. Столыпинъ, какъ видите, умѣетъ попадать пальцемъ въ небо и распознавать «встрѣчные иски». Но вѣдь мы всетаки не хотимъ признать третьей гипотезы, а при ней,—говоритъ Столыпинъ—«окажется, что одинъ изъ главарей былъ собственно не провокаторомъ, а сотрудникомъ д-та полиціи: это было бы, конечно, очень печально и тяжело, но для революціонной партіи, а никакъ не для правительства». Для революціонной партіи съ этой стороны всѣ три гипотезы одинаково нравственно тягостны; что же касается правительства . . . Г. Столыпину, конечно, вольно думать, что въ исторіи Іуды позорнѣе всего положеніе преданныхъ, распятыхъ, обманутыхъ, морально подавленныхъ измѣной, а всего красивѣе—роль Каіафы, разсчитавшагося изъ церковной казны тридцатью серебрянниками, «цѣною крови» . . . Исполать же ему, Каіафѣ нашего времени! Правда, нынѣшніе Азефы стоятъ дороже древнихъ Іудъ, и не вѣшаются съ тоски, а получаютъ пенсію; но вѣдь и податное дѣло съ тѣхъ поръ прогрессировало, и даже въ Думѣ никто не спросилъ, сколько народныхъ денегъ пошло на ублаженіе утробы

Азефа. Мужикъ «достанетъ»! Да, положеніе болѣе, чѣмъ ясное. Дерзкій провокаторъ-авантюристъ рядъ лѣтъ обманывалъ множество людей изъ партіи с.-р. Но въ то же время онъ обманывалъ, ради собственныхъ личныхъ видовъ, и правительство. Онъ, скрытно для революціонеровъ, участвовалъ въ нанесеніи партіи ряда жесточайшихъ ударовъ. Онъ, скрытно для правительства, участвовалъ и въ нанесеніи ему революціонерами ряда ударовъ. Во время проваловъ организаціи, онъ заблаговременно подготовлялъ свое alibi для революціонеровъ. Во время террористическихъ актовъ, такое же alibi онъ подготовлялъ для правительства. Въ революціонномъ лагерѣ его заподозривали, но тотчасъ оправдывали. Въ правительственномъ лагерѣ о немъ также заводили слѣдствіе, но въ концѣ концовъ оставляли на службѣ. И онъ съ дьявольскимъ смѣхомъ хохоталъ надъ тѣми и надъ другими . . .

До сихъ поръ—полный параллелизмъ. Но есть и разница. Свѣдѣнія и революціонеровъ и свѣдѣнія охраны объ Азефѣ, объ этомъ двуликомъ Янусѣ провокаторской авантюры, столкнулись лицемъ къ лицу. Какъ же послѣ этого стали дѣйствовать представители революціи и представители правительства?

Одни сочли своимъ долгомъ немедленно опубликовать, во всей ея наготѣ и ужасѣ, жестокую правду. Другіе до сихъ поръ не видятъ,—или дѣлаютъ видъ, что не видятъ —этой правды, до сихъ поръ не имѣютъ мужества взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза.

И они еще рѣшаются смѣяться надъ революціонерами, которыхъ долго обманывалъ авантюристъ-провокаторъ! Они, которые еще и до сихъ поръ не могутъ выпутаться изъ его хитросплетеній, когда правда бьетъ всѣмъ въ глаза! Они, которые сначала въ «правительственныхъ сообщеніяхъ» все опровергали и оштрафовали газеты, лишь когда скандалъ разразился на всю Европу, посняли наложенные штрафы и сами вступили на путь полупризнаній—они еще рѣшаются говорить, устами Столыпина: «насколько правительству въ этомъ дѣлѣ необходимъ свѣтъ, настолько для революціи необходима тьма»! Они еще рѣшаются бросать тѣнь на правдивость революціонеровъ! Когда, на угрозу Дюпонъ-де-Леруа напечатать объ одномъ фактѣ, король Людвикъ XVIII однажды заявилъ: «а я напечатаю, что это неправда»,—онъ получилъ гордый отвѣтъ: «изъ насъ двоихъ Вашему Величеству врядъ

ли повѣрятъ». И въ недобрый часъ пришла г. Столыпину эта несчастная мысль—помѣряться правдивостью съ представителями революціи . . . Ибо въ его правдивость можно вѣрить . . . съ оговорками.

Г. Столыпинъ такъ ярко представляетъ позоръ и гибель, которыя принесло съ собой партіи с.-р. разоблаченіе Азефа,—что беретъ искушеніе спросить: въ чемъ же дѣло? Да почему же, наконецъ, правительство такъ долго не наносило этого удара, такъ тщательно скрывало роль Азефа? Почему, считая виновникомъ его выдачи Лопухина, она такъ злобится на послѣдняго? Почему оно заключило его въ тюрьму, а не выдало ему награды? Или, трубя о своемъ торжествѣ и посрамленіи революціи, глашатаи реакціи стремятся лишь faire bonne mine aux mauvais jeu? или они только подбадриваютъ себя, только хотятъ заглушить голосъ внутренней тревоги? Или они боятся, что заживо погребаемая ими партія с.-р. докажетъ, что убивать можетъ провокація, а не освобожденіе отъ нея? Или вообще имъ языкъ данъ лишь для того, чтобы скрывать свои мысли?

Но и въ этомъ случаѣ г. Столыпинъ переусердствовалъ.

В. Т.

Отвѣтъ.

Членъ Государственной Думы, г. Милюковъ, въ своей рѣчи 13 февраля, поддерживая запросъ кадетовъ объ Азефѣ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«. . . Когда готовилось покушеніе на одно высокопоставленное лицо, къ лицу этому поставили охранника. Этотъ охранникъ добылъ изъ противоположнаго лагеря «языка». Между сановникомъ и охранникомъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

—«Ваше высокопревосходительство здѣсь надо вступить въ соглашеніе»,—говоритъ охранникъ сановнику. — «Какъ?»—спрашиваетъ удивленный сановникъ.—«Сойтись съ главарями и обмѣняться съ ними безопасностью».—«Какъ это обмѣняться безопасностью?»—«А такъ, ваше высокопревосходительство: мы потребуемъ безопасности для васъ, а взамѣнъ того гарантируемъ безопасность ихъ главарямъ. Конечно, сейчасъ можно открыть всю организацію, карты у насъ въ рукахъ. Но это вѣдь намъ не разсчетъ;

этого накроемъ, другіе отомстятъ. Лучше вступить въ соглашеніе». Сановникъ подумалъ и сказалъ: «Что-же, надо вступить въ соглашеніе! Это, дѣйствительно, надежнѣе! Но какъ же вы вступите въ соглашеніе?» «Да придется выдать имъ кого-нибудь изъ нашихъ. Ну, пусть укокошатъ какого-нибудь агента изъ маленькихъ, а мы тоже схватимъ кого нибудь изъ незначительныхъ. Если этого будетъ мало, придется выдать нашего шпіона».—«Знаете, это что-то уже мерзкое выходитъ»,—говоритъ сановникъ. —«Какъ угодно вашему превосходительству»—«Ну, дѣлайте же, какъ знаете».

Если бы г. Милюковъ ограничился только свѣдѣніями, почерпнутыми изъ «солиднаго октябристскаго органа»,—я бы не отвѣчалъ ему вовсе. Г. Милюковъ самъ достаточно наказалъ себя: каждый оцѣнитъ моральный вѣсъ такихъ анекдотовъ. Лидеръ кадетовъ могъ и долженъ былъ говорить болѣе достойно. Но г. Милюковъ идетъ дальше. Онъ говоритъ:

«. . . Вы поймете, что не случайно совпали эти разсказы и анекдоты съ намекомъ въ письмѣ самого Азефа о какомъ-то тоже «соглашеніи», состоявшемся на той основѣ, чтобы беречь нѣкоторыхъ наиболѣе высо-

кихъ особъ и за то, по мѣрѣ надобности, распоряжаться жизнью всѣхъ остальныхъ. Итакъ, гг., вотъ какова мораль сожительства между правительствомъ и революціей. Это напоминаетъ вамъ, дѣйствительно, два противоположныхъ лагеря, которые расположились на продолжительную осаду и, уставши вести постоянныя боевыя дѣйствія, приходятъ иногда другъ къ другу въ гости, сговариваются, условливаются даже относительно военныхъ дѣйствій въ будущемъ».

Г. Милюковъ ссылается на письмо Азефа ко мнѣ. Вотъ соотвѣтствующее мѣсто этого письма. Азефъ пишетъ:

«. . . Кромѣ сипягинскаго дѣла я былъ причастенъ и ко всѣмъ другимъ, т. е. Оболенскаго и еще ближе былъ къ Уфѣ, куда и людей посылалъ. Во всякомъ случаѣ надо считать и эти дѣла (кромѣ сипягинскаго) съ благословенія начальства. А извѣстно, что тогда еще цареубійство далеко на очереди не стояло, кромѣ, конечно, какъ у Бурцева, а потому договоръ съ начальствомъ тоже не приходилось заключать,— начальство, молъ, разрѣшаетъ всѣхъ убивать, кромѣ царя и Столыпина».

Въ цитированномъ письмѣ Азефъ защи-

щаетъ себя отъ обвиненія въ провокаціи. Г-ну Милюкову это извѣстно. Защищая себя, Азефъ старается доказать нелѣпость утвержденія, будто бы онъ, Азефъ, вступилъ въ договоръ съ правительствомъ. Г-ну Милюкову это извѣстно. Доказывая нелѣпость подобнаго договора, Азефъ ссылается на дѣла Оболенскаго, Богдановича, Плеве, и великаго князя Сергѣя, совершенныя, когда о цареубійствѣ не было рѣчи, т. е. когда царская неприкосновенность не могла обусловливаться ничьимъ убійствомъ. Г-ну Милюкову извѣстно и это.

Казалось бы, не можетъ быть двухъ толкованій. Но вмѣсто того, чтобы сказать: «сожительство между правительствомъ и провокаціей», г. Милюковъ говоритъ: «сожительство между правительствомъ и революціей». Вмѣсто того, чтобы сказать: «Азефъ приходитъ къ сановникамъ въ гости, сговаривается», г. Милюковъ говоритъ: «...приходятъ въ гости, сговариваются». Вмѣсто того, чтобы сказать: «. . . Азефъ вступилъ въ договоръ», г. Милюковъ говоритъ: «произошло соглашеніе». Вмѣсто того, чтобы сказать: «Азефъ обманывалъ революцію, какъ обманывалъ и правительство», г. Милюковъ говоритъ: «два противоположныхъ лагеря...

условливаются относительно военныхъ дѣйствій».

Возражать г-ну Милюкову я не буду. Я спрошу его,—что это, г-нъ Милюковъ, сознательная неточность или легкомысленный недосмотръ? И если сознательная неточность, то какъ назвать ее въ общежитіи, а если легкомысленный недосмотръ, то какъ оцѣнить его въ устахъ депутата?

Борисъ Савинковъ.

Личныя воспоминанія
о
Г. Гапонѣ.

De mortuis nihil,
nisi verum.

Какъ сейчасъ помню я это время,—дѣло происходило въ Женевѣ, въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года, послѣ того, какъ эпопея священника, предводительствовавшаго арміей рабочихъ, облетѣла всѣ иностранныя газеты,—когда одинъ товарищъ сообщилъ мнѣ на ухо: «Гапонъ ѣдетъ сюда, скоро будетъ у насъ—его спасъ одинъ нашъ знакомый, бывшій соціалъ-демократъ, а теперь склоняющійся на нашу сторону. Онъ явится прямо къ нашимъ, и, можетъ быть, скоро мы въ его лицѣ будемъ привѣтствовать вполнѣ и всецѣло товарища». Помню, какъ радостно забилось при этомъ извѣстіи мое сердце. Намъ, политическимъ эмигрантамъ, не разъ приходилось сѣтовать въ дружескихъ бесѣдахъ на то, что русская революція не выдвинула до сихъ поръ какого-нибудь крупнаго имени народнаго вождя, котораго бы знали, которому бы вѣрили, за которымъ бы беззавѣтно шли массы. Неожиданно всплывшее имя Гапона, вели-

чественно-трагическая обстановка событія, создавшаго его извѣстность,—все это располагало думать, что въ его лицѣ судьба посылаетъ намъ какъ разъ того, кого намъ нужно, что теперь къ идейной силѣ соціалистическаго движенія прибавляется недостающая яркая фигура вышедшаго изъ нѣдръ самаго народа вождя народнаго.

Такимъ образомъ, мы съ большимъ нетерпѣніемъ и большими надеждами ждали прибытія легендарнаго Гапона. Намъ казалось, что мы встрѣтимъ глубоко-искренняго, страстнаго, порывистаго энтузіаста, отдающагося до самозабвенія завѣтной идеѣ, съ жгучей жаждой правдоискательства. Такъ рисовали мы себѣ эту фигуру a priori, будучи не въ состояніи иначе представить себѣ человѣка, который еще вчера шелъ въ рясѣ съ хоругвями и крестомъ, а сегодня, сбросивъ рясу и оттолкнувъ ее негодующе-презрительнымъ толчкомъ, уже взываетъ къ возстанію, къ террору, къ бомбамъ и динамиту . . .

Помню, какая тревога поднялась у насъ, когда вдругъ мы узнали, что Гапонъ, переѣхавъ русскую границу, куда—то запропалъ, что его товарищъ, который долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ въ одномъ гер-

манскомъ пограничномъ городѣ, не нашелъ его тамъ . . . Незнающій иностранныхъ языковъ, затерявшійся вблизи русской границы, быть можетъ уже доставляемый обратно предупредительными прусскими жандармами—такая картина уже тревожила нашъ умъ, и мы принялись за розыски, пустили въ движеніе свои нѣмецкія связи, стараясь выяснить, куда же дѣвался Гапонъ . . .

Но наши тревоги оказались напрасными. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что Гапонъ цѣлъ и невредимъ, что, по незнанію языка, онъ запутался въ Женевѣ, не нашелъ никого по данному ему адресу, случайно попалъ въ русскую студенческую библіотеку и открылся одному изъ библіотекарей, соціалъ-демократу, который и отвелъ Гапона немедленно къ Плеханову, гдѣ онъ уже нѣсколько дней вращается среди соціалъ-демократовъ и больше не появляется никуда . . . А черезъ день-два мы знали, что Каутскій уже получилъ отъ женевскихъ соціалъ-демократовъ телеграмму, что Гапонъ присоединился къ соціалъ-демократіи, и уже опубликовалъ это извѣстіе въ нѣмецкихъ газетахъ . . .

Еще черезъ нѣсколько дней мы увидѣлись съ Гапономъ. Передъ нами была фигура, совершенно непохожая на тотъ образъ, ко-

торый мы мысленно рисовали себѣ. Передъ нами былъ подвижной человѣчекъ, съ бѣгающими и глядящими исподлобья глазами, съ хитроватой улыбкой, съ неровной рѣчью. Было что-то своеобразное, скрытноразвязное во всей фигурѣ, во всѣхъ его манерахъ. Той подкупающей, фанатической страстности, того кипучаго энтузіазма, которыхъ мы ожидали, не оказалось и слѣда. Были временами взрывы одушевленія, но въ нихъ сказывалась только какая то стихійная внутренняя сила, находящаяся въ полномъ подчиненіи у «человѣка себѣ на умѣ». И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и яснѣе обрисовывался съ этой стороны его моральный образъ . . .

Tête-à-tête Гапонъ былъ мало интересенъ. Онъ говорилъ отрывочно, путался, терялся. Когда онъ хотѣлъ васъ въ чемъ-нибудь убѣдить, онъ страшно повторялся, говорилъ одно и то же почти дословно, какъ будто хотѣлъ просто загипнотизировать васъ этимъ настойчивымъ, однообразнымъ повтореніемъ. Быть можетъ, на сѣрыхъ, массовыхъ рабочихъ этотъ пріемъ, перемежаемый эффектными вспышками энергіи, когда Гапонъ говорилъ тономъ «власть имущаго», и производилъ впечатлѣніе. Но въ обществѣ ли-

тературныхъ и практическихъ дѣятелей революціи, людей съ рѣзко-очерченной индивидуальностью, эти пріемы не выручали.

Положеніе Гапона заграницею вскорѣ сдѣлалось трагическимъ въ одномъ отношеніи. Я не стану уже говорить объ осаждавшихъ его интервьюерахъ, о газетной славѣ, о всеевропейской извѣстности и вниманіи, которыми онъ былъ встрѣченъ. Всѣмъ понятно, что отъ этого легко можетъ закружиться голова. Но здѣсь была еще и другая бѣда. Явившись заграницу, онъ долженъ былъ, въ извѣстномъ отношеніи, глядѣть на всѣхъ сверху внизъ—кто еще сумѣлъ повести за собою такъ, какъ Гапонъ, тысячи рабочихъ? Кто могъ быть ему равенъ? Но вѣдь предводительство рабочими—дѣло прошлое и далекое. Чтобы играть заграницей роль, хоть сколько нибудь подобную той роли, нужны были и другія данныя. Оторванная отъ практической работы, заграница (я, разумѣется, беру лучшую ея часть, а не ту, которая вырождается въ кружковое болото) поневолѣ уходитъ въ область теорій, въ область мышленія. Вопросы программы и тактики получаютъ детальную разработку во всѣхъ тонкостяхъ ихъ примѣненія. Но нетрудно представить, какъ себя долженъ

былъ почувствовать Гапонъ въ этой атмосферѣ. Плохо оріентированный въ вопросахъ этого рода, безъ знаній, безъ всякой теоретической подготовки, онъ, естественно, сразу спустился съ высоты куда-то внизъ. Изъ-подъ его ногъ ушла почва. Недавній кумиръ и богъ толпы, онъ, правда, и здѣсь пользовался повсюду почтительнымъ вниманіемъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ все болѣе и болѣе долженъ былъ чувствовать себя въ положеніи школьника. Самолюбивый и гордый, онъ пытался выйти изъ этого положенія, но то и дѣло, что называется, срывался. «Нѣтъ, такимъ людямъ не надо уѣзжать заграницу!»—вырывалось невольно у насъ, когда мы еще не составили себѣ совершенно опредѣленнаго понятія о немъ и еще находились до извѣстной степени подъ обаяніемъ прежнихъ, апріорныхъ представленій . . .

Три пути, три выхода изъ этого положенія представлялись Гапону. Онъ могъ, во-первыхъ, засѣсть за книжку, чтобы подучиться, чтобы оріентироваться въ партійныхъ программахъ и теоріяхъ. Онъ могъ, во-вторыхъ, схватить на лету кое-какіе верхи и на этомъ основаніи судить вкривь и вкось обо всемъ. Онъ могъ, наконецъ, въ тре-

тьихъ, объявить себя выше всего этого и третировать всякія программы и теоріи, какъ заграничное «рукодѣлье отъ бездѣлья». Какъ Иванъ-царевичъ, стоялъ онъ нѣкоторое время на распутьи этихъ трехъ дорогъ и затѣмъ пошелъ . . . по всѣмъ по тремъ.

Время отъ времени онъ схватывался за книжку, чтобы тотчасъ же бросить ее; время отъ времени, подъ вліяніемъ какого-нибудь случайнаго новаго знакомаго, онъ объявлялъ себя человѣкомъ такого-то направленія или партіи, и все чаще и чаще онъ начиналъ щеголять пренебреженіемъ къ интеллигенціи и ея теоріямъ.

Но съ теченіемъ времени первое случалось все рѣже и рѣже. Гапону была органически чужда всякаго рода усидчивость. Гапонъ и книжка—это было что-то несовмѣстимое. Подвижной, суетливый, непостоянный и постоянный въ своемъ непостоянствѣ, нервозный, онъ вѣчно жаждалъ новыхъ и новыхъ ощущеній. Отсутствіе реальнаго, захватывающаго дѣла для него было убійственно. Онъ немедленно обнаруживалъ потребность въ искусственныхъ возбужденіяхъ. Съ одной стороны, ему нужно было во что бы то ни стало всегда имѣть въ своихъ рукахъ всѣ нити какого-нибудь большого и сложнаго

дѣла. Но, будучи новичкомъ въ революціонныхъ дѣлахъ, не имѣя никакого представленія о конспиративной техникѣ, онъ, въ сущности, никогда не могъ создать въ этой области ничего реальнаго. Зато передъ нимъ раскрылось вполнѣ широкое поприще вмѣшательства въ междуфракціонныя и междугрупповыя отношенія—эту страшную болячку заграничной жизни. Онъ съ головою окунулся въ эту пучину—и завертѣлся въ ней . . .

Съ другой стороны, то же искусственное нервное возбужденіе доставлялось шумной атмосферой парижскихъ кабачковъ. Гапона, какъ и всякаго, какъ-то сводили въ нѣсколько изъ нихъ, чтобы показать ему характерныя картины парижской жизни. Но онъ сразу обнаружилъ такой специфическій интересъ и, видимо, такъ его сразу потянуло къ этой атмосферѣ шумнаго веселья безпутной парижской богемы, что кое-что непріязно рѣзнуло уши его проводниковъ. «Нѣтъ, перейдемъ лучше въ общую залу: тамъ человѣческимъ тѣломъ пахнетъ»—вотъ одна изъ характерныхъ его фразъ, невольно запечатлѣвавшихся въ памяти.

По существу дѣла, Гапону слѣдовало бѣжать отъ заграницы, какъ отъ чумы. За

границей, какъ и въ ссылкѣ, извѣстная степень оторванности—остающаяся даже при самой энергичной работѣ и самыхъ живыхъ организаціонныхъ связяхъ съ Россіей, и узкій кругъ лицъ, въ которомъ приходится вращаться, поневолѣ создаютъ неизбѣжность ~~варится въ~~ собственномъ соку. А если принять во вниманіе нервную взвинченность, нерѣдкую въ претерпѣвающемъ всѣ возможныя и невозможныя мытарства революціонерѣ, да учесть къ тому же изрядную наличность людского мусора, выброшеннаго революціонными волнами на заграничныя отмели и гніющаго тамъ,—то нетрудно будетъ понять, что морально слабому и неустойчивому человѣку здѣсь нетрудно опуститься. Создается своего рода душный, спертый воздухъ провинціальнаго уголка съ мелочными интересами, съ послѣдовательными наслоеніями застарѣлыхъ личныхъ счетовъ и уязвленныхъ эмигрантскихъ самолюбій. Повторяю, только люди съ большимъ запасомъ духовныхъ силъ могутъ остаться нетронутыми, незагрязненными. Потому-то и сіяютъ такими яркими звѣздами неотразимо привлекательные, кристально чистые образы ряда ветерановъ революціи, по закону контрастовъ особенно

ярко оттѣняемые сѣрымъ, будничнымъ фономъ окружающей среды,—такія лица, какъ покойный Лавровъ, какъ Крапоткинъ, Чайковскій, Шишко и другіе. Гапонъ не принадлежалъ къ числу такихъ людей, и заграничная атмосфера была для него убійственна.

Человѣкомъ партіи — какой бы то ни было—Гапонъ никогда не былъ и органически быть не могъ. Быть человѣкомъ партіи—значитъ, во-первыхъ, органически связать концы съ концами во всемъ своемъ общемъ міросозерцаніи, имѣть нѣкоторое опредѣленное теоретическое credo, сплести всѣ свои идеи въ одно органическое цѣлое, быстро воспринимающее и ассимилирующее всѣ новыя впечатлѣнія жизни. Быть человѣкомъ партіи—это значитъ, далѣе, умѣть себя дисциплинировать, умѣть врости неразрывно въ нѣкоторое организованное цѣлое, умѣть, когда нужно, поступиться тѣми или другими влеченіями, сохраняя при этомъ, конечно, полную самостоятельность и свободу въ идейной области. Словомъ, внутренняя дисциплина мыслей и организаціонная дисциплина въ дѣйствіяхъ—вотъ типичныя черты психологіи настоящаго партійнаго человѣка.

Гапону были одинаково чужды обѣ эти черты. Человѣкъ теоретически совершенно необразованный и даже невѣжественный, онъ никогда не могъ выработать себѣ чего-нибудь цѣльнаго, я уже не говорю—теоретически обоснованнаго. Все, что онъ ухватывалъ въ партійныхъ взглядахъ онъ всегда крайне упрощалъ и вульгаризировалъ. Получалось нѣкоторое примитивное и, такъ сказать, механически-составное цѣлое, изъ котораго безъ ущерба для остального всегда можно было вынуть любую часть и замѣнить другой, новой. Правда, въ этомъ видѣ его взгляды являлись очень приспособленными для простыхъ, совершенно «необработанныхъ» умовъ самой сѣрой массы. И Гапонъ это хорошо чувствовалъ. Онъ не имѣлъ и не могъ имѣть своего критерія истинности того или другого положенія—критерія научнаго, теоретическаго, вообще логическаго. Его мѣсто у Гапона заступалъ чисто-психологическій критерій—способность даннаго положенія быть сразу сочувственно воспринятымъ массами. Иными словами, соблазнительность того или другого лозунга для широкихъ, сѣрыхъ массъ—такова для него была высшая инстанція. Линія наименьшаго сопротивленія замѣняла

для него линію наивысшей цѣлесообразности. Типичная черта демагога. Въ концѣ концовъ она приводила къ полнѣйшему равнодушію къ теоріямъ и крайней неразборчивости въ выборѣ лозунговъ.

Что касается другого рода дисциплины—организаціонной,—то она была чужда натурѣ Гапона еще болѣе. Онъ былъ типичнымъ одиночкой. Какъ демагогъ, непостоянный въ своихъ лейтъ-мотивахъ, онъ не могъ, физически былъ не въ состояніи участвовать въ общей «мірской» выработкѣ тактической линіи поведенія, спѣваться съ другими, какъ съ равными, и затѣмъ координировать свои дѣйствія съ дѣйствіями товарищей. Партійное дѣло—хоровое дѣло. А Гапонъ, если бы онъ даже совершенно искренно далъ обѣщаніе придерживаться такой-то линіи поведенія,—все равно не смогъ бы сдержать его до конца. Онъ нарушилъ бы это обѣщаніе, какъ нарушилъ бы любое изъ обѣщаній самому себѣ—при первомъ же случаѣ, когда нашелъ бы практически болѣе выгоднымъ поступить на какой-нибудь иной манеръ. Если хотите, онъ по натурѣ былъ полный, абсолютный анархистъ, неспособный быть равноправнымъ членомъ организаціи. Всякую организацію онъ могъ себѣ

представить лишь какъ надстройку надъ однимъ всесильнымъ личнымъ вліяніемъ. Онъ долженъ былъ одинъ стоять въ центрѣ, одинъ все знать, одинъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ всѣ нити организаціи и дергать ими крѣпко привязанныхъ на нихъ людей какъ вздумается и когда вздумается. Характерно, что въ послѣднее время своего пребыванія за границей Гапонъ обнаруживалъ особенное тяготѣніе къ анархистамъ и анархизму. Онъ, повторяю, самъ лично не могъ выносить никакой организаціонной дисциплины. Анархистское отрицаніе организаціи (хотя и не всѣ анархисты логически доводятъ его до конца) было, поэтому, для него какъ разъ по сердцу. Правда, если для него самого налагаемыя организаціей обязанности были «бременами неудобоносимыми», то на другихъ возлагать еще тягчайшія «бремена» онъ, наоборотъ, очень любилъ.

Но одно не противорѣчило другому. Анархистская «свобода личности» есть вообще фикція, и, можетъ быть, нигдѣ нѣтъ такого деспотизма отдѣльныхъ болѣе сильныхъ индивидуальностей, какъ въ анархистскихъ кружкахъ. Гдѣ отвергается стройная организаціонная дисциплина, соподчиняющая всѣхъ, тамъ на ея мѣсто неизбѣжно встаетъ

расплывчатая группировка вокругъ центровъ личнаго вліянія. Расплывчатость этой группировки и перемежающійся составъ, облегчая уходъ всѣхъ, сколько-нибудь несогласныхъ, не даетъ создаться никакимъ ограниченіямъ вліянія вожака. Тѣмъ непоколебимѣе и безусловнѣе является его власть въ узкомъ районѣ окружающей его периферіи. Вотъ почему анархизмъ вѣчно дробится почти на столько же особыхъ, программно-своеобразныхъ группъ, сколько и людей—болѣе выдѣляющихся и замѣтныхъ людей.

Когда состоялся рядъ свиданій Гапона съ нѣкоторыми видными представителями партіи с.-р. и когда передъ ними начала постепенно все болѣе и болѣе выясняться его реальная, а не легендою созданная личность, для нихъ прежде всего выяснилось что не имѣетъ смысла пытаться сдѣлать изъ Гапона партійнаго человѣка, хотя тогда видимымъ образомъ сдѣлать это было бы не особенно трудно. Правда, только что—и, повидимому, съ его вѣдома—соціалъ-демократы черезъ Каутскаго и, кажется, черезъ интернаціональное бюро повѣдали urbi et orbi, что Гапонъ присталъ къ «великой, россійской, единой». Но онъ уже казался

разочарованнымъ ею. Справедливо или нѣтъ, но на него организація въ тогдашнемъ ея видѣ произвела впечатлѣніе не дѣловой, не боевой. Со свойственною ему рѣзкостью онъ говорилъ эмигрантамъ с.-р.: «Тамъ болтуны все, болтуны . . . дѣла не дѣлаютъ, не умѣютъ, не дѣлаютъ дѣла . . . нѣтъ у нихъ ничего, а у васъ, я вижу, практика, у васъ есть «боевая» . . . А они все говорятъ, все предлагаютъ, все проектируютъ, а къ дѣлу какъ приступить, не знаютъ . . . все болтуны тамъ, тамъ нечего мнѣ дѣлать» . . .

Гапону, видимо, казалось въ высокой степени безразличнымъ—быть гласно приписаннымъ по соціалъ-демократическому департаменту и въ то же время войти въ какую угодно организацію соціалистовъ-революціонеровъ. Онъ готовъ былъ легко перемѣнить организацію. Но ему было сказано: «Не торопитесь выборомъ партіи. Лучше оглядитесь хорошенько. Не имѣетъ смысла входить для того, чтобы, можетъ быть, завтра же выйти. Нашъ вамъ совѣтъ—не связывать себя организаціонно. Безпартійное положеніе имѣетъ свои преимущества. Васъ больше всего привлекаетъ практическая сторона дѣла, а не теоріи. Не связывая себя организаціонно, вы можете какъ

угодно много работать въ смыслѣ практическихъ соглашеній. Моментъ исключительный, боевой. Какъ ни заѣло соціалъ-демократію сектантство и фракціонный фанатизмъ, быть можетъ, и она окажется расположенной съ этимъ считаться. Идея практическаго соглашенія всѣхъ партій носится въ воздухѣ. Оставаясь внѣ партій, вы, можетъ быть, легче всего сможете нѣсколько помочь ея осуществленію. Этимъ вы удовлетворите обуревающей васъ жаждѣ дѣла и, въ то же время, не свяжете себя преждевременными партійными обязательствами, которыхъ вы потомъ не сможете выполнить, что поведетъ къ совершенно нежелательнымъ недоразумѣніямъ».

Гапонъ съ восторгомъ ухватился за эту мысль. Онъ немедленно составилъ соотвѣтственное заявленіе въ видѣ «письма въ редакцію» и отправился съ нимъ въ редакцію соціалъ-демократической «Искры». Но тамъ его ждала цѣлая исторія. Ему сказали, что съ его стороны такой шагъ некорректенъ. Съ его согласія или безъ его протеста европейскій соціалистическій міръ извѣщенъ, что Гапонъ сталъ соціалъ-демократомъ. Теперь извѣщавшіе объ этомъ выставляются лгунами . . .

Послѣ долгой и жаркой бесѣды смущенный Гапонъ согласился на предложенный ему компромиссъ: къ словамъ «остаюсь внѣ партій» приставить, по крайней мѣрѣ, «раздѣляя принципы соціалъ-демократіи». Потомъ онъ объяснилъ, что не видѣлъ въ этомъ ничего, нарушающаго его между-партійное положеніе: «вѣдь с.-ры—тѣ же соціалъ-демократы, только къ тому же и революціонеры». Врядъ ли тогда Гапонъ влагалъ въ понятіе «революціи» что-нибудь болѣе глубокое, чѣмъ внѣшніе аттрибуты, вродѣ бомбъ и револьверовъ . . .

Однако, послѣ совѣщанія съ друзьями Гапонъ сообразилъ, что далъ маху и снова полетѣлъ въ «Искру». Новое объясненіе; категорическій отказъ редакціи измѣнить что-либо въ уже набранномъ и сверстанномъ письмѣ; ультиматумъ Гапона; улаженіе инцидента согласно его желанію; видимое возстановленіе «худого мира» и дѣйствительный надрывъ былыхъ дружескихъ отношеній.

Тѣмъ временемъ подоспѣла надѣлавшая шуму прокламація одной изъ соціалъ-демократическихъ областныхъ организацій. Прокламація эта была, дѣйствительно, крайне нетактична. Въ то время, когда еще не было ни малѣйшихъ основаній подозрѣвать

преданность Гапона; въ то время, когда онъ еще весь былъ подъ обаяніемъ могучаго массового движенія и беззавѣтнаго пролетарскаго энтузіазма; въ то самое время, когда онъ клялся «отмстить», и клялся настолько искренно, насколько онъ способенъ былъ быть искреннимъ въ совершенно исключительные, свѣтлые моменты, —въ это самое время прокламація окатывала его съ ногъ до головы помоями, называла его «обнаглѣвшимъ попомъ», пытавшимся украсть изъ подъ краснаго знамени «великой, россійской, единой» пролетаріатъ, чтобы собрать его подъ своими хоругвями и т. п. Нетрудно представить наступившую сначала подавленность, смѣнившуюся затѣмъ сдавленнымъ, но тѣмъ болѣе сильнымъ гнѣвомъ Гапона! Онъ то и дѣло возвращался къ этой темѣ; онъ говорилъ, что правительство всячески старается посѣять среди рабочихъ смуту, выставляя его человѣкомъ, который рабочихъ двинулъ, какъ пушечное мясо, а теперь то же самое говорятъ соціалъ-демократы . . . Дѣло погибнетъ, все впечатлѣніе 9 января пропадетъ, будетъ испорчено . . .

И онъ начиналъ клясться, что отмститъ соціалъ-демократамъ; сулилъ заявить рабочимъ, что соціалъ-демократы—это интелли-

генты, которые хотятъ только командовать рабочими, и т. п., и т. п . . .

Только съ большимъ трудомъ удалось его успокоить и удержать отъ демагогическихъ пріемовъ. Впослѣдствіи онъ нѣсколько поуспокоился, когда, съ одной стороны, взволновавшую его прокламацію осудила и с.-д. «Искра» и с.-р. «Рев. Россія».

Какъ бы то ни было, связь его съ тою фракціею соціалъ-демократіи, съ которою онъ сначала сошелся («меньшевики»), была совершенно надорвана.

Тѣмъ временемъ Гапонъ обратился въ интернаціональное соціалистическое бюро съ письмомъ, въ которомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, сообщалъ, что подъ вліяніемъ событія 9 января переходитъ въ соціалистическій лагерь, сохраняя внѣпартійную позицію по отношенію къ различнымъ, борющимся между собою въ Россіи соціалистическимъ фракціямъ, и отъ всей души желая ихъ возможно скорѣйшаго объединенія.

Письмо имѣло неожиданныя послѣдствія. Интернаціональное бюро и вообще весь западно-европейскій соціалистическій міръ былъ давно озабоченъ распрями среди русскихъ соціалистовъ. Вліяніе, которое ока-

зывали на общеевропейское политическое положеніе судьбы русской революціи, не давали возможности отнестись безучастно къ этому страшному тормазу движенія. Интернаціональное бюро рѣшило воспользоваться, какъ удобнымъ поводомъ, письмомъ сдѣлавшагося міровою знаменитостью священника-революціонера. И оно разослало это письмо ко всѣмъ партіямъ при циркулярѣ, приглашавшемъ по возможности немедленно сдѣлать попытку къ желанному объединенію, или, по крайней мѣрѣ, соглашенію.

Такимъ образомъ, Гапонъ оказался какъ бы иниціаторомъ попытки къ междупартійному соглашенію. Онъ ревностно взялся за дѣло и, опираясь на моральный авторитетъ международнаго соціалистическаго бюро, разослалъ всѣмъ партіямъ приглашеніе прислать къ опредѣленному сроку на конференцію своихъ делегатовъ для совѣщанія. Не стану передавать исторію этой конференціи, организованной, конечно, очень плохо—да частное лицо и не могло ее организовать хорошо, а обостренныя отношенія между двумя главными лагерями, с.-д. и с.-р., обусловливали собою отсутствіе такой организаціи, которая бы, пользуясь общимъ

довѣріемъ, могла взять иниціативу на себя. С.-д. фракція меньшевиковъ, между которой и Гапономъ, какъ мы выше сообщали, пробѣжала черная кошка, вовсе уклонилась отъ участія въ конференціи. «Большевики», «Бундъ», «Армянская с.-д. рабочая партія», «Латышская соціалъ-демократія» явились. Но между ними и остальными организаціями произошелъ конфликтъ: послѣдняя изъ названныхъ выше организацій потребовала въ видѣ ультиматума исключенія изъ конференціи другой латышской организаціи, также носившей имя с.-дской, но по программѣ и тактикѣ болѣе близкой къ с.-р.; ультиматумъ былъ поддержанъ другими с.-д. организаціями, и непринятіе его собраніемъ заставило ихъ заявить объ отказѣ отъ участія въ конференціи. Оставшіеся (русскіе с.-р., польская соц. партія, армянская рев. федерація, грузинскіе соц.-рев.-федералисты, финляндская «партія активнаго сопротивленія» и бѣлорусская революціонная громада) продолжали конферировать и пришли къ нѣкоторымъ цѣннымъ практическимъ результатамъ. Гапонъ, присутствовавшій съ совѣщательнымъ голосомъ, внесъ предложеніе о немедленномъ образованіи общаго «боевого комитета», во главѣ котораго сталъ

бы онъ, Гапонъ. Присутствовавшія партіи, однако, нашли это «преждевременнымъ», что, вмѣстѣ съ выходомъ с.-д., сильно охладило Гапона.

Черезъ нѣсколько времени онъ уже обращается къ с.-р. съ предложеніемъ вступить въ ихъ партію съ тѣмъ, чтобы былъ, опять-таки, немедленно образованъ боевой комитетъ изъ трехъ лицъ—въ томъ числѣ его. Онъ получилъ отвѣтъ, что вступленію его въ партію, если онъ считаетъ себя совершенно опредѣлившимся, будутъ рады, но ставить партіи какія бы то ни было условія при вступленіи—совершенно недопустимо. Вступивъ въ партію, онъ можетъ агитировать за учрежденіе такого боевого комитета, можетъ и выставлять свою кандидатуру; но онъ будетъ имѣть въ рѣшеніи этого вопроса такой же голосъ, какъ всякій другой членъ; боевой же комитетъ создастся тогда, въ такомъ числѣ и изъ такихъ лицъ, какъ это рѣшитъ—если рѣшитъ—партія; въ партіи не можетъ быть лицъ неравноправныхъ; каждый является рядовымъ и для всѣхъ равно обязательна дисциплина. Это очень не понравилось Гапону. Онъ выставлялъ еще требованіе, чтобы по вступленіи въ партію онъ зналъ «все». На это онъ также

получилъ отвѣтъ, что въ революціонномъ дѣлѣ обязательна конспирація, и каждый долженъ знать изъ конспиративной области лишь то, что ему необходимо знать для несенія выпадающихъ на его долю партійныхъ обязанностей: изъ этого правила исключеній быть не можетъ.

Недовольство Гапона всѣмъ этимъ было крайнее. Тѣмъ не менѣе, онъ, послѣ нѣкотораго раздумья, объявилъ, что вступаетъ въ партію. Повидимому, онъ разсчитывалъ добиться своего не мытьемъ, такъ катаньемъ. Но именно въ это время возросло и окрѣпло недовѣріе къ его личности. Дѣло въ томъ, что, заявивъ о своемъ вступленіи въ партію, Гапонъ ни на минуту не переставалъ вести по собственной иниціативѣ всевозможныя сношенія: съ с.-д. большевиками, съ группой В. Поссе, съ анархистами, съ махаевцами . . . Съ разныхъ сторонъ доходятъ слухи, что вездѣ онъ «свой», вездѣ что-то мастеритъ, плететъ какую-то сѣть . . . Къ нему приступаютъ—онъ сконфуженно ежится и твердитъ все одно: «Ничего, ничего . . . всѣхъ надо использовать, знаете, использовать всѣхъ . . . Я вотъ священническую рясу использовалъ, использовалъ связи въ высшихъ сферахъ . . . все пойдетъ

хорошо . . . Ну, ничего, ничего» . . . Наконецъ, его припираютъ въ уголъ, ему указываютъ, что онъ уговариваетъ партійныхъ людей дѣлать для него то-то и то-то, скрывая это отъ партіи. Ему указываютъ, что онъ не посвящаетъ партію въ тѣ сношенія, которыя ведетъ со своими бывшими «гапоновцами» . . .

Припертый къ стѣнѣ, онъ смущенно оправдывается . . . Въ качествѣ «смягчающаго вину обстоятельства» онъ начинаетъ напоминать о своемъ прошломъ . . . И вдругъ—взрывъ энергическаго изліянія чувствъ. «Я поклялся отмстить! . . Я никогда не прощу этого дня! . . . Только мщеніе для меня имѣетъ цѣну, все остальное—средства . . . Да, я готовъ все и всѣхъ использовать, можетъ быть, я и съ вами иногда ради этого поступалъ не такъ, какъ слѣдуетъ, а какъ мнѣ нужно . . . Но это только потому, что я преданъ рабочему дѣлу!» Возбужденныя, аффектированныя слова обрываются на самомъ высокомъ аккордѣ, и слѣдомъ затѣмъ —мгновенный, едва уловимый острый и холодный блескъ брошеннаго исподлобья взгляда, внимательно взвѣшивающаго силу произведеннаго впечатлѣнія . . .

Этого мало. Чтобы загладить то, что онъ

считаетъ маленькой «неловкостью», онъ «утѣшаетъ» партію такимъ предложеніемъ:

— Я организую рабочій союзъ . . . Мы, знаете, назовемъ его безпартійнымъ, просто всероссійскимъ рабочимъ союзомъ . . . Къ намъ всѣ пойдутъ, и соціалъ-демократы-рабочіе пойдутъ . . . Вѣдь они, соціалъ-демократы, не понимаютъ рабочаго, не уважаютъ его самодѣятельности. Всѣ рабочіе къ намъ пойдутъ . . . Дѣйствовать надо, дѣйствовать . . . И все пойдетъ хорошо. У соціалъ-демократовъ мы всѣхъ рабочихъ отнимемъ . . . И эсъ-эры-рабочіе пусть тоже идутъ, и пропагандистовъ, и литературы вы намъ дайте . . . Союзъ у насъ будетъ безпартійный, но мы будемъ проводить эсъ-эровскую программу. Вѣдь каждый рабочій понимаетъ, что землю всю нужно вернуть цѣликомъ народу, всему народу . . . Или вотъ что: ну, хотите? Втайнѣ союзъ войдетъ въ партію, будетъ частью партіи с.-р. И все пойдетъ хорошо!

Ему объяснили, что партія принципіально считаетъ недопустимымъ и морально—нечестнымъ вести такую «двойную бухгалтерію». И вмѣстѣ съ тѣмъ ему было предложено «разстаться друзьями» . . .

— Вѣдь вамъ никогда не улечься въ

рамкахъ организаціонной дисциплины, она васъ тяготитъ . . . Верните лучше себѣ свободу дѣйствій . . .

Гапонъ согласился, трогательно распространяясь о томъ, что с.-р. замѣчательные, благородные, хорошіе люди . . . По выходѣ изъ партіи онъ принялся за организацію своего «всероссійскаго союза». Онъ пробовалъ поставить литературный органъ этого союза и снова пріѣхалъ посовѣщаться съ партійными людьми—а одновременно и съ с.-д.—относительно программы новаго изданія. «Совѣщанія» кончились неблагополучно. Въ проектѣ «заявленія» объ изданіи рѣзко звучали демагогическія ноты. Гапонъ явно намѣревался сдѣлать попытку организовать свой «Всероссійскій рабочій союзъ» на проповѣди недовѣрія къ интеллигенціи (а тѣмъ самымъ и къ партіямъ). Въ виду его несогласія измѣнить соотвѣтствующія мѣста, люди партіи заявили ему, что отказываютъ новому предпріятію во всякой поддержкѣ и будутъ бороться противъ той вредной тенденціи, которая проскальзываетъ въ «заявленіи».

Гапонъ уѣхалъ въ настроеніи еще большей отчужденности, но вскорѣ сообщилъ, что отказывается отъ мысли объ изданіи га-

зеты и, видимо, старался сгладить испорченныя отношенія. Впрочемъ, какъ впослѣдствіи оказалось, у него просто дѣло «не вытанцовалось» послѣ того, какъ онъ поперемѣнно столковывался о редакторствѣ: съ однимъ независимымъ с.-р—омъ, однимъ с.-д—томъ, съ однимъ «анархо-соціалистомъ», съ однимъ полу-махаевцемъ и съ однимъ с.-р—омъ «максималистомъ» (говорю только о тѣхъ его сношеніяхъ, которыя намъ стали извѣстными; весьма вѣроятно, что были и другія). Вообще въ это время онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, мечущагося изъ стороны въ сторону «безъ руля и безъ вѣтрилъ», съ головою, полною самыхъ фантастическихъ и грандіозныхъ плановъ, и съ болѣе чѣмъ слабымъ представленіемъ о тѣхъ средствахъ, которыми они могутъ быть осуществлены. Никакія указанія, никакая критика, никакія увѣщанія уже не дѣйствовали. Mania grandiosa была форменная и не оставляющая ожидать ничего большаго.

Наконецъ, послѣдній разъ людямъ партіи пришлось имѣть дѣло съ Гапономъ во время извѣстной эпопеи «Джона Графтона», парохода съ грузомъ оружія, разбившагося у береговъ Финляндіи. Это предпріятіе, въ организаціи котораго участвовали фин-

ляндскіе «активисты» и русскіе с.-р—ы, очень интересовало Гапона. Заручившись вначалѣ обѣщаніемъ послѣднихъ удѣлить нѣкоторую часть груза гапоновскому «союзу» и завязавъ на этой почвѣ знакомство съ финляндцами, Гапонъ двинулся въ Россію (впрочемъ, далѣе Финляндіи онъ не проѣхалъ). Надо думать, что когда-нибудь лица, видѣвшія тамъ Гапона, разскажутъ подробно всю характерную эпопею этого путешествія. Я не наблюдалъ ея лично. Поэтому скажу только нѣсколько словъ о самой сущности установленныхъ затѣмъ партійнымъ разслѣдованіемъ фактовъ. Оказалось, что въ Финляндіи Гапономъ были приняты мѣры для полученія въ свои руки всего того груза, который предназначался для Россіи; финляндцы были убѣждены въ томъ, что Гапонъ уполномоченъ на это отъ с.-р—овъ; Гапонъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ выдавалъ экспедицію «Джона Графтона» за свое личное предпріятіе и даже за одну изъ частей еще болѣе обширнаго предпріятія; для полученія части груза явился къ нему и представитель отъ одной изъ двухъ с.-д. организацій, вѣроятно, также обманутый Гапономъ. «Цѣль оправдываетъ средства», цѣль опредѣляется моимъ «я» и его планами—

этому правилу онъ непреклонно слѣдовалъ и здѣсь. Стоитъ еще упомянуть, что финляндцы, встрѣтившіе вначалѣ Гапона, какъ Бога,—въ концѣ его пребыванія и послѣ его поспѣшнаго и ничѣмъ не мотивированнаго бѣгства не могли о немъ говорить безъ пренебрежительнаго смѣха. Такъ опустился до мелкаго интриганства и такъ ослабѣлъ морально когда-то казавшійся столь славнымъ Гапонъ . . .

Растерявши всѣхъ друзей и заставивши всѣ партіи порвать съ нимъ связи, Гапонъ остался окруженнымъ небольшимъ количествомъ завербованныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ приверженцевъ изъ молодежи, сущихъ ничтожествъ, но слѣпо, фанатически въ него вѣрившихъ. Они были абсолютно послушными и слѣпыми орудіями въ его рукахъ, и обожали его безгранично. Ихъ онъ умѣлъ порабощать и приковывать къ себѣ несокрушимыми оковами. Какъ на одинъ образецъ, укажу на фактъ, переданный мнѣ однимъ изъ гапоновскихъ «редакторовъ на часъ». Отправляя одного рабочаго, бывшаго с.-р.—а, съ какимъ-то важнымъ для себя порученіемъ, и, видимо, подозрѣвая его въ скрытомъ с.-р-ствѣ, Гапонъ приставилъ къ нему одного изъ своихъ

«вѣрныхъ», взявъ съ него предварительно торжественную клятву—если посланецъ измѣнить пославшему и поведетъ какую-нибудь свою линію—немедленно убить его, какъ измѣнника. Сколько осталось еще у Гапона такихъ вѣрныхъ, «спаянныхъ кровью» или, по крайней мѣрѣ, кровавыми клятвами?

При пріѣздѣ своемъ за границу Гапонъ не разъ утверждалъ, что всѣ событія 9-го января были имъ предвидѣны, и что онъ дѣйствовалъ совершенно сознательно, шелъ на все это, какъ на необходимость. Тогда мы не вѣрили этой ретроспективной проницательности, и думали, что онъ самъ не вѣдаетъ, что говоритъ. Долгое время оставалось непоколебимымъ представленіе о Гапонѣ, какъ человѣкѣ, искренно и медленно, вмѣстѣ съ массами, излечивавшемся отъ старыхъ иллюзій. Да и слишкомъ ужасна была мысль о холодной рѣшимости вести безоружныя массы подъ разстрѣлъ. Въ этомъ было что-то наполеоновское, а отъ Гапона до Наполеона—дистанція огромнаго размѣра. Въ немъ было слишкомъ много хлестаковскаго, чтобы оставалось достаточно мѣста наполеоновскому.

Послѣ финляндской эпопеи Гапону было высказано прямо въ лицо все, что думали

объ его поведеніи. Послѣ этого партія съ нимъ болѣе никакихъ связей и сношеній не имѣла. Тѣмъ временемъ наступили новыя событія, подоспѣло 17 октября . . . Дни возрожденія Россіи были днями окончательнаго паденія Гапона . . .

Это былъ человѣкъ, опоздавшій умереть. Оставшись жить послѣ 9 января, онъ запачкалъ память этого дня грязью. На грязь полилась кровь, — его собственная кровь.

В. Ленуаръ.

Предательство Гапона.

(Изъ отчетовъ П. Рутенберга Центральному Комитету Партіи С. Р.)

6 февраля 1906 г. въ Москвѣ, гдѣ я жилъ нелегально, ко мнѣ явился Гапонъ. Моя жена, вполнѣ ему довѣрявшая и знавшая, какъ меня разыскать въ эти дни, указала ему, куда обратиться. Гапонъ пріѣхалъ 5-го утромъ изъ Петербурга, явился по данному адресу. Ему сказали, что я туда долженъ прійти только 6-го въ 3 часа дня. Когда я пришелъ, Гапонъ уже ждалъ меня.

Онъ сказалъ, что пріѣхалъ спеціально повидаться со мной и сообщить мнѣ что то очень важное.

— Дѣло, большое дѣло. Вѣрно! Не надо только смотрѣть узко на вещи. Ты даже догадаться не можешь, въ чемъ дѣло.

---

[1]) Разсказы Гапона и его разговоры со мной записаны, по скольку было возможно, съ буквальной точностью. Слова и выраженія въ моемъ изложеніи тѣ, которыя употреблялъ самъ Гапонъ. Примѣчанія отъ моего имени помѣчены тамъ, гдѣ это мнѣ казалось нужнымъ для ясности.

При редактированіи этихъ отчетовъ исправлено и сокращено только то что говорится отъ моего имени. Сказанное самимъ Гапономъ и записанное въ свое время не измѣнено. Примѣчаніе П. Рутенберга.

Вечеромъ поѣдемъ въ Яръ[1]), тамъ поговоримъ.

Я указалъ, что въ Яръ ѣздить неудобно въ полицейскомъ отношеніи. Да и не къ чему. Можно тутъ сейчасъ поговорить.

— Пустяки все это! вспыхнулъ онъ чего то, но сейчасъ добавилъ упавшимъ голосомъ, странно на меня поглядывая:

— Ты не бойся. Ты мнѣ, главное, вѣрь. Поѣдемъ. Говорю тебѣ, не арестуютъ. Потомъ, я пригласилъ Александру Михайловну[2]) и стараго ученика моего по семинаріи съ женой. Онъ хорошій человѣкъ. Поѣдемъ. Проведемъ вечеръ. Тамъ поговоримъ.

Я наотрѣзъ отказался ѣхать въ Яръ разговаривать о конспиративныхъ дѣлахъ. Любой сыщикъ могъ его тамъ узнать въ лицо, и я провалюсь. Да и приглашенные имъ посторонніе люди будутъ мѣшать. Предложилъ ему, если хочетъ, говорить сейчасъ.

Онъ отказался, сославшись на отсутствіе настроенія для разговора по такому важному дѣлу. Мы условились встрѣтиться на той же квартирѣ въ 9 часовъ вечера.

---

[1]) Яръ—загородный ресторанъ въ Москвѣ.

[2]) Имена, набранныя курсивомъ, измѣнены. А. М.-хозяйка квартиры, гдѣ мы встрѣтились.

Видъ и настроеніе Гапона, котораго я не встрѣчалъ съ ноября 1905 г., меня поразили.

Во 1-хъ, онъ слишкомъ хорошо былъ одѣтъ. Для Гапона, бывавшаго ежедневно въ голодныхъ рабочихъ кварталахъ, это было не кстати, рѣзало глазъ. Во 2-хъ, онъ весь какъ то облинялъ. Былъ пришибленный, безпокойный. Взгляда моего не выдерживалъ. Щупалъ меня глазами, но со стороны, такъ, чтобы я не замѣтилъ.

— Потомъ мы все таки поѣдемъ въ Яръ. Настроеніе у меня плохое. Хочется немного развлечься.

— Зачѣмъ же обязательно въ Яръ? Можно здѣсь посидѣть.

— Я этого кабака еще не знаю. Хочу посмотрѣть. И чего ты упираешься? Хочу съ тобой вечеръ провести. Ты, вѣдь, понимаешь, что не ловко, разъ я пригласилъ уже людей.

— Ладно, тамъ видно будетъ.

Гапонъ сидѣлъ въ креслѣ, облокотивши голову на руку, совсѣмъ разслабленный.

Разставаясь съ нимъ, я сказалъ между прочимъ, что пойду куплю себѣ пальто.

— Дорогое купишь пальто?

— Рублей въ 35.

— Такое дешевое? Хочешь, я куплю тебѣ хорошее пальто, спросилъ онъ.

— То есть, какъ это ты купишь мнѣ пальто?

— Ну, подарокъ. Ну, хочу купить тебѣ хорошее пальто (онъ подчеркнулъ слово «хорошее»). Понимаешь? Ну, подарокъ, что ли.

Я отклонилъ неумѣстный подарокъ.

* * *

Вечеромъ, въ 9 часовъ, послѣ длиннаго предисловія объ узости взглядовъ нѣкоторыхъ товарищей (революціонеровъ), о томъ, что надо дѣлать, что изъ всѣхъ товарищей онъ цѣнитъ только меня одного, что когда лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, и т. д., онъ спросилъ съ меня слово, что все, что сообщитъ мнѣ, останется между нами, такъ какъ это большая тайна.

Не подозрѣвая ничего особеннаго, я обѣщалъ.

Разсказалъ Гапонъ слѣдующее:

Онъ пріѣзжалъ въ Россію три раза. Первый разъ въ августѣ 1905 г. (Тогда онъ до Россіи не доѣхалъ. Былъ только въ Финляндіи. Заявленія въ печати, что онъ провелъ тогда три мѣсяца среди крестьянъ и рабочихъ—неправда. П. Р.)

Второй разъ онъ пріѣхалъ не надолго послѣ манифеста 17 октября 1905 г. и третій разъ—въ концѣ декабря 1905 г.

Во второй его пріѣздъ, т. е. послѣ 17 октября, нѣкоторые либералы: Струве, Матюшинскій и другіе, стали хлопотать у Витте объ его (Гапона) легализаціи и объ открытіи 11-и отдѣловъ. Особенно хлопоталъ о немъ Матюшинскій, бывшій много лѣтъ с.-д. и с.-р. и имѣвшій большія связи. Витте не соглашался.

Разъ Матюшинскій познакомилъ его съ чиновникомъ особыхъ порученій при Витте, Мануйловымъ, который сообщилъ, что Витте очень безпокоится о судьбѣ Гапона. Онъ цѣнитъ геніальныя способности Гапона и ему будетъ крайне тяжело, если Гапона арестуютъ. Дурново настаиваетъ на его арестѣ. Пребываніе Гапона въ Петербургѣ очень опасно. Этотъ арестъ принесетъ большой вредъ рабочему дѣлу. Графъ Витте проситъ его, для его же пользы и для пользы рабочихъ, уѣхать изъ Петербурга.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ Мануйловымъ, «бывшимъ агентомъ Плеве въ Парижѣ», пояснилъ Гапонъ, пришли къ слѣдующему соглашенію: правительство черезъ Мануйлова выдаетъ ему паспортъ. За это

Витте обѣщаетъ: 1. открыть отдѣлы, 2. возмѣстить причиненные въ январѣ отдѣламъ убытки въ суммѣ 30.000 рублей и 3. недѣль черезъ шесть легализировать Гапона.

Около 24-го ноября (точно числа не помню) Гапонъ уѣхалъ за границу. Уполномоченнымъ по всѣмъ дѣламъ оставилъ Матюшинскаго.

Рѣшеніе это было принято Гапономъ не единолично, а по совѣщанію съ своей «организаціонной комиссіей»[1]).

Отдѣлы были открыты. Были затрачены большія деньги на ихъ отдѣлку. Но во время московскаго возстанія ихъ опять закрыли.

Не дождавшись шестинедѣльнаго срока, Гапонъ вернулся въ Россію, около 25 декабря 1905 г. Причиной этого преждевременнаго пріѣзда Гапонъ выставляетъ усиленную за нимъ слѣжку въ Парижѣ и нѣкоторыя другія соображенія, которыхъ мнѣ не сказалъ.

Вернувшись, онъ узналъ, что Витте обѣщаній своихъ не сдержалъ. Отдѣлы хотя были открыты, но немедленно закрыты. Вмѣсто 30.000 рублей выдано только 7.000.

По порученію Витте дѣломъ о гапонов-

[1]) Возобновившейся гапоновской рабочей организаціи.

скихъ организаціяхъ завѣдывалъ министръ торговли Тимирязевъ. Къ нему была отправлена депутація отъ рабочихъ за объясненіями. Тимирязевъ сообщилъ, что деньги выдалъ полностью и показалъ расписку Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000 рублей. Относительно отдѣловъ сказалъ, что Дурново не разрѣшаетъ ихъ открывать.

Оказалось, что Матюшинскій скрылся съ 23.000 рублей. За нимъ въ погоню послали рабочихъ Кузина и Черемухина.

* * *

При слѣдующемъ свиданіи Гапона съ Мануйловымъ, тотъ объяснилъ, что Витте ведетъ борьбу съ Дурново за отдѣлы, что отдѣлы теперь кабинетскій вопросъ. Дурново сказалъ, что подастъ въ отставку, если откроютъ отдѣлы. Мануйловъ еще прибавилъ, что теперь этимъ дѣломъ вѣдаетъ Дурново и что съ Гапономъ хочетъ повидаться правая рука Дурново—Рачковскій, вице-директоръ департамента полиціи.

Гапонъ на свиданіе согласился.

Оно было назначено въ отдѣльномъ кабинетѣ въ ресторанѣ. (Всѣхъ свиданій у Гапона съ Рачковскимъ въ отдѣльныхъ ка-

бинетахъ до 6-го февраля было четыре: одно у Контана, два у Кюба, одно у Донона. Въ какомъ ресторанѣ какое изъ свиданій— не знаю.)

Рачковскій выразилъ большую радость представившемуся случаю встрѣтиться съ такимъ талантливымъ человѣкомъ, какъ Гапонъ. Гапонъ прибавилъ: «Рачковскій сразу поддался моему обаянію. Ты вѣдь знаешь, я людей знаю хорошо и видѣлъ это ясно.»

Рачковскій сказалъ, что говоритъ отъ имени Дурново и что все, что говоритъ онъ, есть въ то же время мнѣніе Дурново. По вопросу объ открытіи отдѣловъ дѣло обстоитъ очень туго. Дурново считаетъ отдѣлы очень опасными и присутствіе Гапона въ Петербургѣ совершенно нежелательнымъ при настоящемъ положеніи вещей. (Это свиданіе происходило въ концѣ декабря или въ началѣ января 1906 г.)

Всѣ, и Дурново и Треповъ, считаютъ его человѣкомъ талантливымъ и, въ то же время, опаснымъ. Они говорятъ, что Гапонъ 9-го января устроилъ революцію на глазахъ у правительства и боятся, что теперь онъ выкинетъ что нибудь подобное.

Гапонъ успокаивалъ Рачковскаго. Онъ

говорилъ, что имѣетъ въ виду только профессіональное движеніе. Взгляды его на рабочее движеніе измѣнились. Оно должно развиваться мирно. Относительно вооруженнаго возстанія и прочихъ кровавыхъ мѣръ онъ, Гапонъ, теперь мнѣнія свои измѣнилъ. Отъ крайнихъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ прокламаціяхъ (напечатанныхъ Гапономъ послѣ 9-го января), онъ отказывается и жалѣетъ о нихъ.

Рачковскій указалъ на то, что правительство никакихъ гарантій въ этомъ не имѣетъ. Онъ просилъ написать Дурново письмо и изложить въ немъ все сказанное.

Рачковскій совершенно согласенъ съ Гапономъ относительно постановки рабочаго дѣла и теперяшнаго положенія Россіи.

Гапонъ письмо писать отказался (такъ онъ говорилъ). Тогда Рачковскій сказалъ, что безъ такого письма нечего и говорить о новомъ открытіи отдѣловъ. На государя прошлогоднія гапоновскія прокламаціи навели мистическій ужасъ и во всемъ, происходящемъ теперь въ Россіи, онъ видитъ Гапона. Дурново необходимо явиться съ какимъ нибудь оправдательнымъ документомъ къ государю при докладѣ по этому дѣлу.

Гапонъ написалъ Дурново.

Это было около 15-го января 1906 г.

(Я просилъ Гапона прочесть мнѣ черновикъ, если у него есть. Онъ отвѣтилъ, что оставилъ въ гостинницѣ, а на слѣдующій день принесетъ и прочтетъ.)

Рачковскій взялся передать письмо Дурново и просилъ у Гапона разрѣшенія придти на слѣдующее свиданіе съ крайне интереснымъ и талантливымъ человѣкомъ, Герасимовымъ, начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія. Треповъ о немъ необыкновенно высокаго мнѣнія, считаетъ его самымъ талантливымъ человѣкомъ въ департаментѣ полиціи. А Герасимовъ очень желаетъ повидать Гапона.

Гапонъ разрѣшилъ.

* * *

На этомъ разсказъ Гапона долженъ былъ оборваться.

Было уже поздно. Гости, которыхъ Гапонъ пригласилъ ѣхать въ Яръ, были въ сборѣ и давно уже нетерпѣливо стучались въ дверь, предлагая кончать «серьезные разговоры».

Я опять отказался ѣхать. Но Гапонъ настаивалъ. Даже обидѣлся.

Я видѣлъ, что онъ разсказываетъ мнѣ не

все. Многаго я не понималъ. Многаго я не зналъ еще. А узнать и понять надо было все, во что бы то ни стало. Интересно было посмотрѣть его въ кабакѣ. Можетъ быть, даже пьянымъ. Почему онъ такъ настаиваетъ? Я согласился.

Поѣхали въ Яръ на тройкѣ.

Ѣхать пришлось Прѣсней среди пепелищъ. По обѣимъ сторонамъ стояли основы домовъ, безъ крышъ, безъ оконъ, домовъ, отъ которыхъ остались обломки стѣнъ, продырявленныхъ пушечными ядрами. Улицы пусты. Только городовые на постахъ съ винтовками. Попутчики—москвичи указывали, откуда стрѣляли изъ пушекъ, гдѣ больше всего было убитыхъ. Разсказывали отдѣльные эпизоды, происходившіе на томъ или другомъ мѣстѣ, гдѣ мы проѣзжали. Нервы напрягались. Но я съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за Гапономъ. Въ дорогѣ онъ много курилъ, почти ничего не говорилъ. Дамы его постоянно тормошили, чтобы вывести изъ апатіи. За городомъ онъ ударился изъ одной крайности въ другую: сталъ свистать, гикать, но скоро опять умолкъ.

Пріѣхавши въ Яръ, онъ предложилъ пойти въ общій залъ. Я запротестовалъ. Взяли

Габинетъ. Просидѣли нѣсколько минутъ. капонъ былъ недоволенъ. Наконецъ, онъ рѣшительно заявилъ, что надо итти въ общій залъ.

— Тамъ музыка, тамъ женщины, тамъ тѣломъ пахнетъ.

Такое заявленіе меня заинтересовало. Я махнулъ рукой на конспирацію.

Въ общемъ залѣ сѣли въ переднемъ углу, направо отъ двери, около оркестра.

Пилъ Гапонъ мало. Былъ совершенно разбитъ. Часто укладывалъ руки на столъ и голову на руки. По долгу оставался въ такомъ положеніи. Потомъ поднималъ голову, надѣвалъ пенснэ и разсматривалъ залъ. Я думалъ тогда, что онъ изучаетъ «женщинъ». Позже убѣдился, что кромѣ «женщинъ» онъ въ залѣ видѣлъ и еще кого-то. Онъ снималъ пенснэ, опять укладывалъ голову съ какимъ то безсильнымъ отчаяніемъ на руки, опять поднималъ ее и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ:

— Ничего, Мартынъ, все хорошо будетъ!

Нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ:

— Александра Михайловна, пожалѣйте меня!

Я всѣми силами старался скрыть овладѣ-

вавшіе мною все болѣе и болѣе отвращеніе и ужасъ.

* * *

На слѣдующій день, 7-го февраля, Гапонъ прочелъ мнѣ черновикъ письма къ Дурново, о которомъ онъ говорилъ наканунѣ.

Кромѣ взгляда на настоящее положеніе Россіи, на необходимость профессіональной рабочей организаціи и открытія 11-ти отдѣловъ, тамъ говорилось о необходимости вернуться къ началамъ манифеста 17 октября, давалось объясненіе событіямъ 9-го января 1905 г. Въ этомъ письмѣ говорилось также о святости для Гапона особы государя.

Предательства въ письмѣ я не замѣтилъ. Но соотвѣтствуетъ ли этотъ черновикъ оригиналу—не знаю. Во всякомъ случѣ, думаю, что въ гостинницѣ онъ черновика не оставлялъ.

Гапонъ продолжалъ прерванный наканунѣ разсказъ.

Слѣдующее свиданіе съ Рачковскимъ происходило уже въ присутствіи жандармскаго полковника Герасимова, опять въ отдѣльномъ кабинетѣ. Герасимовъ былъ въ штатскомъ платьѣ.

Свиданіе началось съ того, что Герасимовъ также высказалъ Гапону свое удивленіе и

восхищеніе. Закусывали стоя. Герасимовъ уловчился и подъ видомъ выраженія своихъ пріятельскихъ чувствъ ощупалъ карманы пиджака Гапона и даже похлопалъ его по задней части тѣла, чтобы убѣдиться, что у Гапона нѣтъ револьвера. Все это Гапонъ мнѣ продемонстрировалъ. Гапонъ разсказалъ это въ доказательство того, какъ они «осторожны».

За обѣдомъ Рачковскій передалъ впечатлѣніе, которое произвело письмо на Витте и Дурново.

Витте сказалъ: «Гапонъ хочетъ меня вы... ать, но это ему неудастся.»

Дурново, дойдя до фразы, гдѣ Гапонъ, излагая событія 9-го января, говоритъ, что особа государя для него священна, но интересы народа также, разсвирѣпѣлъ и швырнулъ отъ себя бумагу.

Вообще, отношеніе и Витте, и Дурново, и Трепова къ Гапону недовѣрчивое. Они боятся его,—опять что нибудь устроитъ.

— Вѣдь, вотъ, вы говорите, что теперь у васъ никакихъ революціонныхъ замысловъ нѣтъ; вы бы намъ доказали это какъ нибудь.

Рачковскій говорилъ, что правительство находится въ крайне затруднительномъ положеніи: нѣтъ талантливыхъ людей. А о

такихъ, какъ Гапонъ, и думать нечего. Рачковскій ломалъ руки и дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Вотъ я старъ. Никуда уже не гожусь. А замѣнить меня некѣмъ. Россіи нужны такіе люди, какъ вы. Возьмите мое мѣсто. Мы будемъ счастливы.

Говорилось о большихъ окладахъ, о гражданскихъ чинахъ, полнѣйшей легализаціи Гапона и объ «отдѣлахъ».

— Но вы бы намъ помогли. Вы бы намъ разсказали, что нибудь. Освѣтите намъ положеніе дѣлъ. Помогите намъ!

Рачковскій сослался на историческій примѣръ искренняго раскаянія бывшаго народовольца Льва Тихомирова. Гапонъ долженъ доказать правительству, что оно можетъ ему довѣрять.

Гапонъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

Ему возразили, что это не мыслимо для такой личности, какъ Гапонъ. Онъ сталкивался съ массой людей за границей и въ Россіи.

— Разскажите намъ, что вы дѣлали за границей, съ кѣмъ встрѣчались. Докажите вашу искренность.

Тутъ Гапонъ уклонился въ сторону.

— Ты понимаешь,—обращался онъ ко мнѣ —надо смотрѣть шире, надо дѣло дѣлать.

И при Народной Волѣ тамъ служили и все выдавали товарищамъ. Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ. Дѣло важнѣе всего. Если тамъ пострадаетъ кто нибудь, это пустяки. Положеніе такое, что надо его использовать. Раньше я былъ противъ единичнаго террора, теперь за единичный терроръ. Надо имъ отомстить. Витте и Дурново—это одно и то же. Они только политику ведутъ такую, что во всемъ виноватъ Дурново, а Витте добрый. Знаю. Что тамъ провокація или что бы про насъ не сказали? Пустяки. Надо смотрѣть широко. Вѣрно я тебѣ говорю.

— Ладно. О комъ они тебя спрашивали.

— Спрашивали о Бабушкѣ, о Черновѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ. Но больше ничего не сказалъ.

— Еще о комъ спрашивали.

— О тебѣ спрашивали, бросилъ онъ небрежно и замолчалъ.

Я сидѣлъ въ это время за столомъ, онъ ходилъ по комнатѣ, поглядывалъ на меня и ухмылялся.

Я молчалъ, ждалъ, что будетъ дальше.

— Ей-Богу, спрашивали.

— Что же спрашивали?

— Да, ты должно быть неосторожно держалъ себя съ рабочими. Тебя за Нарвской

почти всѣ въ лицо знаютъ. Кто нибудь изъ рабочихъ и выдалъ. Между ними вѣдь много провокаторовъ. Съ рабочими надо быть осторожнѣе.

И опять замолчалъ. Ходитъ и молчитъ. Время отъ времени на меня поглядываетъ.

— Такъ о чемъ же они спрашивали?

— Да, ты боевыми дружинами, что ли, занимался. Мы, говорятъ, знаемъ, да изловить не можемъ. Хорошо, говорятъ, прячешься. Два раза арестовывали тебя, да уликъ никакихъ не было. Пришлось освободить.

Помолчавъ нѣкоторое время онъ опять началъ.

— Они говорятъ, что ты очень серьезный революціонеръ. Что черезъ твои руки большія деньги должно быть проходятъ. Они знаютъ, что ты на рысакахъ разъѣзжаешь, кутишь. (Короткое молчаніе). Главное, понимаешь, не надо бояться. Грязно тамъ и пр. По мнѣ хоть съ чертомъ имѣть дѣло, не то что съ Рачковскимъ. Отъ нихъ узнать сколько можно.

— Еще что спрашивали?

— Спрашивали про наши отношенія. Я сказалъ, что ты мой первый другъ. Про 9-ое января спрашивали. Какъ все тогда

произошло. Они все знаютъ. Вообще къ тебѣ съ уваженіемъ относятся. Серьезный человѣкъ, говорятъ.

— А ты что же?

— Я подтвердилъ. Очень серьезный человѣкъ, сказалъ.

— А когда про боевыя дружины спрашивали, что ты отвѣтилъ?

— Сказалъ, что боевыя дружины для него пустяки, но что человѣкъ серьезный. А про Павла Ивановича и Ивана Николаевича[1]) ничего не спрашивали, вдругъ спохватился Гапонъ. Я ничего и не сказалъ, конечно. Въ томъ, что спрашивали, я не сомнѣвался, не сомнѣвался и въ томъ, что онъ сказалъ и про нихъ все, что могъ. А сказать Рачковскому онъ могъ и про партіи и про отдѣльныхъ лицъ, потому что за границей къ нему, особенно въ первое время, относились съ довѣріемъ! Такъ какъ онъ постоянно бывалъ среди товарищей, то узналъ и многое конспиративное.

— Когда я имъ сказалъ, что въ очень близкихъ съ тобой отношеніяхъ, они вдругъ откололи: «Вы бы намъ вотъ этого соблазнили». Ей-Богу, такъ, сукины дѣти, и сказали. (Ухмыляется.) Про Боевую Органи-

[1]) Иванъ Николаевичъ, какъ извѣстно, кличка Азефа.

зацію разспрашивли. Я сказалъ, что ничего не знаю. Они не вѣрятъ. Но я такъ сказалъ, какъ будто знаю. Они ее очень боятся. Я сказалъ, что для этого большія деньги нужны. Не меньше ста тысячъ. «Хорошо», говорятъ. Я тогда сказалъ, что они должны дѣлать все, что я имъ скажу. Обѣщали. Рутенбергъ не долженъ быть арестованъ, говорю. Обѣщали. Тебѣ нечего теперь бояться. Тебя не арестуютъ. Ты мнѣ вѣрь. Прямо поѣзжай въ Петербургъ. Главное, нечего бояться. Повидаться тамъ, поговорить. Вѣдь, это пустяки. Для меня дѣло важнѣе всего.

Гапонъ еще долго говорилъ, доказывалъ, разсказывалъ. А я его слушалъ и изрѣдка вставлялъ тотъ или другой вопросъ.

Все свелось къ тому, что онъ взялъ на себя порученіе узнать и выдать «заговоръ противъ царя, Витте и Дурново». Для этого «соблазнить» меня въ провокаторы.

Гапонъ разсказывалъ все это подъ видомъ «плана»: использовать свое положеніе съ революціонной цѣлью. Но онъ путалъ. Вначалѣ онъ говорилъ о террорѣ и о необходимости поскорѣе повидаться съ Павломъ Ивановичемъ и Иваномъ Николаевичемъ (онъ считалъ ихъ, какъ и меня, чле-

нами Боевой Организаціи). Гапонъ долженъ войти въ составъ Б. О. на равныхъ съ нами правахъ и все знать, «не такъ, какъ въ Женевѣ». А тамъ можно будетъ использовать его положеніе: узнать про Витте и Дурново.

Дѣло въ томъ, что Витте и его приближенные, какъ Мануйловъ, хотѣли бы, чтобы убили Дурново. А Рачковскій и Дурново были бы не прочь, чтобы убрали Витте. (Гапонъ забылъ, что говорилъ мнѣ, что Витте и Дурново—одно и то же.) На этой стрункѣ онъ уже игралъ и узналъ у Мануйлова, что Дурново ѣздитъ къ своей любовницѣ М . . . й на Моховую улицу. д. № . . . (Фамилія и адресъ у него записаны въ памятной книжкѣ.) Дальше можно будетъ узнать еще больше. Главное не надо терять времени, поскорѣе повидаться съ П. И. и И. Н. и вмѣстѣ все обсудить. Я съ своей стороны долженъ на нихъ повліять, что бы они ему, Гапону, довѣряли.

А потомъ все предпріятіе сводилось на деньги, и къ концу разговора—исключительно на деньги. Безъ денегъ ничего сдѣлать нельзя. Деньги—рычагъ всего. Для этого необходимо повидаться съ Рачковскимъ и Герасимовымъ, иначе «они увидятъ»,

что онъ «ничего не знаетъ» и «перестанутъ довѣрять» ему.

Когда онъ выражалъ желаніе видѣться съ П. И. и И. Н., онъ забылъ, что бралъ съ меня слово, что никто не узнаетъ про нашъ разговоръ. Теперь онъ забылъ, что хотѣлъ видѣться съ ними и опять говорилъ: свиданіе съ Рачковскимъ останется въ абсолютной тайнѣ и никто о немъ не узнаетъ. Мнѣ нечего опасаться, да и свиданіе ни къ чему не обязываетъ. Можно только поговорить, пообѣдать вмѣстѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ, и разойтись.

— А ѣдятъ они какъ хорошо, если бы ты зналъ!—вставилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой.

Помолчавъ:

— Конечно, сейчасъ ходить не слѣдуетъ. Надо обождать немного, недѣли двѣ. Больше дадутъ. А то подумаютъ, что ты сразу поддался.

* * *

— Ты имъ сказалъ, что меня зовутъ Мартыномъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, Боже сохрани!

— А они знаютъ это имя?

— Не знаютъ. Да ты не безпокойся. Вѣрь мнѣ!

Горячо и гладко Гапонъ говорилъ только объ общихъ планахъ, а факты излагалъ осторожно, непослѣдовательно, часто противорѣча себѣ. Мнѣ приходилось вытягивать изъ него каждое слово. Онъ раздражался, жаловался, что я ему не довѣряю. Я возражалъ и успокаивалъ его тѣмъ, что дѣло очень серьезное, а въ серьезныхъ дѣлахъ надо все ясно понимать. Поэтому я и спрашиваю, когда чего нибудь не понимаю. Я ставилъ прямые вопросы, онъ вынужденъ былъ отвѣчать.

Изъ разговора удалось выяснить, что Мануйловъ устроилъ Гапону свиданіе съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ. Тотъ его уговаривалъ «освѣтить» положеніе.

— Вы только разскажите мнѣ, не нужно писать ничего, только разскажите, что знаете. Я вамъ даю слово никому не сообщать разсказаннаго вами, покуда вы не будете удовлетворены.

Такъ говорилъ Гапону Лопухинъ. Свиданіе у нихъ происходило въ отдѣльномъ кабинетѣ за обѣдомъ. Гапонъ объ этомъ свиданіи не распространялся. Одну характерную фразу, сказанную имъ Лопухину, онъ привелъ:

— Если я вамъ скажу, я вамъ душу живую, все, чѣмъ силенъ былъ до сихъ поръ, отдамъ. Я останусь, какъ Самсонъ, безъ волосъ.

Что онъ еще сказалъ Лопухину во время продолжительнаго и вкуснаго обѣда, какъ Лопухинъ все таки оставилъ его безъ волосъ и сыгралъ роль Далилы, я не знаю.

* * *

Когда Гапонъ взялъ на себя порученіе «соблазнить» меня, онъ отправился къ моей женѣ, узналъ у нея, какъ меня найти въ Москвѣ и сообщилъ объ этомъ по телефону Рачковскому. Сказалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ Москву. И въ Яру, когда я сидѣлъ съ Гапономъ въ общемъ залѣ, очевидно, былъ агентъ Рачковскаго, засвидѣтельствовавшій лично, что свиданіе состоялось.

* * *

— Хочешь, я освобожу твоего брата? (братъ мой сидѣлъ тогда въ Крестахъ) — предложилъ Гапонъ.

Онъ и о братѣ зналъ. Всѣ средства для моего «соблазна» предвидѣны. Я отказался.

— Онъ молодой еще. Ему полезно посидѣть въ тюрьмѣ.

— Да, вѣдь, это пустяки, — убѣждалъ онъ меня. — Сдѣлаю, какъ только пріѣду въ Петербургъ.

Я все таки отказался отъ этого доказательства дружбы.

* * *

— Знаешь, хорошо бы потомъ взорвать департаментъ полиціи со всѣми документами,—сказалъ онъ, задумавшись.

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ же; тамъ вѣдь много разныхъ документовъ про разныхъ лицъ. Данныя тамъ разныя для суда и прочее, продолжалъ онъ, уже упавшимъ голосомъ, поглядывая на меня исподлобья, стараясь придать дѣловой революціонный смыслъ неосторожно произнесенной вслухъ мысли.

— Я знаю, что всѣ дѣла имѣются въ копіяхъ въ жандармскомъ управленіи, у прокуратуры.

— Правда?

* * *

— Ты никому не говори про то, что я тебѣ разсказывалъ. Давай вдвоемъ дѣло дѣлать.

Я отвѣтилъ, что не могу не разсказать товарищамъ. Надо посовѣтоваться, какъ использовать создавшееся положеніе.

Тогда онъ сталъ меня убѣждать не говорить, а въ крайнемъ случаѣ затронуть вопросъ только принципіально, но не упоминая его имени. А то начнутъ говорить, что онъ провокаторъ.

Съ Гапона струился потъ. Онъ сильно волновался, нервно шагалъ по комнатѣ. Я сидѣлъ и думалъ, какъ быть.

— Отчего ты на меня не смотришь? Посмотри мнѣ въ глаза, останавливался онъ нѣсколько разъ.

Я подымалъ глаза, смотрѣлъ на него и видѣлъ, къ ужасу моему, что передо мной, дѣйствительно, Гапонъ, видѣлъ, что это не кошмаръ, а дѣйствительность. Онъ испытующе всасывался въ меня глазами, поворачивался, опять ходилъ, опять останавливался, вглядывался въ меня и спрашивалъ:

— Отчего ты на меня такъ смотришь?

— А какъ же мнѣ на тебя смотрѣть?

— Смотри, я тебѣ все разсказываю, я тебѣ довѣряю. Смотри,—загадочно угрожающе говорилъ онъ и опять шагалъ по комнатѣ, опять говорилъ.

Онъ настаивалъ, чтобы я сейчасъ же сказалъ, пойду ли къ Рачковскому. Ему это «надо знать».

Я отвѣтилъ, что подумаю. Ѣду въ Петер-

бургъ, тамъ съ нимъ повидаюсь. Дамъ отвѣтъ.

* * *

Мы оба были совершенно измучены. Я не въ состояніи былъ дольше ни слушать, ни говорить и сказалъ, что долженъ выйти по дѣлу. Гапонъ настаивалъ, чтобы я съ нимъ остался до поѣзда, что ему очень тоскливо. Я отказался: занятъ. Онъ продолжалъ настаивать. Я сказалъ, что если освобожусь рано, приду къ нему. Но не расчитываю.

Мы разстались.

Ночевать я долженъ былъ на той квартирѣ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались. За этимъ домомъ и за мной началась слѣжка. Я рѣшилъ оставаться тамъ ночевать, чтобы не подводить другой квартиры или мой паспортъ. Я скоро вернулся туда и свалился на диванъ.

Часовъ въ 8 вечера Гапонъ спросилъ по телефону: дома ли я. Ему отвѣтили, что дома. Я долженъ былъ итти къ телефону.

— Отчего ты не пріѣзжаешь ко мнѣ?

— Я боленъ, не могу.

— Пустяки, пріѣзжай сейчасъ.

— Не могу.

— Тогда я къ тебѣ пріѣду.

— Пріѣзжай.

Молчаніе. Потомъ:

— Смотри. Какъ бы ты не пожалѣлъ, что я къ тебѣ пріѣду. Сейчасъ буду. Жди меня.

Что означала эта фраза,—не знаю.

Гапонъ пріѣхалъ. Я лежалъ на диванѣ больной. Хозяйка за мной ухаживала.

Гапонъ началъ съ упрековъ, что я не во время раскисъ. Я объяснилъ, что простудился наканунѣ.

— Ты смотри! Что то съ тобой не ладно. Онъ сталъ опять говорить о дѣлѣ. Разсказывать товарищамъ я ни въ коемъ случаѣ не долженъ ничего.

Я отвѣтилъ, что ничего не соображаю; боленъ.

Онъ опять увѣрялъ, что могу совершенно свободно ѣхать въ Петербургъ. Не арестуютъ.

— А гдѣ теперь П. И. и И. Н.? — спросилъ онъ неожиданно.

— Не знаю.

— Ты меня не . . .и, — произнесъ онъ, разозлившись.

Лексиконъ его обогатился выраженіемъ, которое, очевидно, часто употребляется въ высшихъ сферахъ департамента полиціи. Гапонъ часто имъ пользовался для краткости и выразительности изложенія своихъ мыслей.

Зашла хозяйка, сказала, что пора ѣхать къ поѣзду.

Онъ спросилъ, какъ меня найти въ Петербургѣ. Я сказалъ, что покуда не знаю. Свой адресъ: Успенскій переулокъ д. № 7, кв. 13, Петръ Николаевичъ Гребницкій, — онъ далъ мнѣ еще раньше.

Мы попрощались. Видъ мой ничего хорошаго ему должно быть не предвѣщалъ. Послѣднія его слова были съ раздумьемъ:

— Пожалуй, лучше было бы, еслибы я тебѣ ничего не разсказывалъ.

П. Рутенбергъ.

Разсказъ очевидца о послѣднихъ минутахъ Гапона.

Мы привели лишь отрывокъ изъ отчетовъ П. Рутенберга Центральному Комитету Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этой мрачной драмой отсылаемъ къ самому отчету напечатанному цѣликомъ въ № 11—12 «Былого».

Но намъ кажется, что уже и этого отрывка достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что Гапонъ дѣйствительно попалъ въ сѣти «Охраны» и по ея порученію пытался «соблазнить» Рутенберга.

Въ трудномъ положеніи оказался Ц. К. партіи с.-р., когда Рутенбергъ довелъ до его свѣдѣнія о случившемся. Сомнѣній быть не могло—Гапонъ провокаторъ! Но убить его? Въ глазахъ массъ онъ былъ еще окруженъ ореоломъ 9-го января. Въ случаѣ его убійства охрана могла пустить слухъ, что убили его революціонеры изъ мести за то, что онъ организовалъ массы безъ партій; могли воспользоваться этимъ убійствомъ, чтобы подрывать довѣріе сѣрыхъ массъ къ револю-

ціонной интеллигенціи. Къ тому Ц. К. партіи с.-р. участвовалъ въ третейскомъ судѣ надъ Гапономъ. Это ему связывало руки. Нельзя было одновременно съ другими общественными группами судить Гапона, и, не дождавшись приговора этого общественнаго суда, выносить партійный смертный приговоръ.

Наконецъ нашли слѣдующій исходъ. Рутенбергъ долженъ былъ добиться свиданія съ Рачковскимъ, тогдашнимъ руководителемъ сыска. И на этомъ свиданіи при помощи рабочей дружины онъ долженъ былъ убить одновременно Гапона и Рачковскаго. Когда впослѣдствіи найдутъ рядомъ ихъ трупы, никакое сомнѣніе о провокаціи Гапона не будетъ уже возможно.

Но Рачковскій оказался осторожнымъ. Онъ на свиданія не являлся. Тогда Рутенбергъ спрашиваетъ Ц. К., какъ ему поступить. Переговоры отъ имени Ц. К. ведетъ —Азефъ. На вопросъ Рутенберга онъ отвѣчаетъ: «убить Гапона во всякомъ случаѣ, хотя бы даже и въ отсутствіи Рачковскаго».

Что побудило этого провокатора распорядиться объ убійствѣ другого провокатора? Дѣйствовалъ ли онъ по порученію Рачков-

скаго, который желалъ избавиться отъ Гапона, не видя больше прока отъ его «сотрудничанія»? Или Азефъ боялся что Гапонъ узнаетъ, что онъ, Азефъ, участвовалъ въ убійствѣ Плеве и Сергѣя? Что начальство узнаетъ о его двойной игрѣ?

Какъ бы то ни было, Азефъ, якобы отъ имени Ц. К., предложилъ Рутенбергу, во чтобы то ни стало уничтожить Гапона.

Тогда Рутенбергъ рѣшилъ воочію доказать рабочимъ, которые должны были убить Гапона, что герой 9-го января сталъ предателемъ. Многіе изъ нихъ были до вступленія въ партію с.-р., ярыми приверженцами Гапона. Если они собственными глазами убѣдятся въ предательствѣ, то масса имъ повѣритъ. Поэтому Рутенбергъ до исполненія акта пригласилъ ихъ на «судъ» о которомъ разсказываетъ одинъ изъ рабочихъ, очевидецъ послѣднихъ минутъ Гапона.

Вотъ разсказъ этого очевидца, напечатанный впервые въ «Быломъ»:

«. . . Судъ надъ Гапономъ долженъ былъ состояться въ Теріокахъ. Члены суда уже были собраны на одной дачѣ и ожидали только пріѣзда самого Гапона, чтобы предъявить ему выставленные противъ него Рутенбергомъ обвиненія.

— Если это все правда, что вы говорите,— сказалъ одинъ изъ рабочихъ Рутенбергу — то мы его убьемъ, не дожидаясь рѣшенія партіи. Онъ насъ велъ — мы за нимъ шли и ему вѣрили. Мы и вамъ тоже сейчасъ вѣримъ, потому что знаемъ васъ давно, но вы партійный человѣкъ и интеллигентъ. Я боюсь, чтобы темная рабочая масса не обвинила впослѣдствіи насъ въ томъ, что мы дѣйствовали подъ давленіемъ враговъ Гапона. Онъ — герой въ ихъ глазахъ, и они только тогда не будутъ имѣть сомнѣній въ его предательствѣ, когда мы, рабочіе, лично въ этомъ убѣдимся.

Рѣшено было устроить такъ, чтобы рабочіе могли сперва какимъ-нибудь образомъ присутствовать при разговорѣ Гапона съ Рутенбергомъ, изъ котораго для нихъ выяснилась бы справедливость сдѣланнаго Рутенбергомъ рабочимъ заявленія о предательствѣ Гапона.

Для этой цѣли воспользовались пріѣздомъ Гапона въ Теріоки, тѣмъ болѣе, что Рутенбергъ нашелъ неудобнымъ убивать его на Финляндской территоріи, во избѣжаніе могущихъ послѣдовать вслѣдъ за тѣмъ непріятностей для дававшихъ въ то время пріютъ русскимъ революціонерамъ финляндцевъ.

Когда пріѣхалъ Гапонъ, то они оба съ Рутенбергомъ отправились въ лѣсъ кататься на извозчикѣ, которымъ былъ одинъ изъ принимавшихъ участіе въ судѣ переодѣтый рабочій.

Гапонъ во время прогулки былъ откровененъ съ Рутенбергомъ, такъ какъ принятыя заранѣе конспиративныя мѣры дали возможность усыпить его подозрѣнія.

Онъ говорилъ о томъ, что Рачковскій видѣлся съ нимъ на-дняхъ и обѣщалъ устроить дѣло такъ, что никто изъ товарищей Рутенберга по партіи ни о чемъ не сможетъ догадаться. Затѣмъ онъ заводилъ рѣчь о деньгахъ, причемъ упомянулъ различныя цифры обѣщаннаго Рачковскимъ Рутенбергу вознагражденія.

Разговоръ съ перерывами длился около часу. Въ это время остальные члены суда дожидались на дачѣ. Наконецъ, пришелъ рабочій, бывшій свидѣтелемъ разговора. Онъ былъ крайне взволнованъ и, какъ вошелъ, сейчасъ же заявилъ:

— Проклятая собака! Онъ насъ продалъ. Я все слышалъ. Его надо убить!

Затѣмъ онъ передалъ подробно все слышанное имъ во время прогулки.

Рабочіе стали обсуждать способъ приве-

денія въ исполненіе единогласно вынесеннаго ими смертнаго приговора Гапону. Они рѣшили было пойти къ нему на квартиру въ Петербургѣ и тамъ его убить. Но здѣсь представлялась масса затрудненій — Гапонъ жилъ не одинъ, у него постоянно бывали его приверженцы — рабочіе. Дѣло могло представить много риску.

— Все равно! — предложилъ одинъ изъ рабочихъ. — Давайте, первымъ пойду я. Если мнѣ не удастся и меня возьмутъ, то пойдетъ слѣдующій по очереди. Только жить онъ послѣ всего этого не можетъ!

И рабочіе тутъ же дали обѣщаніе, что если первые товарищи будутъ случайно убиты, или попадутся въ руки полиціи, то оставшіеся въ живыхъ докончатъ за нихъ это дѣло. Но такъ, или иначе, а Гапонъ послѣ его предательства долженъ быть убитъ.

До сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ Рутенбергъ предложилъ слѣдующее:

— Если вы теперь убѣдились уже въ справедливости моихъ обвиненій, то, я думаю, что не стоитъ изъ-за одного предателя губить столько людей. Лучше найти какой-нибудь способъ, гдѣ было бы меньше для васъ всѣхъ риску.

Послѣ долгихъ разговоровъ рѣшили нанять какую-нибудь дачу на русской территоріи и, устроивъ тамъ засаду, заманить въ нее Гапона, подъ предлогомъ дѣлового свиданья.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дача была найдена въ Озеркахъ, причемъ предварительно такая же дача была осмотрѣна въ Шуваловѣ, но не подошла изъ-за слишкомъ близкаго сосѣдства станового.

Въ 2 часа дня члены суда были спрятаны въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ должно было происходить свиданіе. А около 4-хъ часовъ явились Гапонъ и Рутенбергъ.

Гапонъ, какъ вошелъ, такъ сейчасъ же принялся расхваливать Рутенберга за его конспирацію и осторожность.

— Вотъ это я понимаю! — заявилъ онъ, — ты всегда такое мѣсто найдешь, что ни одна собака ни о чемъ не догадается!

Между тѣмъ, спрятанные въ сосѣдней комнатѣ рабочіе могли слышать каждое произнесенное ими обоими слово, такъ какъ перегородки между комнатами были очень тоненькія и дверь состояла изъ двухъ, даже не совсѣмъ вплотную закрывавшихся половинокъ. Но для отвлеченія могущихъ возникнуть у Гапона подозрѣній, на ней нарочно былъ повѣшенъ снаружи замокъ.

Теперь я могу описывать только то, что слышалъ и видѣлъ самъ лично. Товарищи, бывшіе въ сосѣдней комнатѣ, слышали весь разговоръ Гапона съ Рутенбергомъ дословно, — до меня же доносились одни лишь отрывки, такъ какъ я былъ оттуда довольно далеко и не могъ слышать всего.

Вотъ тѣ отрывки, которые случайно удалось разобрать.

— 25 тысячъ хорошія деньги, — донесся до меня голосъ Гапона, — и потомъ Рачковскій прибавитъ еще. Нужно сперва выдать только четырехъ человѣкъ изъ Боевой Организаціи.

— А если мои товарищи узнаютъ? — спросилъ Рутенбергъ.

— Они ничего не узнаютъ. Повѣрь мнѣ, — Рачковскій такой умный человѣкъ, что онъ сумѣетъ все это устроить. Ужъ на него можно положиться.

Потомъ нѣкоторая часть разговора снова ускользнула отъ моего вниманія.

Когда я смогъ слушать дальше, то они говорили уже о недавно застрѣлившемся рабочемъ Черемухинѣ, который не вынесъ разочарованія въ Гапонѣ по поводу разоблаченій бывшаго гапоновца Петрова и покончилъ съ собою.

— Черемухинъ — дуракъ, — рѣзко и озлобленно говорилъ Гапонъ, — туда ему, дураку, и дорога!

— Но, вѣдь, онъ же вѣрилъ въ тебя,— возразилъ Рутенбергъ.

Здѣсь опять дальнѣйшее не было мнѣ слышно и потомъ снова:

— А если я, напримѣръ, выдамъ тебя? —говорилъ Рутенбергъ,—если я открою всѣмъ глаза на тебя, что ты спутался съ Рачковскимъ и служишь въ охранномъ отдѣленіи?

— Пустяки! — возразилъ Гапонъ. — Кто тебѣ въ этомъ повѣритъ? Гдѣ твои свидѣтели, что это такъ? А потомъ я всегда смогу тебя самого объявить въ газетахъ провокаторомъ, или сумасшедшимъ. Ну-да бросимъ объ этомъ! Перейдемъ лучше къ дѣлу.

Когда я смогъ опять начать слушать, они уже разговаривали о предполагаемой выдачѣ Рутенбергомъ покушенія на царя и на Дурново.

— Но вѣдь этихъ товарищей всѣхъ повѣсятъ? — сказалъ Рутенбергъ.

— Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ! — возразилъ Гапонъ, — и притомъ же, посылалъ, вѣдь, ты Каляева на смерть, отчего же ты не можешь послать на ту же смерть и этихъ?

Далѣе я слышалъ, какъ Гапонъ говорилъ о революціонныхъ партіяхъ и своемъ въ нихъ разочарованіи. Потомъ онъ снова хвалилъ Рачковскаго и его умѣніе устраивать дѣла «шито-крыто».

Вскорѣ разыгралась сцена со «слугой», т. е. тѣмъ товарищемъ, котораго оставили сторожить.

Гапонъ нашелъ этого товарища, стоявшаго, спрятавшись на лѣстницѣ, за дверью.

Онъ схватилъ его одной рукой за горло и голосомъ полнымъ безумнаго ужаса закричалъ Рутенбергу:

— Мартынъ! Онъ все слышалъ! Его надо убить!

Потомъ, обращаясь къ неподвижно стоявшему товарищу, заговорилъ ласково и торопливо:

— Ты, милый, не бойся . . . Ничего не бойся. Мы тебя отпустимъ. Только скажи: кто тебя сюда подослалъ?

Товарищъ, желая выиграть время, отвѣтилъ:

— Я вамъ все разскажу, только пощадите мнѣ жизнь.

— Не бойся, не бойся, голубчикъ, — началъ успокаивать его Гапонъ. — Ты только скажи, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ.

И, обращаясь къ Рутенбергу:

— Его надо убить сейчасъ! . . .

Но въ этотъ моментъ Рутенбергъ распахнулъ двери и рабочіе бросились на Гапона.

При видѣ ихъ, онъ упалъ на колѣни и закричалъ:

— Мартынъ! Мартынъ!

— Нѣть тебѣ здѣсь никакого Мартына!

Его потащили въ сосѣднюю комнуту.

Рутенбергъ закрылъ лицо руками и вышелъ.

— Я не могу! Побудьте вы тутъ, — прошепталъ онъ.

Я вошелъ въ ту комнату, гдѣ рабочіе уже вязали Гапона.

По первоначальному плану его должны были разстрѣлять.

Онъ вырывался изъ ихъ рукъ и умолялъ о пощадѣ.

— Братцы . . . Братцы . . . — лепеталъ онъ.

— Мы тебѣ не братцы, — Рачковскій тебѣ братецъ!

— Братцы! Клянусь вамъ, что это я ради идеи . . .

— — Слышали мы твои идеи! Знаемъ.

— Товарищи . . . во имя прошлаго, — простите меня . . . во имя прошлаго . . .

Рабочіе продолжали вязать его, не говоря ни слова.

— Товарищи! Пощадите, вспомните, вѣдь, сколько у васъ связано со мной?

— Вотъ потому то ты и достоинъ казни, — возразилъ ему одинъ изъ рабочихъ. — Ты нашу рабочую кровь продалъ охранкѣ — за то и смерть тебѣ!

И по какому-то безмолвному уговору ему накинули на шею петлю и потащили къ вбитому надъ вѣшалкой желѣзному крюку.

Гапонъ, уже хрипя и задыхаясь, закричалъ:

— Братцы . . . . миленькіе! . . . Постойте! . . . Дайте послѣднее слово . . .

— Тяни его! — скомандовалъ одинъ рабочій, ходившій 9-го вмѣстѣ съ нимъ.

Одинъ товарищъ не выдержалъ и вмѣшался:

— Дайте же ему послѣднее слово сказать, разъ онъ проситъ! Можетъ важное что . . .

— Братцы, — заговорилъ Гапонъ, какъ только немного освободили стягивавшую его шею веревку, — братцы! . . . Пощадите! . . . родные мои . . . Простите меня . . . Во имя прошлаго.

Рабочіе разомъ дернули веревку и Гапонъ

безсильно повисъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ умеръ.

Рабочіе угрюмо и сумрачно вышли одинъ за другимъ на террасу, гдѣ стоялъ Рутенбергъ.

У него была нервная лихорадка и онъ только спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Кончено?

Всѣ промолчали.

— Его надо обыскать, — сказалъ, наконецъ, Рутенбергъ.

Всѣ снова вернулись въ комнату, гдѣ висѣлъ трупъ Гапона. Рабочіе обыскали его. Результатъ обыска извѣстенъ.

— Теперь прощайте, товарищи! Помните на судѣ,—вы все слышали?

— Все слышали!—подтвердили рабочіе, и разошлись, предварительно пожавъ руку Рутенбергу.

Рутенбергъ долго смотрѣлъ на висящій трупъ Гапона.

— Такъ висѣлъ Каляевъ, — неожиданно произнесъ онъ. — И онъ хотѣлъ, чтобы и другіе такъ же висѣли . . .

Потомъ онъ замолчалъ и снова, послѣ долгой паузы, добавилъ:

— А это все же хорошо, что его не разстрѣляли. Онъ приготовлялъ другимъ висѣ-

лицу — и самъ ее заслужилъ. Разстрѣлъ былъ бы для него слишкомъ почетенъ.

Но тутъ лицо его исказилось, и, весь дрожа, онъ неожиданно произнесъ:

— Вѣдь, другъ онъ мнѣ когда-то былъ! . . . Боже мой . . . Боже мой! Какой ужасъ . . . Но такъ надо было . . .

Рутенбергъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— Скажи, онъ узналъ N? Онъ понялъ, что это рабочіе его казнятъ, а не какіе-нибудь политическіе враги?

— Я думаю, что да, — отвѣтилъ я.

— Это хорошо. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ . . .

Рутенбергъ не договорилъ и, махнувъ рукой, снова принялся шагать взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ.

Потомъ онъ остановился.

— Ему надо прикрыть лицо. Обрѣжь веревку и прикрой.

Онъ протянулъ мнѣ перочинный ножикъ, въ которомъ были небольшія, складныя ножницы.

— Этими самыми ножницами я ему обрѣзалъ волосы тогда, 9-го января . . . А теперь ими же . . .

Рутенбергъ снова не докончилъ фразы и отошелъ. Плечи его судорожно вздрагивали, лицо было мертвенно блѣдно.

Я просилъ его успокоится.

— Онъ получилъ то, что заслужилъ, — сказалъ ему я про Гапона.

— Да . . . но всетаки . . . какой ужасъ . . . какой ужасъ! Вѣдь, сколько связано у меня было съ этимъ человѣкомъ! Сколько крови...

Товарищъ заперъ дачу и мы всѣ разошлись, каждый въ свою сторону.

Вотъ то, что мнѣ пришлось лично видѣть и слышать во всей этой драмѣ.

N. N.

Кошмаръ.

Кошмаръ! Таково впечатлѣніе, производимое всей этой чудовищной трагедіей. Исторія врядъ-ли знаетъ такую изумительную по грандіозности и чудовищности замысла провокацію, какова задуманная и веденная «Союзомъ Русскаго Народа». Она такъ невѣроятна, такъ фантастически изощренно нагла и преступна, что сначала производитъ впечатлѣніе дикаго, кошмарнаго вымысла. Вотъ почему, только теперь, черезъ три недѣли послѣ того, какъ эта черносотенная махинація была совершенно случайно обнаружена Центральнымъ Комитетомъ, мы можемъ приступить къ разоблаченіямъ.

Невѣроятность всей этой трагической эпопеи потребовала сложнаго и всесторонняго разслѣдованія и провѣрки. Теперь мы имѣемъ возможность сообщить уже не разсказы отдѣльныхъ участниковъ и жертвъ этой провокаціи, а достовѣрные и тщательно установленные факты.

28 мая въ Петербургѣ, въ мѣсто, гдѣ обыкновенно собирается революціонная молодежь, явился юноша и началъ разспрашивать, не могутъ-ли ему указать кого-нибудь изъ соціалистовъ-революціонеровъ, имѣющихъ связи съ Партіей. Крайне взволнованный видъ его, настойчивость, съ которой онъ добивался свиданія, искренній тонъ внушилъ довѣріе и, несмотря на отсутствіе паролей, его тотчасъ-же отвели къ партійному работнику.

— Это я убилъ найденнаго съ бомбами у Ириновской желѣзной дороги, это я—убійца Іоллоса—сразу заявилъ явившійся юноша.

Его приняли за помѣшаннаго и спросили, чего же онъ хочетъ.

— Я долженъ все разсказать Партіи . . . Я—убійца Іоллоса . . . Пусть Партія меня судитъ . . . Я подчинюсь . . . дѣлайте со мной, что хотите . . .

Послѣ нѣкотораго разспроса выяснилось, что онъ, дѣйствительно, знаетъ кое-какія, еще не опубликованныя подробности о найденномъ у Ириновской жел. дор. изуродованномъ трупѣ неизвѣстнаго. Юноша внушилъ довѣріе и его укрыли въ безопасное мѣсто. На слѣдующій день рѣшили болѣе подробно съ нимъ переговорить. По дорогѣ

въ условленное мѣсто юноша, уже нѣсколько успокоившійся, говоритъ своему провожатому:

— Скажите, меня сейчасъ убьютъ, да? Уже есть рѣшеніе? Вы меня ведете на казнь?

— Что вы, что вы! Успокойтесь! Какъ это вамъ пришло въ голову?

— Вы напрасно отъ меня скрываете—я сдѣлалъ такое ужасное дѣло—убилъ Іоллоса! Я знаю, я достоинъ казни, а если Партія не хочетъ, я самъ покончу съ собой.

Когда его окончательно убѣдили, что ни Партія убивать его не намѣрена, ни самому ему стрѣляться нѣтъ надобности, а хотятъ только выяснить дѣло, юноша вынулъ браунингъ и отдалъ его провожатому:—«значитъ, мнѣ это пока не нужно; пусть лежитъ у васъ».

Послѣ цѣлаго ряда свиданій, разспросовъ, показаній, при провѣркѣ вполнѣ подтвердившихся, выяснилось слѣдующее.

Въ 904—905 гг. на заводѣ Тильманса (Петербургъ) одинъ рабочій, принимавшій участіе въ рабочемъ движеніи, назовемъ его Ивановымъ, близко сошелся съ работавшимъ на томъ же заводѣ кузнецомъ, нѣкимъ Александромъ Казанцевымъ.

Ивановъ въ декабрѣ 905 г. былъ арестованъ, сосланъ, изъ ссылки бѣжалъ и въ

ноябрѣ 1906 г. въ качествѣ нелегальнаго прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь, неизвѣстно уже, какимъ образомъ, его розыскалъ Казанцевъ. Послѣдній предложилъ ѣхать въ Москву, якобы управляющимъ открытой имъ, Казанцевымъ, кузницы.

Затѣмъ разговоръ принимаетъ болѣе интимный характеръ. Казанцевъ начинаетъ разспрашивать Иванова, къ какой принадлежитъ партіи и проч. Видя колебаніе Иванова, Казанцевъ говоритъ: да можешь не говорить, я знаю—ты с.-д., а я вотъ максималистъ и членъ этой Партіи. На слѣдующемъ свиданіи Казанцевъ заявляетъ Иванову, что «Партія» рѣшила убить одного графа, и предлагаетъ Иванову принять участіе и подыскать товарищей. На вопросъ Иванова, гдѣ же постановленіе «Партіи», Казанцевъ обѣщаетъ все лично передать.

Ивановъ совѣтуется о предложеніи Казанцева со своимъ пріятелемъ, назовемъ его Федоровымъ (молодой рабочій прежде года два тому назадъ временно занимавшійся перевозкой оружія для петербургской боевой дружины)—это и есть явившійся съ покаянной юноша. Федоровъ выражаетъ готовность познакомиться съ Казанцевымъ. Ивановъ устраиваетъ знакомство, а для дѣло-

выхъ разговоровъ сообща назначаютъ свиданія на завтра, въ 3 часа.

Въ часъ дня Иванова арестовываютъ на улицѣ, на свиданье съ Федоровымъ является уже одинъ Казанцевъ, предлагающій планъ убійства графа, какъ уже принятый и одобренный Ивановымъ. Когда выясняется, что послѣдній арестованъ, Казанцевъ говоритъ: «да, я знаю, мнѣ говорили товарищи его. Но ты не безпокойся; вотъ сдѣлаемъ дѣло, у насъ будутъ деньги, тогда освободимъ Иванова: у насъ на этотъ счетъ—просто. У насъ—(революціонеровъ) есть даже свои околодочные—въ одну дверь вводятъ, въ другую выводятъ. Надо только дѣло скорѣе сдѣлать».

А дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ графъ измѣнилъ «Партіи»; онъ выдалъ много товарищей, и они теперь всѣ сидятъ въ крѣпости по дѣлу объ экспропріаціи въ Фонарномъ переулкѣ. «Партія» неоднократно посылала графу письма съ требованіемъ содѣйствовать освобожденію товарищей, но онъ не подчиняется. «Партія» рѣшила убить его. Дѣло необходимо сдѣлать въ субботу, а теперь съ арестомъ Иванова все разстраивается.

Казанцевъ спрашиваетъ у Федорова, нѣтъ

ли у него хорошаго товарища, «изъ надежныхъ», который могъ-бы замѣнить Иванова. Такой товарищъ, оказывается, есть—изъ революціонно-настроенныхъ рабочихъ. Федоровъ склоняетъ его принять участіе въ этомъ необходимомъ революціи дѣлѣ—убійствѣ графа-предателя. Тотъ соглашается. Казанцевъ «принимаетъ его въ дѣло» и рѣшаютъ у него же на квартирѣ начинять адскія машины.

Казанцевъ приноситъ массу для начинки снарядовъ: «бѣлую, что каша пшенная».

Утромъ въ 5 часовъ берутъ извозчика и ѣдутъ на Каменноостровскій. Осмотрѣли мѣстность. Казанцевъ все подробно указываетъ.

Въ 7 часовъ утра проходятъ съ переулка въ Лидвалевскій[1]) дворъ, взбираются на конюшню Лидваля, оттуда при помощи заранѣе заготовленной тамъ лѣстницы на прачешную гр. Витте, затѣмъ на крышу его дома. Заранѣе было указано въ какія двѣ трубы нужно опускать. Флюгарки пришлось снять. Спускаютъ по веревкѣ двѣ адскихъ машины, фунтовъ по 12 вѣсу (ящичекъ съ часовымъ механизмомъ). Федоровъ спускаетъ до конца, а его товарищъ до 2-го

[1]) Онъ же—Нобеля.

этажа. Снаряды должны были разорваться въ 9 часовъ утра.

По окончаніи «работы» сходятъ внизъ во дворъ Лидваля, оттуда Лидвалевскимъ проходнымъ дворомъ на Каменноостровскій. Во дворѣ ихъ встрѣчаетъ Казанцевъ съ вопросомъ: все-ли сдѣлано такъ, какъ указано было. Получивъ утвердительный отвѣтъ, велитъ разойтись, назначивъ свиданіе къ часу, а самъ остается ждать взрыва. Къ часу на условленную квартиру является Казанцевъ и говоритъ, что ждалъ до 12 час., а взрыва все не было. Казанцевъ начинаетъ ихъ упрекать, что, вѣроятно, что-нибудь не такъ сдѣлали, какъ указано было, и требуетъ, чтобы они дѣло докончили, иначе «Партія будетъ очень недовольна». А сдѣлать нужно вотъ что: достать два большихъ куска желѣза—фунтовъ по 10—15 и по веревкѣ спустить на снаряды—тогда взорвутся.

Федоровъ съ товарищемъ соглашаются выполнить требованіе «Партіи» и на слѣдующій день съ грузами отправляются взрывать снаряды. У Троицкаго моста ихъ долженъ былъ встрѣтить Казанцевъ[1]), но тамъ его не

[1]) Проживавшій въ Петербургѣ на углу Большой и Малой Дворянской, кв. 50 (5-ти этажный домъ).

оказывается, а, не доходя Каменноостровскаго, они слышатъ, что въ домѣ графа Витте обнаружены адскія машины. Бросивъ грузъ, они удаляются.

При слѣдующей встрѣчѣ Казанцевъ говоритъ, что нужно послать графу угрожающія письма съ требованіемъ денегъ. Письма фабрикуются на квартирѣ одного лакея (Владимірскій 8, кв. 6), служащаго по словамъ Казанцева у директора банка[1]). Въ точности исторіи съ письмами установить не удалось, такъ какъ отправлялъ ихъ самъ Казанцевъ. Была ли это мистификація или же Казанцевъ, дѣйствительно, отправлялъ письма, Федорову осталось неизвѣстнымъ.

Разставшись съ товарищами, Казанцевъ присылаетъ имъ извѣщеніе, чтобы они дожидались его распоряженій. Проходитъ долгое время, какъ вдругъ въ прощальное воскресенье Казанцевъ разыскиваетъ Федорова въ Петербургѣ и предлагаетъ ему ѣхать на «очень важное дѣло» въ Москву. Федоровъ соглашается.

* * *

Пріѣзжаютъ прямо на квартиру Казанцева (Москва, Грузинская ул., 36, кв. 4), при-

[1]) Лакей этотъ играетъ въ черносотенной организаціи очень видную роль.

чемъ послѣдній таинственно посвящаетъ Федорова, что проживаетъ здѣсь по паспорту Казиміра Ивановича Олейко, такъ какъ онъ-де нелегальный. Квартира большая, хорошо обставленная. Начинаются объясненія новаго «дѣла». Суть его въ слѣдующемъ. Въ «Партіи» одинъ измѣнилъ, присвоивъ себѣ 80 тысячъ изъ экспропріированныхъ денегъ. «Партія» приговорила его къ смерти. Деньги эти находятся на сбереженіи у какого-то еврея; и какъ только того, измѣнившаго, убьютъ, еврей струситъ и сейчасъ-же деньги отдастъ «Партіи».

На вопросъ Федорова, почему «Партія» до сихъ поръ не убила того человѣка, Казанцевъ заявляетъ, что не могли найти такого удобнаго случая, что онъ очень прятался раньше, а теперь уже не такъ остороженъ.

Федоровъ соглашается принять на себя это дѣло. По фамиліи Казанцевъ намѣченную жертву не называлъ, указавъ только, что онъ живетъ на углу Спиридоновской и Бронной, а работаетъ въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей». Дальнѣйшее передадимъ дословно показаніями Федорова.

«Я даю свое согласіе на то и вмѣстѣ съ Казанцевымъ у насъ начинается слежка за тѣмъ человѣкомъ. Казанцевъ показываетъ

проходной дворъ, откуда можно его уничтожить. Настаетъ роковой день. Я съ Казанцевымъ иду слѣдить за этимъ человѣкомъ. Слежка начинается отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей». Передъ роковой минутой онъ (Казанцевъ) зоветъ меня въ пивную. Говоритъ, что отсюда хорошо наблюдать. Я иду и соглашаюсь съ нимъ. Скажу по совѣсти, что меня мучило предчувствіе, что я совершенно не слѣдилъ за приговореннымъ человѣкомъ. А Казанцевъ, наоборотъ, слѣдилъ очень зорко. Когда этотъ человѣкъ поровнялся съ пивной, въ которой я съ Казанцевымъ сидѣли, то Казанцевъ сразу показываетъ мнѣ его и мы выходимъ изъ пивной. Я иду за этимъ человѣкомъ, перегоняю его на углу Спиридоновской и Никитской и становлюсь у проходного дома, въ калитку, лицомъ къ улицѣ.

Когда человѣкъ сталъ подходить къ проходному двору, я повернулся къ нему въ полъ оборота, стрѣляю на разстояніи пяти шаговъ; цѣлилъ въ грудь, но, какъ потомъ узналъ изъ газеты, пули попали въ лицо. Выпустилъ 4 пули. Бѣгу проходнымъ дворомъ на большую Никитскую, сажусь на попавшагося извощика и скрываюсь. Въ назначенное Казанцевымъ мѣсто свиданія у

Тверской заставы не иду, отправляюсь прямо къ нему на квартиру. Онъ встрѣчаетъ меня и цѣлуетъ, какъ Іуда.—Я дожидаюсь съ нетерпѣніемъ вечерней газеты. Покупаю ее и читаю съ большимъ волненіемъ, что я убійца Іоллоса, народнаго представителя 1-ой Государственной Думы.

Я не могу передать той минуты, которую я тогда переживалъ. Казанцевъ начинаетъ говорить, что это ничего не значитъ, что то все будутъ клеймить черносотенцевъ. Я про себя подумалъ, что, значитъ, я—черносотенецъ! У меня мелькнуло подозрѣніе, что не принадлежитъ-ли и Казанцевъ къ черной сотнѣ, но я не имѣлъ на то никакихъ фактическихъ данныхъ. Казанцевъ видитъ, что со мной творится что-то неладное» . . .

Казанцевъ, на жалобы Федорова, что они убили «лѣваго», успокаиваетъ его, что, молъ, хотя Іоллосъ и былъ «лѣвый», но онъ измѣнилъ «Партіи», присвоивъ 80 тысячъ экспропріированныхъ денегъ, и заслужилъ смерть. Далѣе начинается безконечное подготовленіе къ какой-то милліонной экспропріаціи. Для ея «экипировки» предпринимается рядъ мелкихъ. Подозрѣнія Федорова относительно Казанцева все усиливаются.

«Въ Москвѣ (приблизительно въ апрѣлѣ)

я къ Казанцеву началъ приставать, чтобы познакомилъ меня со своей Партіей. Онъ все откладывалъ. Наконецъ, я не выдержалъ, сталъ объяснять ему, почему ты не имѣешь партійной выдержки, какъ-то не читаешь никакихъ брошюръ, не можешь говорить такъ, какъ сознательный человѣкъ. Онъ мнѣ на это отвѣтилъ, что у насъ такая программа, какъ можно держать себя конспиративнѣе и выдавать себя за черносотенца. Я на это отвѣтилъ, что только не съ тѣми товарищами, съ которыми ведемъ дѣло. Онъ, Казанцевъ говоритъ, что вамъ Партія еще не довѣряетъ, потому не заслужили этого. Сразу же открыть все я не могъ, потому что мало имѣлъ въ рукахъ, я рѣшилъ ждать дальнѣйшихъ открытій».

Теперь уже старанія Федорова направлены на то, чтобы «накрыть» Казанцева. Федоровъ возвращается въ Петербургъ. Пока идутъ приготовленія къ экспропріаціямъ, Федоровъ ѣдетъ съ товарищемъ въ Москву, разсчитывая на его помощь въ уличеніи Казанцева. Въ Москвѣ они встрѣчаютъ пріятеля Федорова, котораго послѣдній ввелъ въ дружину Казанцева. Отъ него Федоровъ узнаетъ, что Казанцевъ намѣтилъ новое дѣло, которое поручилъ этому прія-

телю,—а именно, убить доктора А. А. Бѣльскаго, ординатора глазной лѣчебницы. Федоровъ убѣждаетъ пріятеля не трогать Бѣльскаго и «дѣло оттягивать подъ разными предлогами».

«Я сталъ просить одного знакомаго, чтобы разузналъ, дѣйствительно-ли докторъ Бѣльскій, какъ увѣрялъ Казанцевъ, заядлый боевой черносотенецъ и имѣетъ кличку «Осторожный». Знакомый разузналъ и прямо сказалъ, что—ничего подобнаго[1]). Тогда я сталъ думать какимъ-бы путемъ мнѣ спасти доктора Бѣльскаго, чтобы Казанцевъ не открылъ моего замысла. Я переговорилъ съ пріятелемъ, изложилъ ему свое намѣреніе и сталъ просить, чтобы онъ отказался отъ этого, а передалъ Казанцеву, что я берусь за это».

Федоровъ начинаетъ разспрашивать Казанцева, какія у «Партіи» основанія считать доктора Бѣльскаго черносотенцемъ. Казанцевъ заявляетъ, что, когда онъ былъ на съѣздѣ черносотенцевъ и слышалъ рѣчь, то узналъ, что это—д-ръ Бѣльскій, самый боевой изъ истинно-русскихъ людей. На вопросъ Федорова, какъ-же онъ самъ-то попалъ

---

[1]) Докторъ А. А. Бѣльскій нѣсколько разъ привлекался по дѣлу о принадлежности къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

на черносотенный съѣздъ, Казанцевъ отвѣтилъ, что попалъ туда черезъ графа Буксгевдена, у котораго служилъ управляющимъ, а связи онъ имѣлъ среди черносотенцевъ для того, чтобы ихъ выслѣживать.

Федоровъ доказываетъ, что надо настаивать, чтобы «Партія» дала точныя свѣдѣнія о Бѣльскомъ, такъ какъ можетъ быть онъ совсѣмъ не черносотенецъ, а «крайній лѣвый». Казанцевъ, какъ будто, соглашается и на слѣдующій день говоритъ, что, «когда обратился къ «Партіи» съ вопросомъ, какая цѣль убить доктора, то меня назвали съ вами трусами и не стали со мной разговаривать».

Федорову удается склонить Казанцева пока отъ Бѣльскаго отказаться, а заняться какими-нибудь другими дѣлами. Въ это время является въ Москву Ивановъ. Онъ узнаетъ о покушеніи на Витте, объ убійствѣ Іоллоса, о покушеніи на д-ра Бѣльскаго и соглашается вмѣстѣ съ Федоровымъ принять участіе въ уличеніи Казанцева. Послѣдній приглашаетъ Иванова къ себѣ на квартиру. Дожидаясь въ кабинетѣ Казанцева, Ивановъ случайно открылъ ящикъ письменнаго стола, гдѣ оказались программы союза русскаго народа, различные патроны, значки «союза русскаго народа» и проч.

Убѣдившись окончательно, что Казанцевъ черносотенецъ, Ивановъ и Федоровъ рѣшаютъ завлечь его въ Петербургъ и тамъ открыть всѣ ихъ организаціи. Казанцевъ одновременно съ этимъ предлагаетъ ѣхать въ Петербургъ для какого-то «новаго важнаго дѣла». Они соглашаются. По пріѣздѣ Казанцевъ говоритъ имъ, что «Партія» рѣшила устроить покушеніе на графа Витте. Дѣйствовать будутъ снарядами изъ гостинницы, что противъ дома графа, при проѣздѣ его въ Государственный Совѣтъ. Условились, что Казанцевъ принесетъ въ мѣстность около Ириновской жел. дор. бомбы.

Ивановъ склонялся къ тому, чтобы Казанцева не убивать, а только завладѣть ихъ складомъ оружія (черносотенцевъ), но Федоровъ настаивалъ на убійствѣ:—«много ужъ онъ моей крови выпилъ! убью, а потомъ все предамъ открытію».

27 мая, часовъ въ 12 дня состоялось свиданіе. Казанцевъ принесъ бомбы. Федоровъ былъ одинъ. Выждавъ удобный моментъ, онъ ударилъ Казанцева кинжаломъ въ шею. Казанцевъ упалъ, обливаясь кровью. Федоровъ хотѣлъ забрать бумаги Казанцева, но послѣдній началъ шевелиться. Тогда Федоровъ, совершенно растерявшись, на-

чалъ наносить кинжаломъ удары по лицу, забывъ вынуть кинжалъ изъ ноженъ. Совершенно потерявъ самообладаніе, онъ выхватилъ кинжалъ и нанесъ такой сильный ударъ по шеѣ, что голова почти отдѣлилась отъ туловища.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ началъ искать связи съ партійными работниками, чтобы «все открыть». Предлагалъ отдаться въ руки «судебной власти» и вообще выполнить все, что ему будетъ приказано.

Такова эта ужасная исторія, таковъ этотъ кошмаръ.

Убійствомъ Казанцева раскрытіе всей организаціи сильно затруднено. Нельзя, впрочемъ, упускать изъ виду, что дѣйствія организацій Союза Русскаго Народа, имѣющаго своимъ покровителемъ и вождемъ императора Николая II, не будутъ русскими властями раскрыты. Вдохновителемъ и ближайшимъ руководителемъ Казанцева былъ графъ Буксгевденъ, управляющій канцеляріей московскаго генералъ-губернатора. Отъ графа Казанцевъ получалъ громадныя деньги, графъ лично велъ переговоры съ Федоровымъ и другими. Устанавливается участіе цѣлаго ряда лицъ имена которыхъ скоро будутъ оглашены.

Центральный Комитетъ Партіи рѣшилъ предать это дѣло широкой гласности. Съ этой цѣлью онъ передалъ одной внѣпартійной группѣ лицъ весь матеріалъ показанія участниковъ, предоставилъ имъ вести самостоятельное разслѣдованіе всей этой чудовищной махинаціи. Если бы у насъ былъ какой нибудь судъ, самое простое было бы Федорову отдаться въ руки этого суда, и страна имѣла бы надежду, что заговоры Союза Русскаго Народа будутъ обнаружены. Но нашъ «судъ»—это жалкое орудіе въ рукахъ черносотенцевъ,—раньше всего покончилъ-бы съ Федоровымъ и запряталъ-бы всѣ концы въ воду. Страна стоитъ безпомощной, передъ всѣми этими ужасами, совершенными Союзомъ Русскаго Народа. Мы заранѣе знаемъ, что высокопоставленные и коронованные члены Союза прикажутъ «замять» всю эту исторію. Мы заранѣе знаемъ, что всѣ эти Тороповы, Буксгевдены и проч. —имя имъ легіонъ—получатъ лишь благодарность отъ своего царя.

Но пусть народъ знаетъ, кто его правители, пусть народъ знаетъ дѣла его правителей.

Все это кошмарное дѣло раскрываетъ передъ нами пропасть, которая можетъ по-

глотить неопытную, падкую на всевозможные «акты» молодежь.

Боевому черносотенцу удалось завербовать цѣлый рядъ лицъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ революціей, начиная съ соціаль-демократовъ и кончая анархистами, только поманивъ ихъ «истинно-революціонной работой». И эти лица, отколовшіяся, не нашедшія себѣ мѣста въ соціалистическихъ партіяхъ, дисциплина которыхъ оказывается для нихъ слишкомъ связывающей, стали жертвами такого невѣроятнаго замысла!

Дѣянія Казанцева открылись. Но сколько еще Казанцевыхъ роетъ яму этимъ малосознательнымъ элементамъ, сколько еще Ивановыхъ, Алексѣевыхъ, Фоминыхъ и Федоровыхъ уже явились орудіями черносотенныхъ замысловъ?

Всѣ эти таинственныя убійства, нападенія, экспропріаціи, черной полосой покрывшія страну—къ нимъ, какъ будто, отыскивается ключъ.

Молодымъ, горячимъ головамъ, ропщущимъ на партійную дисциплину и предпочитающимъ работать самостоятельно, внѣ этой дисциплины, трагедія жертвъ черносотенныхъ замысловъ да послужитъ грознымъ предостереженіемъ.

Охранное отдѣленіе
и
заговоръ противъ царя.

Закончился громкій, инсценированный правительствомъ процессъ «о подготовленіи къ цареубійству». Несмотря на весь шумъ, поднятый правительствомъ вокругъ этого процесса, несмотря на многочисленныя заявленія, правительственныя сообщенія, бюллетени освѣдомительнаго бюро, телеграммы сѣвернаго агентства—суть дѣла ревниво покрывается правительствомъ непроницаемой тайной.

Правительство «угрожало» гласностью: «обнаружимъ! откроемъ! разоблачимъ! выставимъ на посмѣяніе всѣму свѣту! . .» Это россійское правительство въ сотый разъ (и все съ одинаковымъ успѣхомъ) готовилось обнаружить «козни революціонеровъ», открыть свѣту «истинный характеръ террористическихъ организацій», разоблачить, что все въ этихъ организаціяхъ «покоится на подговорѣ и подстрекательствѣ слабыхъ и неопытныхъ демонами искусителями» . . . Казалось, все шло хорошо. Есть казакъ

конвоя его величества Ратимовъ, есть сынъ начальника дворцоваго телеграфа Наумовъ, —оба главные персонажи «заговора» и оба «чистосердечно раскаявшись» говорятъ . . . все, что угодно начальству. Но, увы! Судьба снова зло посмѣялась надъ россійскими охранниками — сторонниками гласности и снова заставила этихъ сторонниковъ гласности крѣпко накрѣпко захлопнуть двери «суда»; освѣдомительное бюро вмѣсто обѣщанныхъ разоблаченій вынуждено было ограничиться сообщеніями о времени начала и конца засѣданій, перерывахъ, числѣ опрошенныхъ свидѣтелей и проч.—того же порядка.

Къ сожалѣнію, размѣры статьи не даютъ намъ возможности подробно остановиться на этомъ любопытномъ процессѣ, вынуждая оттѣнить только наиболѣе существенные моменты его.

Какъ извѣстно, по даннымъ обвинительнаго акта дѣло представляется довольно просто: «неимѣющій опредѣленныхъ занятій Наумовъ встрѣтилъ конвойца Ратимова, далъ ему кое-какія прокламаціи и кстати предложилъ убить «государя императора суля въ будущемъ славу героя и спасителя отечества». Конвоецъ, пылая любовью къ

обожаемому монарху, доложилъ о семъ обожаемому начальству, послѣднее разрѣшило Ратимову вести дальнѣйшія сношенія по подготовленію къ цареубійству, дабы въ должный моментъ злодѣйскихъ посягателей изловить въ сѣти правосудія.

Ратимова роди Наумовъ.

Наумова же роди Никитенко, такъ устами перваго гласитъ обвинительный актъ. Наумовъ былъ соблазненъ революціонерами, дававшими ему деньги и желавшими сдѣлать изъ него орудіе своихъ злодѣйскихъ замысловъ. Не имѣя въ виду выполнить планъ сообщества, подготовлявшаго цареубійство, Наумовъ искалъ случая порвать со своими искусителями, что окончательно рѣшилъ сдѣлать въ вечеръ на 31 марта, но неожиданно былъ арестованъ. Одновременно былъ арестованъ еще цѣлый рядъ лицъ, въ результатѣ чего 18 человѣкъ было предано суду за составленіе сообщества подготовлявшаго покушеніе на священную особу и заодно уже на Ник. Ник. и Столыпина.

Эти «данныя» о готовившемся «боевой организаціей П. С.-Р.» цареубійствѣ встрѣтились съ заявленіями Ц. К. Партіи, что ни данной группѣ лицъ, ни отдѣльнымъ ея

членамъ, Ц. К. такого порученія не давалъ и что никакого покушенія противъ царя эти лица не предпринимали.

Несмотря на всѣ хитросплетѣнія, несмотря на всѣ препятствія, которыя «судъ» ставилъ защитѣ, пытавшейся выяснить истинный характеръ дѣла, несмотря на инквизиціонную обстановку, все замысловатое и тщательно выстроенное охранниками зданіе рухнуло и разсыпалось въ дребезги. На судѣ выяснилось, что казакъ фельдфебель конвоя его величества Ратимовъ не самъ явился къ начальству доложить о злодѣяхъ, подстрекавшихъ его къ убійству обожаемаго монарха, а еще въ 1906 году былъ уличенъ начальствомъ въ чтеніи запрещенныхъ газетъ и прокламацій и «соотвѣтственно за сіе наказанъ». Вскорѣ, вновь уличенный въ томъ же, былъ допрошенъ начальникомъ Перепеловскимъ, которому чистосердечно сознался, что газеты и прокламаціи получаетъ отъ Наумова «завлекающаго его, Ратимова, разговорами о тяжести службы на неповиновеніе начальству и бунту среди казаковъ конвоя и солдатъ сводно-гвардейскаго баталіона». О какихъ бы то ни было покушеніяхъ противъ должностныхъ лицъ или царя, по показаніямъ

самого начальства Ратимова, даже разговору не было.

Но здѣсь начинается нѣчто, дѣйствительно своеобразное. Перепеловскій сообщаетъ о показаніяхъ Ратимова начальнику конвоя кн. Трубецкому, послѣдній — начальнику охраны Спиридовичу. По распоряженію послѣдняго Ратимовъ долженъ былъ не порывать сношеній съ Наумовымъ. Съ этого времени, подъ руководствомъ своихъ вдохновителей, Ратимовъ самъ начинаетъ предлагать Наумову давать свѣдѣнія о проѣздахъ царя, о расположеніи дворца и проч. Ратимовъ усердно добивается свиданій. На свиданіяхъ не его распрашиваютъ о томъ, какъ можно проникнуть во дворецъ и проч., а наоборотъ самъ является иниціаторомъ этихъ разговоровъ; самъ указываетъ гдѣ можно купить оружіе и форму казака, какъ можно проникнуть во дворецъ и проч. и только останавливаемый Пуркинымъ «ну, пока самого оставимъ, а вотъ разскажите лучше о Столыпинѣ»—переходитъ къ сообщеніямъ о послѣднемъ.

Такимъ образомъ, изъ показаній гг. охранниковъ выяснилось, что «заговоръ» дѣйствительно подготовлялся, но исключительно

ими же. Никитенко, Пуркинъ и др., не имѣли на то никакихъ полномочій, и какъ люди дисциплинированные, отъ всякихъ разговоровъ о конкретномъ покушеніи противъ царя старались уклоняться, желая ограничиться собираніемъ свѣдѣній.

Это картина: охрана его величества, старающаяся во чтобы то ни стало создать «злодѣйскій заговоръ», чтобы въ должный моментъ раскрыть его и тѣмъ доказать свою распорядительность, грозилъ развернуться на судѣ во всю широту и вызвать тѣмъ грандіозный скандалъ. Предсѣдатель суда и прокуроръ, какъ опытные кормчіе, быстро пришли на помощь и безстыднымъ ходомъ спасли честь правительства и царской охраны. Когда на судѣ начало выясняться, что и изъ заявленія въ Думѣ представителя группы соц.-рев. и изъ заявленій подсудимыхъ и изъ свидѣтельскихъ показаній, можно утвердительно заключить, что никакого заговора не было и при посредствѣ этой группы лицъ Партія его не подготовляла, «судомъ» была разыграна такая, очевидно заранѣе подготовленная циничная сцена.

Прокуроръ требуетъ передопроса Спиридовича (жандармскій полковникъ, начальникъ охраны дворца) и съ невиннымъ ви-

домъ спрашиваетъ его, слышалъ ли онъ о заявленіи Ширскаго въ Думѣ о непричастности П. С.-Р. къ заговору. — «Да, какъ же, слышалъ», небрежно заявляетъ охранникъ.—«Какъ же понимать это заявленіе?» —«Да пустяки, никакого значенія оно не имѣетъ: я знаю, что партія подготовляла это цареубійство.»—«Не можетъ ли свидѣтель сообщить, откуда ему это извѣстно», заискивающе спрашиваетъ прокуроръ. Свидѣтель отвѣчаетъ, что ему это извѣстно со словъ полковника Герасимова, начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія, сообщившаго, что «въ Теріокахъ въ маѣ мѣсяцѣ была партійная конференція, на которой Ц. К. былъ сдѣланъ запросъ, почему Партія отказывается отъ своего дѣла (приготовленіе къ цареубійству), на что со стороны Ц. К. послѣдовалъ отвѣтъ: «по тактическимъ даннымъ» (?!). Вслѣдствіе этого было постановлено порицаніе думской группѣ за то, что она «отказывается отъ партійныхъ дѣлъ». Это безграмотное и нелѣпое заявленіе произвело тѣмъ не менѣе громадный эффектъ на «судей» и повлекло за собой путешествіе всего состава суда въ охранное отдѣленіе,— но объ этомъ послѣ.

Такимъ образомъ, подстрекательство со

стороны революціонеровъ вѣрноподданнаго конвойца, готоваго жизнь свою отдать за обожаемаго монарха, на судѣ пало. Еще хуже обстояло дѣло съ «раскаяніемъ» Наумова.—Рѣдкій процессъ, грозящій участникамъ его висѣлицей, обходится безъ предательства. Оно и понятно. Къ процессу привлекается цѣлый рядъ лицъ, сплошь и рядомъ игравшихъ самую ничтожную роль въ дѣлѣ. Попадая въ инквизиціонныя застѣнки россійскихъ «слѣдователей» наиболѣе слабые очень часто падаютъ жертвами угрозъ и обѣщаній.

Судьба несчастнаго Наумова была особенно трагична. Выкинутый круговоротомъ событій изъ мирной колеи чиновничьей жизни, онъ страстно искалъ дѣла, которое удовлетворило бы неопредѣленнымъ желаніямъ его, едва проснувшейся, слабой души. Онъ искалъ и метался. Былъ у соціалдемократовъ. Не удовлетворился и завелъ сношенія съ нѣкоторыми соц.-рев. Его завлекала террористическая борьба и онъ думалъ быть ей полезнымъ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ можетъ доставать, пользуясь своими связями. Такіе люди, большею частію, состоя внѣ организацій, фактически мало дѣлая, мнятъ себя въ центрѣ и вершающими

великія дѣла, идущими на великіе подвиги. Неожиданный арестъ. Попадая въ одиночество, они начинаютъ убѣждаться, что въ сущности никакихъ дѣлъ, никакихъ подвиговъ не было. Впереди ждетъ расплата. Виднѣется висѣлица. За что? . . Они, эти товарищи, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на боговъ, они дѣлали дѣло, они знаютъ, за что теперь страдаютъ . . . но онъ? . . И одинокая слабая душа начинаетъ представлять себя жертвой, вовлеченной другими, страдающей по винѣ другихъ.

Вотъ почва, на которой, въ тиши застѣнковъ опытныя руки жандармовъ и прокуроровъ готовятъ предателей. На первыхъ порахъ Наумовъ отказывался отъ показаній и держался стойко. Но вотъ на слѣдствіи его начинаютъ мучить укорами, что онъ погубилъ отца[1]) (отецъ состоитъ начальникомъ дворцоваго телеграфа), что его исключили со службы безъ пенсіи, что онъ теперь находится при смерти. Далѣе начинаютъ увѣрять, что онъ можетъ еще спасти и освободить себя: слѣдствію извѣстно, что онъ, Наумовъ, никакихъ замысловъ не питалъ, что онъ, по неопытности, былъ вовлеченъ другими, что всѣ все равно уже созна-

[1]) Показанія Наумова на судѣ.

лись, и если онъ, какъ другіе, разскажетъ правду, то будетъ освобожденъ. Наумовъ выражаетъ готовность давать показанія. Задаютъ «наводящіе» вопросы и предательство готово. Оговоръ Наумова носилъ обычный характеръ оговора, диктуемаго жандармами. Мы научились какъ къ этимъ оговорамъ нужно относится, какую вѣру имъ можно придавать. И все же мы хорошо понимаемъ, сколько горечи и боли должны были испытывать жертвы этого оговора.

На судѣ Наумовъ старался искупить свое паденіе, сознавшись, что оговорилъ подъ давленіемъ «слѣдователей». Потрясающимъ по своему трагизму моментомъ было, когда Наумовъ началъ передъ судомъ каяться въ тяжкомъ оговорѣ «честнаго Никитенко». Громкія рыданія долго не давали ему говорить и часто прерывали его исповѣдь . . . «Господа судьи, надтреснутымъ, подавленнымъ голосомъ закончилъ онъ, мою душу какъ огнемъ жжетъ сознанье совершеннаго мною преступленія: я совершилъ величайшую подлость и не вижу, чѣмъ я могу искупить ее—я оговорилъ Никитенко и очернилъ его. Сказанное мною на слѣдствіи —неправда. Никто меня не вовлекалъ и къ убійству царя не подстрекалъ».

Непритворное раскаяніе Наумова должно было смягчить для Никитенко и товарищей горечь предательства.

Участіе самихъ подсудимыхъ въ процессѣ было незначительно: большинство молчало, отдѣлываясь краткими отвѣтами на вопросы предсѣдателя. Другую позицію трудно было занять, такъ-какъ въ приписываемомъ «заговорѣ» никто никакого участія не принималъ. Вся группа была жандармеріей совершенно искуственно соединена, многіе вообще никакого отношенія къ какимъ бы то ни было террористическимъ дѣламъ не имѣли. Тѣмъ не менѣе они не хотѣли «спасаться» и въ «защитѣ» участія не принимали. Чрезвычайно сильную рѣчь произнесъ Никитенко, и подписалъ ею себѣ смертный приговоръ, какъ отзывались адвокаты. Отрицая какое бы то ни было участіе въ этомъ «заговорѣ», доказывая, что никакого заговора въ данный моментъ не было, Никитенко заявилъ, что страстно ждалъ минуты, когда Партія окажетъ ему честь разрѣшеніемъ участвовать въ заговорѣ противъ царя. Цареубійство онъ считаетъ въ настоящій историческій моментъ неизбѣжнымъ, необходимымъ и въ высокой степени политически цѣлесообразнымъ.

Приблизительно то же говоритъ Пуркинъ, открывшій на судѣ свое настоящее имя (студентъ Сенявскій). Въ общемъ всѣ подсудимые держались съ большимъ достоинствомъ и мужествомъ.

Защита дѣлала все возможное съ своей стороны, чтобы освѣтить истинную подкладку дѣла, но въ сущности была совершенно безсильна вслѣдствіи новой позиціи, отнынѣ, повидимому, твердо занятой «судомъ». Въ спеціальныхъ крупныхъ, т. е. крупныхъ по наказанію, грозящему подсудимымъ, процессахъ слѣдственная власть почти ничего не обнаруживаетъ. Большею частью все держится на показаніяхъ предателей (юридически не имѣющихъ никакой цѣнности). Но теперь къ «суду» привлекается новый элементъ: данныя внѣшняго и «внутренняго наблюденія», представляемыя начальниками охранъ. Эти данныя «внутренняго наблюденія» съ особеннымъ безстыдствомъ и наглостью фигурировали въ послѣднемъ процессѣ. Начать съ того, что предсѣдатель суда Мухинъ во время перерывовъ безпрестанно совѣщался со всевозможными сыщиками всякаго ранга. На данномъ судѣ произошли слѣдующіе небывалые еще инциденты. Начальникъ Се-

вастопольскаго охраннаго отдѣленія Урановъ заявилъ, что обвиняемый Рогальскій (Булгаковскій) пріѣхалъ въ Крымъ для организаціи убійства вел. кн. Ник. Ник. По пріѣздѣ въ Севаст. Рогальскій участвуетъ на совѣщаніи, на которомъ обсуждается и организуется ограбленіе почтово-телеграфной конторы въ Севастополѣ; отсюда онъ ѣдетъ въ Симферополь, гдѣ якобы организуетъ ограбленіе земской больницы (это С.-Р-то!!) и возвращается въ Севастополь, гдѣ наканунѣ пріѣзда Николая Николаевича арестуется и съ надлежащими аттестаціями препровождается въ Петербургъ.

На вопросъ защиты, откуда Уранову извѣстно все то, что онъ разсказываетъ про Рогальскаго, свидѣтель заявляетъ, что онъ объяснять не желаетъ и предсѣдатель суда запрещаетъ задавать подобные «безтактные» вопросы, заявляя, что свидѣтель по долгу службы можетъ не объяснять какимъ путемъ (внутреннее наблюденіе) получены имъ столь достовѣрныя свѣдѣнія о Рогальскомъ. На замѣчанія защиты, что въ такомъ случаѣ судъ не имѣетъ возможности удостовѣриться въ правильности и правдивости показаній свидѣтеля, послѣдній на вопросъ прокурора удостовѣряетъ, что свѣдѣнія эти «безусловно

вѣрны» и онъ свидѣтель имъ довѣряетъ (!!). Инцидентъ исчерпанъ. Еще болѣе многозначительная сцена разыгралась вслѣдъ за заявленіемъ Спиридовича о происходившей въ Теріокахъ партійной конференціи, на которой якобы выражено порицаніе за заявленіе о непричастности партіи къ дѣлу о заговорѣ. Прокуроръ снисходительно заявляетъ, что, такъ какъ защита вѣроятно пожелаетъ допросить полковника Герасимова, то онъ, прокуроръ, никакого протеста по этому поводу не вноситъ. Защита заявляетъ, что видитъ смыслъ въ допросѣ Герасимова только въ томъ случаѣ, если судъ его обяжетъ сообщить первоисточникъ столь сенсаціоннаго утвержденія. Судъ постановляетъ вызвать полковника, но никакихъ обязательствъ не принимаетъ.

На завтра оглашается заявленіе Герасимова, что онъ прибыть въ судъ не можетъ, но если суду угодно будетъ явиться въ охранное отдѣленіе, то онъ готовъ давать показанія. Не смотря на рѣзкій протестъ защиты, указывавшей, что судъ не вправѣ ѣздить къ начальнику охраны (въ чинѣ полковника), состоялось постановленіе о выѣздѣ всего состава суда (вмѣстѣ съ подсудимыми) въ охранку. Такимъ образомъ,

засѣданіе «суда» 12 августа состоялось на Мойкѣ № 12, о чемъ освѣдомительное бюро скромно умалчиваетъ. Царственной походкой, съ сознаніемъ своего достоинства является глава охраны, презрительно окидывая ряды защитниковъ. Весь бритый,—очевидно для грима. Садится лицомъ къ прокурору, нѣсколько бокомъ къ суду и спиной къ защитѣ и подсудимымъ. Комедія начинается.

На вопросы прокурора юпитеръ кратко подтверждаетъ слова Спиридовича — «да, конференція дѣйствительно была, и свѣдѣнія эти доставлены ему лицомъ, бывшимъ на конференціи. На вопросъ защиты кто же это лицо, отвѣчаетъ вызывающимъ смѣхомъ; предсѣдатель кричитъ на защитника и приказываетъ ему сѣсть. На вопросы прокурора, извѣстны ли ему случаи, когда партіи дѣлали лживыя заявленія, охранникъ презрительно, покачивая ногой, изрекаетъ: о, да, сколько угодно!—Не укажете ли примѣра?—Да чего тамъ примѣръ! Они лгутъ, грабятъ, воруютъ, поддѣлываютъ—все, что угодно. Вамъ угодны примѣры? Извольте! Полковникъ, прикажите доставить «Знамя Труда» 2-й номеръ. Доставляется «Знамя Труда».—Вотъ, извольте подлогъ, самый

гнусный, завѣдомый подлогъ документовъ по дѣлу Черняка.

Защита пытается ставить вопросъ: да почему же подлогъ,—откуда извѣстно, что подлогъ,—Юпитеръ презрительно пожимая плечами изрекаетъ—«да говорю же подлогъ —ничего подобнаго не было, все подложно! Черезъ три дня будутъ доставлены суду доказательства.» (Черезъ три дня, вмѣсто доказательствъ, появилось опроверженіе въ «Россіи», при чемъ, однако, въ подлогѣ «Россія» Партію не обвиняла, очевидно, плохо сговорились).—На дальнѣйшіе вопросы защиты заявляетъ, что вообще больше говорить не о чемъ, такъ какъ дѣло все уже выяснено. Предсѣдатель, вмѣсто того, чтобы оборвать эту неслыханную наглость охранника, вторитъ ему. Этотъ визитъ россійской Ѳемиды, это проституированіе юстиціи будетъ чревато послѣдствіями и является характернымъ для нашего времени. Наша Ѳемида всегда торговала собой, но негласно. 12 августа на Мойкѣ въ д. № 12 она заручилась желтымъ билетомъ.

Трагическимъ было положеніе временныхъ судей. Простые армейцы они совершенно терялись въ этой массѣ разнорѣчи-

выхъ показаній. Съ одной стороны казалось бы полнѣйшая очевидность отсутствія всякаго «сообщества для заговора» и ясная безпримѣрная провокація дворцоваго начальства и съ другой—всѣ эти торжественныя заявленія начальниковъ охранъ, эти «отношенія», «донесенія», секретная переписка—гдѣ тутъ разобраться несчастнымъ строевикамъ. Въ довершеніе всего—фактъ «заговора» высочайше признанный и утвержденный, моленіями и благословеніями закрѣпленный. Трудно было отъ обыкновенныхъ офицеровъ ждать гражданскаго мужества и удивляться нужно тому, что они ограничились тремя смертными приговорами. Повѣрь судьи въ дѣйствительное существованіе заговора—приговоръ былъ бы совсѣмъ другой. Смертные приговоры по этому дѣлу необходимы правительству, иначе пришлось бы расписаться, что весь этотъ инспирированный заговоръ—пуфъ, и эти приговоры, со свойственной правительству Гамзѣй Гамзѣича жестокостью и кровожадностью, конечно, будутъ приведены въ исполненіе.

По выслушаніи приговора кто то изъ подсудимыхъ съ усмѣшкой сказалъ: «это была репетиція процесса о заговорѣ». Да,

это была лишь репетиція. Настоящій процессъ еще впереди. Сегодня нѣсколько товарищей погибнутъ за дѣло, котораго они не дѣлали. Да послужитъ имъ утѣшеніемъ, что вслѣдъ за ними пойдутъ бойцы, на долю которыхъ выпадетъ счастье дѣлать это дѣло.

Убійство Карпова.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое декабря въ д. № 25 по Астраханской улицѣ, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ, разыгрался финалъ драмы, неожиданный для одного изъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, генерала Герасимова и руководимой имъ тайной полиціи царя: взрывомъ бомбы былъ убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ — полковникъ Карповъ, и тяжело раненъ сопровождавшій его другой — пока еще неизвѣстный — чинъ охраны. Произведшій покушеніе молодой человѣкъ былъ арестованъ уже на улицѣ и при немъ найденъ паспортъ на имя Воскресенскаго. Этотъ Воскресенскій въ дѣйствительности является Александромъ Алексѣевичемъ Петровымъ. На дняхъ его будутъ судить военнымъ судомъ. Драма кончена, и мы можемъ теперь разсказать ея перипетіи.

Александръ Алексѣевичъ Петровъ былъ народнымъ учителемъ въ Вятской губерніи. Въ началѣ 1900-хъ головъ онъ началъ тамъ

свою работу среди крестьянъ. Сначала она носила чисто культурническій характеръ, но въ 1902 г. Петровъ оффиціально примкнулъ къ П. С.-Р. и повелъ работу подъ руководствомъ мѣстнаго Губернскаго Комитета Партіи. Вліяніе его и популярность въ крестьянствѣ, какъ свидѣтельствуютъ работавшіе съ нимъ товарищи, были огромны — вся округа, гдѣ работалъ онъ, знала, любила и уважала его. Но работа была прервана арестомъ въ 1903 году. Впрочемъ, вскорѣ онъ былъ освобожденъ, и дѣло за недостаточностью уликъ прекращено, но отъ должности учителя его все же уволили. Петровъ снова, съ той же энергіей, принялся за работу. Въ 1904 г. новый арестъ и новое освобожденіе опять за недостаточностью уликъ. Въ 1905 г. третій арестъ и преданіе суду Казанской Судебной Палаты. Амнистія въ октябрѣ 1905 г. снова освобождаетъ Петрова. Но не надолго. Тотчасъ же почти послѣ окончанія «дней свободы», 9-го января 1906 года Петрова арестуютъ вновь и приговариваютъ къ административной ссылкѣ на три года въ Нарымскій край. Но по дорогѣ туда, въ Глазовской тюрьмѣ, его задерживаютъ, такъ какъ открылись какія-то новыя данныя, которыя позволяли привлечь его къ суду.

Петровъ рѣшаетъ бѣжать. И 17-го іюня 1906 г. выполняетъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ свое рѣшеніе, перепиливъ рѣшетку окна. Съ этого момента начинается его нелегальная работа: онъ избираетъ себѣ боевую область. Онъ участвуетъ въ экспропріаціи въ Услонѣ, принимаетъ косвенное участіе въ покушеніи на Кобеко, участвуетъ въ экспропріаціи въ Троицкомъ лѣсу. Конецъ 1906 г. онъ работаетъ въ динамитной лабораторіи въ Казани. 3-го января, во время приготовленія снаряда въ этой лабораторіи однимъ изъ товарищей Петрова, происходитъ страшный взрывъ, который смертельно ранитъ приготовлявшаго бомбу и тяжело уродуетъ Петрова: у него оказалась раненой нижняя часть живота, перебиты и изранены ноги. Но Петровъ не теряется: послѣ того, какъ прошло первое оглушающее впечатлѣніе взрыва, видя, что товарищъ умеръ, онъ самъ рѣшаетъ «бѣжать» и приводитъ свое намѣреніе въ исполненіе: окровавленный, изуродованный, онъ выползаетъ на рукахъ на улицу, и тамъ, совершенно обезсилѣвшаго, его находятъ и арестуютъ. Казанскій военно-окружной судъ приговариваетъ его къ каторгѣ на 4 года. Въ 1907 г. отбывать наказаніе его отправляютъ въ Вят-

скую губернскую тюрьму. Оттуда въ ночь на 19-ое февраля 1908 г. онъ, взломавъ рѣшетку окна, снова бѣжитъ и вскорѣ скрывается за-границу. Побѣгъ этотъ былъ сопряженъ съ необычайными трудностями: послѣдствія пораненій при взрывѣ далеко не исчезли, Петровъ продолжалъ хромать. Раны на ногахъ не зажили, такъ какъ ихъ едва залѣчили въ тюрьмѣ, даже не извлекши осколковъ металла, попавшихъ въ ногу. Лишь заграницей была произведена необходимая операція, и Петровъ поправился. Но въ ноябрѣ того же года онъ уже опять ѣдетъ въ Россію на работу въ Поволжскую область. 2-го января 1909 г. его вмѣстѣ съ другими товарищами арестуютъ въ Саратовѣ.

Такова краткая революціонная біографія Александра Алексѣевича Петрова, — біографія, характеризующая его, какъ твердаго, убѣжденнаго, самоотверженнаго революціонера, человѣка съ недюжинной силой воли и большой рѣшительностью.

Лѣтомъ 1909 г. заграницу пришло извѣстіе, что Петровъ, переведенный изъ тюрьмы въ Саратовскую психіатрическую лечебницу на испытаніе, бѣжалъ оттуда. А черезъ нѣсколько времени онъ самъ пріѣхалъ

заграницу, — но пріѣхалъ разбитый, придавленный, угнетенный. Тотчасъ же онъ сталъ искать возможности видѣть представителей Партіи С.-Р. и Вл. Льв. Бурцева. И при первомъ же свиданіи разсказалъ слѣдующее.

Чуть не первымъ извѣстіемъ съ «воли», пришедшимъ къ нимъ въ Саратовскую тюрьму, было сообщеніе объ открытіи провокаціи Азефа. Извѣстіе это произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Вскорѣ къ этому присоединился еще новый фактъ: ихъ арестъ оказался тоже дѣломъ провокатора — Татьяны Цейтлинъ. Арестъ рабочихъ въ Саратовѣ, происшедшій вскорѣ послѣ ихъ ареста, вызванъ былъ тоже провокаціей. Въ тюрьмѣ не стало иныхъ разговоровъ, какъ о провокаторахъ: припоминались прежніе провокаторы, подозрѣвались новые, приводились различные случаи провокаціи. Провокація тяжелой пеленой нависла надъ всѣми. Оскорбленное чувство безсильно металось, ища выхода. Въ тюремной обстановкѣ воображеніе рисовало картины — одну другой ужаснѣе и мрачнѣе. Казалось, что все погибло, все рушится, — Партія сверху донизу разъѣдена провокаціей. Борьба съ этой язвой являлась, такимъ образомъ,

неотложнымъ, самымъ насущнымъ дѣломъ. И умъ настойчиво и упорно возвращался къ мысли объ этой борьбѣ, искалъ способовъ, строилъ планы. Ибо «для всѣхъ было ясно,—какъ описывалъ потомъ свое настроеніе Петровъ,—что прежде, чѣмъ продолжать работу, нужно освободить Партію отъ этого элемента». Но какъ? И послѣ долгихъ думъ и сомнѣній онъ пришелъ къ выводу: «Хотя и говорятъ, что провокація есть своего рода палка о двухъ концахъ, но вѣдь объ этомъ только говорятъ. И палка до сихъ поръ бьетъ все однимъ и тѣмъ же концомъ — бьетъ по Партіи. Провокація есть палка о двухъ концахъ. И Азефъ — это есть ударъ по Партіи, ударъ однимъ концомъ палки. Такъ пусть же ударитъ другой конецъ той же палки! Палка о двухъ концахъ: такъ пусть же честный, съ сильной волей человѣкъ смѣло возьметъ эту палку для удара другимъ концомъ». Таковъ теоретическій выводъ Петрова. А за нимъ слѣдуетъ и практическій: «И я беру эту палку!» Онъ рѣшаетъ стать «провокаторомъ-революціонеромъ». «Я взялъ на себя смѣлость встать на путь, до сихъ поръ не практиковавшійся Партіей, взялъ на себя смѣлость взять

палку провокаціи,—описывалъ онъ свое тогдашнее настроеніе,—потому, что это нужно —я долженъ это сдѣлать и я вѣрю, что я сумѣю, смогу, въ силахъ сдѣлать это». «Я Партію люблю, я преданъ дѣлу революціи, я отдалъ дѣлу освободительнаго движенія всѣ свои силы, способности, знанія и жизнь: теперь я отдаю ему и честь свою». И рѣшивъ такъ, онъ «ни на минуту не сомнѣвался въ правотѣ и цѣлесообразности своихъ дѣйствій». Онъ строитъ широкіе планы: добиться довѣрія, стать крупной фигурой, большимъ «провокаторомъ», чтобы открыть весь механизмъ полицейскаго сыска, чтобы узнать всѣ пути, какими тайная полиція получаетъ свои свѣдѣнія, узнать главнѣйшихъ провокаторовъ и выдать ихъ всѣхъ Партіи. Онъ думаетъ еще о большемъ: узнавъ, что царь ѣдетъ въ Полтаву на празднества, онъ мечтаетъ быть въ качествѣ охранника тамъ, чтобы, выбравъ моментъ, отомстить за задавленную революцію, за рѣки крови, за издѣвательство главѣ реакціонной шайки — Николаю II.

Внѣшняя обстановка, повидимому, благопріятствовала тому, чтобы стать «виднымъ провокаторомъ». Петровъ былъ арестованъ, какъ нелегальный, подъ фамиліей Филатова.

Его поведеніе съ жандармами, его израненныя ноги, его упорное скрываніе своего настоящаго имени, все это заставляло ихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ бывалымъ человѣкомъ. Производятся разныя попытки установить его имя. Сначала ему заявляютъ, что его открыли: онъ — Лещатниковъ. Петровъ не возражаетъ, но и не подтверждаетъ. Жандармы не успокаиваются. Черезъ нѣкоторое время по нѣкоторымъ даннымъ и фотографіи они рѣшаютъ, что онъ—бывшій офицеръ Севастопольскаго гарнизона Андрій Ясненко, судившійся въ Севастополѣ и сосланный въ каторгу, но бѣжавшій и скрывшійся безслѣдно изъ Александровской каторжной тюрьмы. Это открытіе жандармовъ совпало со временемъ, когда Петровъ окончательно рѣшилъ выполнить свой планъ.

Въ серединѣ марта 1909 г. онъ дѣлаетъ начальнику Саратовскаго жанд. управленія, полковнику Семигановскому, и начальнику Саратовскаго охраннаго отдѣленія, ротмистру Мартынову, заявленіе о своемъ желаніи перейти на службу въ полицію. Обѣ стороны ставятъ условія. Петровъ требуетъ, чтобы за это освободили всѣхъ арестованныхъ одновременно съ нимъ—Минора, Бартольда и др. Мотивируетъ онъ это

тѣмъ, что, во-первыхъ, они близкіе его друзья, и онъ не сможетъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, если они будутъ въ тюрьмѣ, а во вторыхъ, — если они будутъ на волѣ, то у него сразу образуется въ революціонныхъ кругахъ группа вполнѣ вѣрящихъ ему и близкихъ товарищей, черезъ которыхъ ему легче будетъ узнавать все, что онъ самъ почему-либо узнать не могъ бы. Жандармы послѣ споровъ и пререканій соглашаются выпустить подъ залогъ или поручительство всѣхъ, за исключеніемъ Минора, но со своей стороны требуютъ, чтобы онъ письменно заявилъ о своемъ желаніи вступить на службу и въ качествѣ доказательства своей искренности выдалъ имъ наиболѣе важныя дѣла, извѣстныя ему въ данный моментъ. Въ награду ему предлагаютъ свободу и триста рублей въ мѣсяцъ жалованья. Послѣ долгихъ разговоровъ торгъ наконецъ заключается, и 21 марта Петровъ выдаетъ полковнику Семигановскому бумагу, гдѣ, признавая себя Андріемъ Ясненко, для большаго поднятія своего значенія «сознается», что «сфера его дѣятельности боевая», что «Савинковъ ему предлагалъ работать совмѣстно въ Сѣверномъ боевомъ отрядѣ», но онъ отказался, пред-

почитая самостоятельно организовать боевыя дружины въ Поволжьи. Затѣмъ онъ дѣлаетъ рядъ фиктивныхъ выдачъ о планахъ покушеній и т. п. и мѣрахъ ихъ предупрежденія и въ заключеніе заявляетъ о своемъ желаніи поступить на службу.

Семигановскій и Мартыновъ торжествовали и не скрывали своего торжества. Въ минуту дружественной откровенности Мартыновъ признается, что безъ хорошаго провокатора невозможно сдѣлать карьеры, что только тамъ, гдѣ есть «солидные сотрудники», и выдвигаются жандармы. Больше того — даже степень власти того или другого начальника мѣстнаго жандармскаго или охраннаго отдѣленія измѣряется «солидностью» имѣющихся сотрудниковъ. И тѣ начальники жандармскихъ управленій, у которыхъ въ данный моментъ такого козыря въ рукахъ нѣтъ, не теряя оффиціально своей самостоятельности, по существу, какъ въ былое время захудалые удѣльные князья, попадаютъ во власть своего болѣе счастливаго сосѣда, который начинаетъ княжить и володѣть на ихъ территоріи. Словомъ, «солидный сотрудникъ»—это успѣхъ, это повышеніе, награды, безконтрольныя суммы, власть. Семиганивскій спѣшитъ къ губер-

натору Татищеву порадовать его своею новостью. И всѣ сообща, въ виду особенной важности сотрудника, рѣшаютъ при посредствѣ его выслужиться передъ высшимъ начальствомъ. Забравъ бумагу Петрова, полковникъ Семигановскій ѣдетъ въ Петербургъ въ Департаментъ Полиціи, а, главное, къ «самому» Герасимову, «нашему начальнику», «сильнѣйшему человѣку», ударить челомъ своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ. Черезъ нѣсколько дней онъ возвращается съ извѣстіемъ, что Петрова «требуютъ» въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ Петрова все время держатъ въ Охранномъ Отдѣленіи, въ какой-то роскошно обставленной комнатѣ. Онъ— «почетный» заключенный. Онъ попадаетъ въ руки къ «самому» Герасимову и его подручному Доброскокову. Начинаются снова переговоры объ «условіяхъ», а наряду съ этимъ идетъ неустанное наблюденіе и изученіе новаго будущаго сотрудника. Условія Петрова объ освобожденіи его товарищей, а въ особенности Минора, признаются непріемлемыми. Вмѣстѣ съ этимъ въ Герасимовѣ все время живетъ какое-то подозрѣніе. Онъ всматривается и изучаетъ Петрова, пытается прочесть у него на лицѣ

истинные помыслы и цѣли. Однажды во время какого-то «дружественнаго разговора» Герасимовъ вдругъ быстро поднимается, беретъ Петрова за руку и подводитъ къ зеркалу. «Смотрите», говоритъ онъ, и поясняетъ: «Вы мнѣ нравитесь; очень. Но вы смотрите, глаза, глаза: они лгутъ!» Начинаетъ подниматься подозрѣніе и относительно его личности: точно ли онъ офицеръ Ясненко, а не другой. И если нѣтъ, то почему скрываетъ, не говоритъ правды. Подозрѣнія растутъ. Охранники становятся все настойчивѣе и осторожнѣе. И, наконецъ, разражается скандалъ. Въ комнату къ Петрову явился Доброскоковъ и сталъ особенно настойчиво спрашивать его, кто онъ такой. Затѣмъ, не получая отвѣта, сталъ издѣваться надъ нимъ, издѣваться цинически надъ его товарищами. Петровъ, не выдержавъ роли, взятой на себя, выгналъ Доброскокова вонъ. И черезъ полчаса былъ уже закованъ пришедшими жандармами въ кандалы, и ему заявили, что въ тотъ же день его отправляютъ въ Севастополь для опознанія.

Поѣздка изъ Петербурга въ Севастополь полна душевныхъ мученій для Петрова. Планъ разбитъ—ему не вѣрятъ и всякія

перспективы «взять палку» утеряны. Но и возвращеніе назадъ тоже невозможно, ибо онъ замаранъ, и прекрасно сознаетъ, что возврата къ работѣ въ рядахъ партіи для него нѣтъ. Имъ овладѣваетъ отчаяніе. Это отчаяніе еще усугубляется однимъ—самымъ ужаснымъ чувствомъ, которое все властнѣе начинаетъ пробиваться въ немъ. И это—чувство неправильности, непозволительности самаго пути, который онъ избралъ. Онъ начинаетъ чувствовать, что не выдержитъ страданій, что остается одно—покончить съ собой. Но развѣ самоубійство—выходъ? Развѣ самоубійствомъ реабилитируешься въ глазахъ товарищей? А месть имъ—тѣмъ, торжествующимъ, а исправленіе своей ошибки? Выхода какъ будто нѣтъ. И приливы душевнаго отчаянія смѣняются часами апатіи, безразличнаго отношенія къ жизни, къ тому, что будетъ, какъ повернутся событія. Но это продолжается недолго: мысль лихорадочно работаетъ, ищетъ выхода, чувство виновности, необходимости искупить ошибку, растетъ. Съ ними вмѣстѣ растетъ жажда выйти изъ положенія.

Наконецъ, выходъ найденъ—и найденъ благодаря жандармамъ, сопровождавшимъ его. Они замѣтили то нервность, то апатію

Петрова, часто даже истерическія выходки, и заподозрили, что онъ ненормаленъ. Это натолкнуло его на мысль, что спасеніе изъ положенія именно здѣсь. Надо симулировать сумасшествіе, добиться перевода въ лѣчебницу и бѣжать оттуда. Но, дальше? Работать въ организаціи послѣ всего, что было,—невозможно. Покаяться товарищамъ и только—но это значитъ не реабилитировать себя, не искупить своего грѣха. Нѣтъ, послѣ побѣга надо снова предложить свои услуги полиціи. Если они не повѣрили заключенному, такъ повѣрятъ, когда человѣкъ самъ послѣ побѣга явится къ нимъ съ предложеніемъ услугъ. Вступить провокаторомъ-революціонеромъ на службу къ нимъ, а потомъ, открывъ все партіи, пойти и искупить вину, отомстить Герасимову съ братіей—таковъ планъ.

И въ Севастополь жандармы привезли уже «сумасшедшаго».

Въ Севастополѣ Петрова держали недолго: почти тотчасъ было установлено, что между нимъ и Ясненко нѣтъ ничего общаго, и его отправляютъ по мѣсту его ареста снова въ Саратовъ.

Встрѣча мало походила на прощанье. Тогда было торжественное отправленіе от-

крытаго стараніями «дѣятельныхъ» сотрудниковъ г-на Герасимова офицера Ясненко, согласившагося быть провокаторомъ. Тогда въ Петербургъ отправляли дорогой подарокъ, козырь—доказательство расторопности, дѣловитости и преданности. Тогда вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ ѣхали чаянія наградъ, повышеній, «высочайшихъ» благодарностей Герасимова. Теперь возвращался человѣкъ, надувшій ихъ (за это время была открыта настоящая фамилія Петрова), человѣкъ, разочаровавшій начальство, непонравившійся ему, забракованный имъ. Теперь онъ воплощалъ собою хорошій нагоняй. И перемѣну отношеній «дали почувствовать». Начинается рядъ издѣвательствъ. Его сумасшествію, конечно, не вѣрятъ. Его морятъ голодомъ, бросаютъ въ карцеръ, надсмѣхаются, подглядываютъ, бьютъ, когда и чѣмъ ни попало (у Петрова на одной сторонѣ верхней челюсти выбито нѣсколько зубовъ). Но онъ настойчиво продолжаетъ симулировать. Наконецъ, дѣло начинаетъ казаться серьезнымъ даже его мучителямъ. Рѣшаютъ назначить комиссію для освидѣтельствованія. Комиссія признаетъ необходимымъ помѣстить его на испытаніе въ психіатрическую лечебницу на 20 дней.

Черезъ нѣсколько дней, въ ночь на 18-е мая 1909 года Петровъ, взломавъ окно, бѣжитъ оттуда.

Итакъ, первая часть плана выполнена. Остается выполнить вторую. Изъ Хвалынска Петровъ посылаетъ письмо Мартынову съ предложеніемъ вступить съ нимъ въ переговоры о его службѣ. Происходитъ встрѣча въ Саратовѣ. Условіемъ поступленія на службу Петровъ снова ставитъ освобожденіе арестованныхъ съ нимъ товарищей. Мартыновъ отвѣчаетъ, что это выходитъ изъ его компетенціи, и онъ долженъ съѣздить переговорить обо всемъ снова въ Петербургъ къ Герасимову. Черезъ нѣсколько дней Мартыновъ привозитъ Петрову изъ Петербурга приглашеніе снова явиться къ «шефу». Ледъ былъ, очевидно, сломленъ окончательно. Человѣкъ, послѣ всего перенесеннаго, только что улизнувъ изъ цѣпкихъ рукъ охраны, являющійся снова съ предложеніемъ своихъ услугъ, стоитъ, конечно, внѣ подозрѣній: онъ, несомнѣнно, свой. И примирившіеся съ нимъ, снова чающіе наградъ и повышеній саратовскіе полковникъ и ротмистръ отправляютъ его, какъ своего, послѣ «кутежа», въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ отношеніе тоже совер-

шенно измѣнилось. О «лгущихъ глазахъ» нѣтъ больше рѣчи. Вопросъ лишь объ условіяхъ да планѣ дѣятельности. Петровъ повторяетъ свои прежнія требованія. Герасимовъ согласенъ на нихъ: онъ даже самъ поѣдетъ въ Саратовъ, чтобы распорядиться, какіе документы въ дѣлѣ нужно уничтожить, которые могли бы затруднить освобожденіе заключенныхъ. Онъ даже готовъ освободить Минора. Но только . . . подъ однимъ условіемъ: его освобожденіе должно быть обставлено нѣкоторыми подозрительными странностями, и одновременно долженъ быть пущенъ соотвѣтственный «слушокъ». Герасимовъ откровенно признается, что они дѣлаютъ это иногда, когда имъ представляется это выгоднымъ. Петровъ отклоняетъ такое освобожденіе, и договоръ формулируется окончательно по старому: освобождаются всѣ, кромѣ Минора. Остается дѣловая сторона. «Учителю» надо наставить «ученика». Задачей Петрова должна быть — «боевая провокація» и только она. Онъ не долженъ никоимъ образомъ ни узнавать, ни сообщать никакихъ свѣдѣній изъ другихъ областей партійной работы. Это можетъ только «провалить» его. Помимо Герасимова или того лица, какое онъ самъ укажетъ,

Петровъ, не долженъ никому давать никакихъ свѣдѣній. Пусть бережетъ себя. Пусть не горячится, стремясь доставать свѣдѣній, какъ можно больше и какъ можно скорѣе. Отъ него не требуется услугъ въ ближайшемъ времени. Главное — систематичность. Пусть медленно, но вѣрно пролѣзаетъ къ боевому центру. Пусть не смущается, если первоначально будетъ не у дѣлъ, и ему придется просто на просто отдыхать. Да если и по собственному желанію захочетъ «отдохнуть», пусть отдохнетъ — стѣсняться нечего. Его задача широкая и сложная — медленными, но вѣрными шагами долженъ итти онъ къ ней. Въ концѣ концовъ онъ долженъ занять мѣсто Азефа, долженъ встать во главѣ боевой организаціи. «Вамъ принадлежитъ будущее,—восторженно говоритъ «наставникъ»:—Вы должны себя беречь и готовить для будущаго!»

Человѣку съ «будущимъ», конечно, не пристало нуждаться въ деньгахъ и ему назначаютъ 1000 р. въ мѣсяцъ. Герасимовъ и здѣсь сама заботливость, и здѣсь великій образъ «будущаго Азефа» долженъ служить путеводной нитью вновь обращенному: ему совѣтуютъ взять на свое имя ящикъ и откладывать туда свои «сбереженія.»

Но «наставленія» не занимали всего времени. Иногда, для большаго, очевидно, укрѣпленія связи, для того, чтобы показать всѣ утѣхи новой жизни, въ которую вступаетъ «сотрудникъ», Петрова «освѣжали» поѣздками въ отдѣльные кабинеты модныхъ ресторановъ. Въ нихъ, кромѣ Герасимова, принимали участіе Доброскоковъ, «Ермоленко» (онъ же убитый Карповъ). Освѣженія эти кончались подъ утро безобразнѣйшей оргіей, въ которой съ восторгомъ принимали участіе «наставники», забывая даже обращать вниманіе на самочувствіе ученика.

Герасимовъ предвидѣлъ все: хотя и свой уже, хотя и закупленъ, а все же можетъ проснуться совѣсть-злодѣйка и поколебать благія рѣшенія. И Петрову дается «гарантія»: выданныхъ имъ боевиковъ вѣшать, конечно, не будутъ. Онъ будетъ выдавать ихъ до совершенія акта. Ихъ будутъ арестовывать, но они будутъ отдѣлываться легкими наказаніями, даже вѣроятно, простой административной высылкой, «если только они будутъ держать себя конспиративно, выдержанно, т. е. не будутъ открывать въ тюрьмѣ товарищамъ своей личности и занятій». Генералъ Герасимовъ ничего противъ этого не имѣетъ, ему важно лишь разстроить

предполагавшійся актъ, а они пусть живутъ — Богъ съ ними.

Когда было рѣшено, что задачи достаточно выяснены и кругъ дѣятельности опредѣленъ — Петрова рѣшили отправить заграницу — на первыхъ порахъ въ Парижъ. Туда вскорѣ для сношенія съ нимъ долженъ былъ пріѣхать нѣкій «Вячеславъ Михайловичъ», съ которымъ онъ долженъ будетъ вести сношенія, получать помощь и деньги. Этотъ «Вячеславъ Михайловичъ» будетъ называться тамъ — Виталій Дибичъ. Пока же «на расходишки» до пріѣзда Дибича ему дали 500 р. да еще 100 р.[1]) на всякій случай, буде захочетъ заѣхать въ Стокгольмъ на выставку.

На этомъ кончался разсказъ, сдѣланный Петровымъ представителямъ Партіи[2]). Онъ присоединилъ къ нему лишь свое теперешнее мнѣніе о томъ, что сдѣлалъ. Оно было таково: «то, что я вначалѣ считалъ единственно-правильнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимо-нужнымъ, теперь я считаю глубочайшимъ моимъ заблужденіемъ, непони-

[1]) Всѣ деньги, полученныя Петровымъ за все время (болѣе трехъ тысячъ рублей), пошли на организацію его боевого акта, и Петровъ далъ въ нихъ отчетъ.

[2]) Въ распоряженіи Партіи имѣется полный разсказъ самого Петрова: мы привели его лишь въ сокращенномъ видѣ.

маніемъ, даже величайшей ошибкой». Онъ понималъ всю «непріемлемость и недопустимость» своихъ дѣйствій, онъ понималъ, что послѣ этого онъ не можетъ работать въ Партіи. Онъ проситъ только объ одномъ: повѣрить въ его искренность и разрѣшить ему, дать возможность искупить свою вину, доказать чистоту своихъ намѣреній — убить генерала Герасимова.

Представители Партіи стали предъ тяжелой дилеммой: съ одной стороны Петровымъ «совершенъ поступокъ, противорѣчащій революціоннымъ традиціямъ, недопустимый для революціонера и наносящій существенный вредъ дѣлу революціи». Такой поступокъ формально запрещенъ партійными постановленіями и долженъ влечь за собой исключеніе изъ Партіи и опубликованіе имени совершившаго его. Но, съ другой стороны, передъ ними былъ человѣкъ, предыдущая дѣятельность котораго извѣстна имъ съ самой лучшей стороны, разсказу котораго они не имѣютъ основанія не вѣрить, разсказу котораго вѣрятъ его ближайшіе товарищи. Опубликованіе его имени было бы равносильно закрытію для него возможности искупить-чѣмъ-нибудь совершенное. На это представители Партіи не рѣшились и поэтому,

со всей твердостью отмѣтивъ всю недопустимость дѣйствій такого рода, они разрѣшили ему то, что онъ просилъ, разрѣшили «обезвредить послѣдствія своего поступка путемъ устраненія одного изъ руководителей сыска въ Россіи». Для совершенія акта Петрову была обѣщана помощь необходимыми техническими средствами, т. е. динамитомъ, оболочками и т. д.

Непосредственно въ Россію Петровъ ѣхать не могъ, хотя самъ лично и очень хотѣлъ этого. Но, во первыхъ, послѣ всего перенесеннаго онъ былъ въ ужасно нервномъ, подавленномъ состояніи, и ему необходимо было придти въ себя, а во-вторыхъ, надо было соблюсти декорумъ и такимъ быстрымъ возвращеніемъ не навлечь подозрѣнія съ «той» стороны. Его изолируютъ отъ всѣхъ и всего, что могло бы навести на какой-либо слѣдъ практической работы въ Россіи, такъ какъ за нимъ могли слѣдить и по нему— независимо отъ его желанія—прослѣдить другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ видятся представители Партіи, отъ которыхъ онъ, по предположенію полиціи, можетъ узнавать много цѣннаго. Онъ пишетъ Герасимову и «Вячеславу Михайловичу» письма подъ диктовку представителей Партіи, гдѣ

сообщаетъ различныя «важныя» свѣдѣнія объ интересующихъ Герасимова лицахъ и планахъ. Онъ пишетъ ему, что дѣло проникновенія къ «центру» подвигается впередъ и т. д. Герасимовъ и «Вячеславъ Михайловичъ» съ своей стороны шлютъ ему свои дружескіе привѣты, одобренія, совѣты и пожеланія. Пріѣздъ Дибича задерживается болѣзнью Герасимова, о которой тотъ тоже сообщаетъ въ своихъ письмахъ. «Вотъ ужъ второй мѣсяцъ я прикованъ къ постели,—пишетъ онъ,—лежу въ клиникѣ въ ожиданіи тяжелой операціи». Но даже въ ожиданіи «тяжелой операціи» генералъ не забываетъ своего дѣла. «За Ваши свѣдѣнія благодарю Васъ, но они настолько кратки, что предпринять что-либо положительно невозможно»—жалуется онъ. И съ своей стороны задаетъ рядъ «наводящихъ» вопросовъ: «Вы сообщили, что Борисъ (Савинковъ) съ семьей живетъ въ Россіи, но гдѣ именно, Вы ничего не сообщили и какая операція предположена имъ въ первую очередь—неизвѣстно. Если Вамъ въ центрѣ нельзя узнать просимыхъ свѣдѣній, то быть можетъ Вы могли бы получить какую-нибудь миссію по б. д. въ Россію?» Генерала Герасимова интересуетъ все. «Какъ Вы нашли нашихъ друзей,

богаты ли они?» «Не забудьте сообщить мнѣ насчетъ Италіи» (въ связи съ поѣздкой царя). «Читалъ въ газетахъ, что въ первыхъ числахъ октября въ Парижѣ будутъ какіе-то конкурсы аэронавтики, и мнѣ пришла въ голову мысль, не воспользуется ли наша братія этимъ новымъ изобрѣтеніемъ для своихъ высокихъ цѣлей? Какъ Вы думаете, сообщите?» Генералъ ласковъ, очень ласковъ въ своихъ письмахъ:—«дорогой мой» пишетъ онъ Петрову. Но сквозь бархатныя лапы онъ нѣтъ-нѣтъ да и даетъ почувствовать свои когти. О, онъ крѣпко держитъ жертву, которая попала къ нему. «Вы должны быть совершенно откровенны,—пишетъ онъ,—и только при этомъ условіи возможно Ваше самосохраненіе. Въ противномъ случаѣ, не зная плана дѣйствій, съ нашей стороны какой-нибудь неосторожный шагъ можетъ повлечь Вашъ провалъ. Вотъ почему Вы должны оказать полное довѣріе, открыть всѣ карты». Но, показавъ свои когти, генералъ снова мягокъ и даже вдохновененъ. «Да хранитъ Васъ Богъ. Будьте спокойны и мужественны, и тогда побѣда будетъ за нами!»

Вскорѣ въ Парижъ пріѣзжаетъ и «Вячеславъ Михайловичъ», онъ же Виталій

Дибичъ. Петровъ сносится съ нимъ—сначала въ Парижѣ, а затѣмъ Дибичъ пріѣзжаетъ къ нему по первому его требованію, гдѣ бы онъ ни былъ. Дибичъ готовъ на всѣ услуги для важнаго «сотрудника»: онъ подхалимствуетъ предъ нимъ въ глаза и пытается шпіонить и доносить «шефу» о поступкахъ «сотрудника» за его спиною.

Наконецъ, осенью Петровъ выѣзжаетъ для «свиданія» съ Герасимовымъ въ Россію. И въ Петербургѣ совершенно самостоятельно, безъ всякой помощи составляетъ планъ, дѣлаетъ всѣ приготовленія и въ ночь съ 8-го на 9-е декабря производитъ покушеніе. Герасимова онъ, очевидно, не могъ встрѣтить: убитымъ оказался его ближайшій помощникъ и замѣститель, полковникъ Карповъ.

Александръ Алексѣевичъ Петровъ искупилъ свою ошибку «единственно достойнымъ» образомъ. Изъ наглой шайки, «за кулисами правительственнаго механизма» держащей въ своихъ цѣпкихъ рукахъ Россію, выбитъ одинъ изъ главарей. «Покупатели совѣсти человѣческой», генералъ Герасимовъ и его присные получили жестокій урокъ. Но исторія Александра Алексѣевича Петрова должна послужить тяжелымъ урокомъ и

тѣмъ революціонерамъ, которые, увлекшись рисующимися перспективами, будутъ видѣть вершину самоотверженности въ планахъ, подобныхъ его. И мораль этого урока мы лучше всего можемъ формулировать его же собственными словами, записанными имъ въ концѣ его «замѣтокъ» предъ отъѣздомъ въ Россію. Это—слова человѣка, на себѣ выстрадавшаго весь ужасъ положенія, въ которое самъ поставилъ себя.

«Ни подъ какимъ видомъ, ни съ какими цѣлями входить съ охраннымъ въ соглашеніе нельзя; подобный поступокъ не можетъ быть оправдываемъ ничѣмъ, никакими разсчетами пользы и выгоды. Малѣйшій шагъ въ этомъ направленіи наноситъ Партіи страшный вредъ — и только вредъ, и противорѣчитъ традиціямъ Партіи и является поступкомъ, недостойнымъ члена П. С.-Р. Входя въ соглашеніе съ Охраннымъ, рискуешь не собственной только честью, какъ это я понималъ нѣкогда, а честью Партіи и пожалуй главнымъ образомъ именно честью Партіи, а не своей.

«Я заклинаю васъ, товарищи, всѣмъ святымъ для васъ, во имя для васъ всего святого и дорогого, не позволяйте въ своей

жизни ничего похожаго на то, что позволилъ себѣ я въ своемъ ослѣпленіи, надѣясь извлечь изъ этого пользу, въ своемъ глубокомъ заблужденіи неправильно взглянувъ и односторонне понявъ задачи и цѣли, какія я преслѣдовалъ. Не дѣлайте и даже не задумывайтесь надъ возможностью принести пользу Партіи отъ соприкосновенія съ Охраннымъ, я заклинаю васъ, я говорю, что лучше будетъ, если вы убьете себя въ тотъ моментъ, когда только что придетъ вамъ въ голову мысль о подобномъ рѣшеніи. Или откажитесь отъ этого рѣшенія или убейте себя сейчасъ же! Ибо можетъ случиться, что уже и смерть не въ силахъ будетъ избавить васъ отъ этой ошибки, что и смерть ваша не сможетъ примирить, не явится искупленіемъ вашей вины!»

Приложеніе.

Въ видѣ приложенія мы перепечатываемъ (источники см. въ Указателѣ) дневникъ провокатора, рядъ писемъ «дѣятелей» охраннаго отдѣленія и нѣсколько тайныхъ инструкцій.

Въ высшей степени интересна «инструкція по организаціи наружнаго наблюденія». Здѣсь мы знакомимся со всѣми пріемами къ которымъ долженъ прибѣгать опытный начальникъ охраннаго отдѣленія, чтобы составить себѣ кадры надежныхъ «сотрудниковъ по наружному наблюденію.»

Но еще интереснѣе другая инструкція. Она раскрываетъ профессіональный секретъ охранниковъ, состоящій въ томъ, что наружная агентура лишь «вспомогательное» средство. Главное—это «освѣщеніе со стороны внутренней агентуры», т. е. говоря попросту—провокація.

И поэтому представляютъ такой особо жгучій интересъ приводимыя ниже письма охранниковъ. Съ одной стороны они «человѣческіе документы» — «documents hu-

mains». Они показываютъ какъ низко можетъ пасть человѣкъ, до чего обезобразить свой нравственный обликъ. Но они также и «документы современной культуры»—«Kulturdokumente». Ярко и отчетливо они рисуютъ картину нравовъ тѣхъ лицъ, которыя являются «охранителями всея Россіи».

Они показываютъ ихъ въ самомъ разгарѣ ихъ «охранительной дѣятельности», раскрываютъ тѣ профессіональныя уловки, при помощи которыхъ руководители всероссійскаго сыска привлекаютъ въ свои сѣти, и при помощи которыхъ удерживаютъ уже запутавшихся въ тенетахъ «секретныхъ сотрудниковъ».

Высокомѣрные, надменные съ мелкими «сотрудниками», они становятся шелковыми, почти подобострастными, когда имъ кажется, что они уловили въ свои сѣти, «пользующагося вліяніемъ въ революціонномъ мірѣ».

Вотъ письма къ Петрову. Его патроны еще не поняли, что не они его дурачатъ, а онъ ихъ. Имъ чудится въ немъ второй Азефъ, и самъ генералъ Герасимовъ разсыпается передъ нимъ въ любезностяхъ.

А вотъ письмо его Превосходительства дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ландезена—Гартинга. Оно холодно, высоко-

мѣрно. Ибо оказалось, что провокаторъ, которому онъ пишетъ, не играетъ въ партіи столь «серьезной роли» какъ онъ старался увѣрить своего «патрона».

Вотъ письма къ Науму Тенненбауму. Слабый, безвольный, безпринципный молодой мальчикъ—онъ пришелъ въ Охрану, и разъ попавши въ ея объятія не можетъ изъ нихъ освободиться. Въ дневникѣ онъ разсказываетъ объ этомъ, кается, мечтаетъ о новой жизни . . . и остается провокаторомъ. Охранники знаютъ свое дѣло: мягко и всетаки властно они напоминаютъ, что нѣтъ возврата, что попавъ на ихъ «службу» нужно тянуть лямку все дальше и дальше.

А когда «освѣдомленность» «сотрудника» прекратилась, когда всѣ соки изъ него выжаты, онъ безжалостно выбрасывается за бортъ какъ полусгнившая лимоновая корка. И достаточно малѣйшего подозрѣнія, чтобы подвергнуть прежняго «дорогого товарища» «уважаемаго пріятеля» тѣмъ мученіямъ и пыткамъ, о которыхъ разсказываетъ приведенное нами письмо провокатора Петряева къ своему «патрону».

Но предоставимъ лучше слово самимъ охранникамъ: ихъ письма сами говорятъ за себя.

А. Б.

Изъ дневника провокатора Наума Тенненбаума.

«. . . 8 августа. Боже мой, какое ужасное состояніе духа![1]) Я еще, кажется, ничего подобнаго никогда не переживалъ. Да, седьмое августа будетъ для меня днемъ памятнымъ. 7 августа 1905 года я въ Ланжеронѣ сдѣлалъ попытку застрѣлиться, а вчера я вошелъ въ сношенія съ охранкой! Меня уже около мѣсяца преслѣдуетъ мысль о томъ, что аттестатъ зрѣлости можно получить безъ экзамена при помощи протекціи Глаголева, какъ это было съ Неренштейномъ, напримѣръ, принявшимъ ради этого лютеранство. Я ни лютеранства не хочу принимать, а аттестатъ все-таки соблазнителенъ; хочется сейчасъ же получить его. И вотъ я пришелъ къ мысли о томъ, что нужно услужить Глаголеву (нашему временному генералъ-губернатору) чѣмъ-нибудь другимъ, а именно выдачей товарищей и провокаціей. Я уже даже двѣ копіи письма набросалъ, въ которыхъ просилъ его принять

[1]) Дневникъ этотъ, собственноручно написанный секретаремъ Лозанской группы Р. С. Д. Р. П., Науму Тененбаумому фигурировалъ въ видѣ матеріала на партійномъ судѣ, объявившемъ Т-а провокаторомъ. А. Б.

меня по важному дѣлу. Но я раздумалъ, такъ какъ мнѣ показался сомнительнымъ успѣхъ. Лучше обратиться къ жандармамъ. Итакъ, вчера въ 10 час. я подошелъ къ Сабанскимъ казармамъ[1]), куда жандармское управленіе переѣхало послѣ взрыва въ д. Баржанскаго. Оказалось, что оно уже съѣхало и оттуда. Куда же? Часовой сказалъ мнѣ, что на 3-ью станцію 6-фонтанской дороги. Я прямо туда и подъѣхалъ, но тамъ управленія не оказалось и одинъ жандармъ направилъ меня на Канатную, уг. Новорыбной; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ мнѣ разъяснили, что нужно пойти въ Карантинный пер. въ д. № 5. Наконецъ то я попалъ, куда хотѣлъ. Тамъ же я увидѣлъ, что мнѣ нужно совсѣмъ не туда, а въ охранку, и что Андреевъ[2]), котораго я искалъ въ жандармскомъ управленіи, переведенъ также въ охранку. Итакъ, я пошелъ на Коблевскую. Тамъ, въ д. 45 кв. 11 — помѣщается охранное отдѣленіе. Я вхожу въ открытую дверь. Въ передней представляющей собой нѣчто вродѣ кухни, я увидѣлъ двухъ парней,

[1]) Въ Одессѣ.

[2]) Помощн. нач. Одесск. охр. отд., а въ настоящее время переведенъ въ Парижъ, гдѣ занялъ мѣсто уволеннаго Гартинга (Петровскаго), — въ Парижѣ извѣстенъ подъ именемъ «Ремо». Прим. ред. «Былого».

изъ которыхъ одинъ стоялъ у крана и чистилъ какую то бутылку.

Я обратился къ другому и спросилъ его, можно ли видѣть Андреева. Онъ отвѣтилъ, что сейчасъ скажетъ. Я его прождалъ около 10 минутъ. Черезъ 10 минутъ ко мнѣ подходитъ какой то молодой человѣкъ и спрашиваетъ, мнѣ ли нуженъ Андреевъ? Я ему отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ пригласилъ меня въ отдѣльную комнату и сказалъ, что въ виду отсутствія Андреева, я ему могу сообщить мое дѣло, а раньше онъ у меня справился, не «сотрудникъ» ли я. Я ему разсказалъ, въ чемъ мое дѣло; я былъ секретаремъ Лоз. Гр. Р. С. Д. Р. П., имѣлъ въ своихъ рукахъ много явокъ и адресовъ, знаю лично многихъ видныхъ лицъ и т. д. Онъ началъ со мной разговаривать по французски и попросилъ меня явиться къ нему въ 5 час. Далъ мнѣ свой адресъ (Витте, 33, кв. 19 — Константинъ Вадимовичъ Васильевъ). Въ указанный часъ я явился къ нему; онъ былъ очень предупредителенъ и любезенъ со мной, даже откровенничалъ, разсказалъ, что уже 7 лѣтъ «работаетъ» въ полиціи, что по воскреснымъ днямъ «работаетъ» на бульварѣ, «работалъ» на Парижской выставкѣ, выслѣдилъ Костю

Фельдмана, сказалъ мнѣ парижскій адресъ Кости (Gay Lussac, 26) и сообщилъ, что Ф. арестованъ. Затѣмъ сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что я уменъ, несмотря на свою молодость, тогда какъ ему уже 27 лѣтъ. Дальше онъ сказалъ, что хочетъ быть со мной товарищемъ. Словомъ, онъ хочетъ, чтобъ я обращался къ высшему начальству черезъ него, чтобъ онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность показать, что онъ имѣетъ въ виду успѣхъ дѣла, для котораго онъ работаетъ. Я согласился. Коротко, онъ мнѣ въ тотъ же вечеръ устроилъ свиданіе съ двумя господами: Андреевымъ и начальникомъ охранки, котораго онъ зоветъ «хозяинъ». Въ $10^3/_4$ вечера я сидѣлъ на скамейкѣ противъ магазина Баржанскаго на Дерибасовской и ждалъ этого Васильева (который разсказалъ мнѣ, что его настоящая фамилія — Марченко, и что его звали въ Одессѣ «котька красавчикъ»).

Мы съ нимъ вошли въ отдѣльный кабинетъ «татарскаго ресторана», что при «Большой Московской гостиницѣ». При входѣ мой спутникъ приказалъ слугѣ пустить къ намъ въ кабинетъ двухъ господъ, которые должны скоро явиться. Въ $11^1/_4$ тѣ двое явились. Я имъ представился Наумовымъ.

9 авг. Я былъ слишкомъ возбужденъ вчера утромъ, чтобъ кончить начатое, продолжаю поэтому сегодня. — Итакъ, мы были въ «отдѣльномъ кабинетѣ».

Я имъ разсказывалъ про то, про се, такъ, ерунду всякую. Въ 12 час. — Васильевъ ушелъ, я остался съ ними наединѣ. Тогда я имъ разсказалъ, почему я хочу въ Лозанну и что за «услуги» я имъ смогу оказать тамъ. Затѣмъ сказалъ имъ мои условія: аттестатъ зрѣлости, паспорты — внутр. и загран., призывное свид. и на первыхъ порахъ 100 руб. въ мѣсяцъ. За особо важныя услуги особое вознагражденіе. На это они сейчасъ же согласились, причемъ «хозяинъ» разсказалъ мнѣ, что по открытіи читинскаго подкопа Директоръ Департамента прислалъ ему 500 руб. для вознагражденія провокатора. Разспрашивали меня про разныя мелочи, про рефераты, средства Партіи, Костю Фельдмана, армянъ дашнакцутюнцевъ, с.-р. и т. д. Спрашивали, не помню ли я нѣсколькихъ южныхъ адресовъ. Я имъ ни одного адреса не далъ.

Да, курьезъ. Спросили они меня про билуйцевъ, что это за фракція. Я имъ разъяснилъ, кто такіе билуйцы. Допытывались очень, не знаю ли я болгарскихъ

дѣятелей, особенно софійскихъ. Я отказался. Словомъ, мы разошлись въ 1½ час. ночи съ тѣмъ, чтобъ скоро встрѣтиться, когда будутъ мои документы. Забылъ. Андреевъ очень расхваливалъ Герцля и его «Judenstaat». Онъ увѣрялъ и меня, и «хозяина», что будь онъ, Андреевъ, евреемъ, онъ непремѣнно былъ бы сіонистомъ. Онъ даже предложилъ, чтобъ при шифрованіи писемъ при перепискѣ между нами пользовались «Еврейскимъ Государствомъ» Герцля. — Вчера вечеромъ былъ у «Котьки-красавчика» (Марченко-Васильевъ); онъ мнѣ сообщилъ, что Андреевъ и хозяинъ «довольны» мной; они говорятъ, что, если я только не дутый, то я для нихъ—находка. (Неужели они сомнѣваются въ томъ, что я не дутый?) Велѣно мнѣ быть сегодня въ 11 час. вечера на томъ же мѣстѣ. Посмотримъ.

13 авг. Ужъ я еще два свиданія имѣлъ съ ними: въ четвергъ въ 11 час. въ Татарскомъ ресторанѣ и въ пятницу въ 12 час. ночи въ Пале-Роялѣ у Петренко (быв. Готтенфельдъ). Мнѣ задали «рѣшить задачу»: узнать составъ Одесскаго областного комитета. Надѣюсь, что мнѣ удастся вывернуться . . . Моя кличка въ охранкѣ — Татарскій, въ память нашей первой встрѣчи.

Мнѣ уже достали паспортъ отъ одесскаго полицеймейстера на имя Од. мѣщанина и разрѣшеніе на выѣздъ заграницу. Надѣюсь, что у меня въ четвергъ или въ пятницу будетъ паспортъ заграничный, и я въ субботу уѣду.

Лозанна. 7 сентября. Итакъ я уже на мѣстѣ своего «назначенія» или «службы». Не знаю еще, какой будетъ моя «служба»,— такъ какъ очень возможно, что я черезъ мѣсяцъ уѣду въ Бернъ для поступленія въ Университетъ, но фактъ тотъ, что моя «служба» очень наклонная плоскость; я на ней уже поскользнулся, выдавъ Васильеву Александра (Кацапа). Если я увижу, что и впредь я долженъ буду брать на свою совѣсть жизнь и годы товарищей, то я свою службу брошу . . .

12 октября. Чортъ возьми! Я уже больше мѣсяца не бралъ дневника въ руки, а между тѣмъ, какъ много я пережилъ и перечувствовалъ за этотъ мѣсяцъ! Больше всего мой мозгъ былъ за это время занятъ тремя вещами: во-первыхъ, моимъ матеріальнымъ положеніемъ; во-вторыхъ, своимъ, если можно такъ выразиться, «научнымъ» положеніемъ (я подъ этимъ понимаю свою карьеру); въ третьихъ—своей сердечной привязанностью.

Больнѣе всего мнѣ было, когда я думалъ о своемъ матеріальномъ положеніи. Въ настоящій моментъ мои помыслы объ этомъ предметѣ неразрывно связаны съ моей службой въ охранномъ отдѣленіи (Боже мой! Какой ужасъ! Я служу въ охранномъ отдѣленіи! Я — наемный слуга самодержавія!) Я получилъ оттуда, наконецъ, первые сто рублей, «честно» мною заработанные. Эта стезя — наклонная плоскость. Логика вещей сильнѣе логики моей. Я съ самаго начала боялся, что поскользнусь, и — это фактъ! — я уже здорово поскользнулся. Во-первыхъ, я еще въ Одессѣ выдалъ т. Александра (Кацапа). Помню, какъ я выходилъ изъ его «явки» на Базарной ул. уг. Трехугольнаго пер. въ помѣщеніи союза маляровъ. Выхожу изъ воротъ, берусь за шляпу, что служитъ для Филиппыча знакомъ, что Александръ — тамъ. Я ему велѣлъ слѣдовать за собой и, поднесши платокъ ко рту, тихо сказалъ ему, что тотъ сейчасъ выйдетъ, и описалъему его наружность. Напротивъ воротъ, на лавкѣ «квасника» я увидѣлъ шпика, пришедшаго съ Филиппычемъ, чтобъ «взять» Александра.

Да, я имъ въ Одессѣ далъ списать и просмотрѣть кое-какія комитетскія бу-

мажки, положенныя у меня на храненіе Дуней. Тамъ были, между прочимъ, кой-какіе адреса, Николаевскіе, кажется.

А уже отсюда я имъ тоже успѣлъ кой-кого выдать. Прежде всего я имъ телеграфно сообщилъ, когда Ѳедоръ Баутя (по дѣлу о декабрьскомъ возстаніи на заводѣ Гельфериха и Саде въ Харьковѣ) выѣхалъ по моему паспорту въ Россію. Затѣмъ я имъ сообщилъ, что сюда пріѣхалъ бѣжавшій изъ Обдорска членъ Исп. Ком. Пет. Сов. Раб. Деп. Сверчковъ, и что заграницей устраиваются съѣзды с-д. «Группъ» по государствамъ. Я имъ сообщилъ также, что напалъ на слѣды К. М. Б-ой. Но эта исторія мнѣ особенно непріятна. Я искренно сошелся и сдружился съ т. Д.; онъ мнѣ разсказалъ, что познакомился въ Парижѣ съ Еленой, что она теперь въ Женевѣ, и что онъ скоро получитъ ея адресъ. Словомъ, я у него изъ кармана вынималъ письма, пока не узналъ, что о ней можно узнать у Mlle R. на B^d (такой то), кажется. Потомъ я такимъ же образомъ узналъ ея точный адресъ . . . Извѣстно, что плохо тому, въ комъ совѣсть нечиста. Я еще къ тому же отличаюсь мнительностью. Такъ напримѣръ, однажды я прихожу домой и застаю записку отъ т.

А. изъ Женевы, — онъ мнѣ пишетъ, что долженъ меня видѣть по важному дѣлу. Я испугался. Мнѣ сейчасъ же пришла въ голову мысль, что въ Женевѣ какъ-то пронюхали (Д. былъ тогда тамъ), что я уже больно крѣпко интересуюсь Б-ой и, заподозривъ во мнѣ шпика, рѣшили потолковать со мной. Я прямо съ ума сходилъ отъ этой мысли, но, слава Богу, оказалось иначе: А. ко мнѣ пришелъ совершенно по другому дѣлу. А теперь съ другой стороны опасаюсь моего разоблаченія. Около мѣсяца или трехъ недѣль тому назадъ я разослалъ въ Одессу письма разнымъ моимъ знакомымъ, и до сихъ поръ не получаю отъ нихъ отвѣта. Чѣмъ это объяснить? Неужели Іоська разсказалъ имъ ввѣренную мной ему тайну? Или, можетъ быть, въ Одессѣ арестовали вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ Александра, и это поставили въ связь съ моимъ отъѣздомъ? Неужели, неужели? . .

Я своимъ знакомымъ еще разъ написалъ на дняхъ, и, если и на этотъ разъ не получу никакого отвѣта, то прямо не знаю, что сдѣлаю съ собой, быть можетъ, съ ума сойду.

Меня эти мысли такъ разстраиваютъ, что о другихъ своихъ помышленіяхъ напишу уже въ другой разъ».

Письма охранниковъ.

Письма руководителей сыска, ген.-м. Герасимова, Карпова, Доброскокова къ Петрову.[1])

I.

Письмо Ермоленко (Карпова), адресованное Петрову въ Выборгъ. Почтовая дата на конвертѣ 24 іюня 1909 г.

Относительно Б(артольда) вопросъ разрѣшается благополучно. Синіе архангелы требуютъ 5 т(ысячъ), а за подругу 1 т(ысячу). Брату Б. послана оттуда[2]) телеграмма. Слѣдовательно, вопросъ разрѣшается самъ собой—въ зависимости отъ взноса суммы. По поводу извѣстнаго вопроса—наши изъявили согласіе, можете сдѣлать по своему усмотрѣнію. Въ виду нѣкоторой извѣстности И. В.[3]) синимъ архангеламъ, въ случаѣ

---

[1]) См. статью «Убійство Карпова» стр. 263.

[2]) Т. е. изъ Саратова.

[3]) И. В. Доброскокъ. — Чтобы понять это письмо надо помнить, что Герасимовъ и присные сами конспирировали въ дѣлѣ Петрова, ревниво охраняя тайну свою отъ прочихъ «синихъ архангеловъ» т. е. жандармовъ.

Вамъ понадобится, пріѣду я. Меня считаютъ безобиднымъ и мало кто знаетъ, даже, пожалуй, и совсѣмъ не знаютъ. Слѣдовательно, не можетъ быть никакой слѣжки. Могу пріѣхать, — когда угодно, хотя бы и безъ особеннаго дѣла. Въ Питерѣ я случайно, гдѣ же всегда живу — Вы знаете. И такъ, желаю Вамъ полнаго благополучія. 2 Вашихъ письма получены.

Вашъ Ерм(оленко).

II.

Письма Доброскокова, адресованныя Петрову въ Выборгъ:

Дорогой товарищъ!

Мой папа[1]) пріѣдетъ въ Петербургъ числа 13-го. Я думаю поѣхать числа 14-го или 15-го въ Выборгъ, увижу и Васъ, словомъ тогда сообщу Вамъ. Пока будьте здоровы.

Вашъ Нико . . .

Дорогой мой!

Шлю Вамъ свои хорошія пожеланія, пишите какъ живете и что подѣлываете. Радъ за Васъ, что дышите свѣжимъ воздухомъ. Думаю что пробудете числа до 15-го въ

[1]) Имѣется, конечно, въ виду ген. Герасимовъ.

Выборгѣ. Я на 5 дней думаю поѣхать подышать воздухомъ.

Вашъ Николай.

III.

Письмо Герасимова.

Дорогой, Ваши свѣдѣнія вызвали у меня большое недоумѣніе и разстроили меня. Для меня одно непонятно, почему Вы не оказали должнаго довѣрія Вячеславу Михайловичу[1]). Вы хорошо помните наши условія, и они ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть нарушены. Ваше же предположеніе о томъ, что съ моей стороны велось за вами наблюденіе въ Парижѣ въ лицѣ Вячеслава Михайловича, настолько неосновательно, что по этому поводу и говорить нечего. Хотя возможно, что, какъ къ прибывшему изъ Россіи, со стороны Влад. Львовича[2]) и было установлено наблюденіе. Я цѣню Вашу осторожность. Задержка въ поѣздкѣ въ Парижъ Вячеслава Михайловича произошла вслѣдствіе моей

[1]) Т. е. Дибичу.

[2]) Герасимовъ имѣетъ, очевидно, въ виду Вл. Бурцева. Считаемъ, понятно, излишнимъ опровергать хотя бы однимъ словомъ это удивительно «догадливое» объясненіе вдохновителя русской провокаціи.

болѣзни. Вотъ уже второй мѣсяцъ я прикованъ къ постели и лежу въ клиникѣ въ ожиданіи тяжелой операціи. Если бы вы могли пріѣхать въ Россію, я бы вамъ указалъ ту клинику, гдѣ я нахожусь, и мы бы повидались. Въ клиникѣ я значусь подъ чужой фамиліей. Вотъ это обстоятельство и побуждаетъ меня вновь просить Васъ оказать полное довѣріе Вяч. Михайловичу. Если же Вы все таки не можете исполнить моей просьбы, по какимъ либо соображеніямъ, то напишите мнѣ, и я Вамъ отвѣчу на тѣ вопросы, которые требуютъ разъясненія для Вашей безопасности.

Письмо можете передать Вяч. Мих. для отправленія мнѣ, или же сами отправьте по извѣстному Вамъ адресу. Отвѣтъ получите немедленно. За Ваши свѣдѣнія благодарю васъ, но они настолько кратки, что предпринять что либо положительно невозможно.

Вы сообщили, что Борисъ[1]) съ семьей живетъ въ Россіи, но гдѣ именно Вы ничего не сообщили и какая операція предположена имъ въ первую очередь, — неизвѣстно.

Если Вамъ въ центрѣ нельзя узнать просимыхъ свѣдѣній, то, быть можетъ, Вы могли бы получить какую нибудь миссію

[1]) Т. е. Савинковъ.

по б(оевому) д(ѣлу) въ Россіи. Помните, наши условія святы и не нарушимы, и указаннымъ Вами лицамъ должна быть гарантирована неприкосновенность. Вы должны быть совершенно откровенны, и только при этомъ условіи возможно Ваше самосохраненіе. Въ противномъ лучаѣ, не зная плана дѣйствій, съ нашей стороны какой нибудь неосторожный шагъ, можетъ повлечетъ къ Вашему провалу. Вотъ почему Вы и должны, оказавъ полное довѣріе, открыть всѣ карты. Я убѣжденъ, что Вы такъ именно и поступите. Простите, что такъ пишу, лежа въ кровати, — съ перерывами.

Какъ мнѣ хотѣлось въ Августѣ и Сентябрѣ побывать въ Парижѣ, именно отдохнуть. Но пословица говоритъ: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. И вмѣсто Парижа, — кровать въ клиникѣ и въ непродолжительномъ времени операція, а затѣмъ несомнѣнно вылеживаться прійдется еще мѣсяцъ, а то и болѣе.

Какъ Вы нашли нашихъ пріятелей, богаты ли они? Мнѣ передавали, что они бѣднѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Сообщите пріѣдетъ ли къ намъ Аргуновъ? А что Фейтъ — отыскалъ ли деньги? На счетъ Италіи, Вы не забудьте мнѣ подробно

сообщить. Вообще сообщите, кто изъ нашихъ друзей теперь въ Россіи или думаетъ сюда пріѣхать.

Вячеславъ Михайловичъ въ Парижъ переселился навсегда, и Вы съ нимъ будете бесѣдовать. Въ случаѣ пріѣзда въ Петербургъ, — если состояніе здоровья позволитъ, то я съ Вами буду радъ видѣться, хотя бы и въ клиникѣ. Читалъ въ газетахъ, что въ первыхъ числахъ октября въ Парижѣ будетъ какой то конкурсъ аэронавтики, и мнѣ пришла въ голову мысль не воспользуется ли наша братія этимъ новымъ изобрѣтеніемъ для своихъ высокихъ цѣлей? Какъ Вы думаете, — сообщите. Чувствую большое утомленіе, да и докторъ запрещаетъ писать . . . Увѣренъ, что Вы исполните мою просьбу, а пока да хранитъ Васъ Богъ. Будьте спокойны и мужественны и тогда побѣда будетъ за нами. Крѣпко жму Вашу руку.

Гер(асимовъ).

18 Сентября, 1909 г. С.-Петербургъ.

IV.

Городская телеграмма полковника Дибича (Парижъ):

Здравствуйте! Ожидаю сегодня 16-го сентября отъ 7 ч. вечера и если Вамъ удобно,

до 1 часу ночи. 17-го буду ожидать съ утра до часу дня, затѣмъ отъ 3-хъ ч. до 5 ч. и отъ 7 ч. 30 м. вечера до 1 часу ночу. Получите эту телеграмму, то будьте любезны извѣстить меня тоже пневматичкой когда Вы зайдете. Отель мой Palais d'Orsay при орлеанскомъ вокзалѣ, помните 435, въ 4-мъ этажѣ, фамилія та же, что для писемъ. Можно зайти съ параднаго и по лифту въ 4-ый этажъ, можно съ ул. «де Лиль». Берите извозчика и пріѣзжайте. Ожидаю съ удовольствіемъ.

Виталій.

Письмо дѣйств. ст. сов. Гартинга (Ландезена) къ провокатору.

Примѣчаніе редакціи «Былого» къ этому письму: Печатающееся письмо — адресовано было лѣтомъ настоящаго (т. е. 1909-го) года Гартингомъ (Петровскимъ), отцомъ и наставникомъ русскихъ провокаторовъ за границей, къ его агенту въ Женевѣ.

Это письмо фигурировало въ дѣлѣ Герцика, обвиненнаго въ провокаторствѣ женевскими эмигрантами.

Милостивый Государь!

Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо. Я выразилъ желаніе видѣть Васъ с.-р—омъ оттого, что впослѣдствіи предстоитъ, какъ думаю, болѣе серьезная работа среди с.-р., чѣмъ с.-д., — въ особенности, если среди послѣднихъ Вы не играете особо серьезной роли. Но если Вамъ неудобно примкнуть къ с.-р., то необходимо стремиться, дабы Вы могли попасть впослѣдствіи въ центръ с.-д. При переходѣ къ с.-р. таковой легче достигнуть въ Парижѣ, чѣмъ въ Женевѣ,— оттого я и предлагалъ Вамъ временно пріѣхать сюда.

Обдумайте хорошенько — возможно ли Вамъ къ осени нормально подготовить этотъ переходъ къ с.-р. и дайте мнѣ отвѣтъ.

Если Вы увидите, что къ с.-р. Вамъ никакъ не подойти, то оставайтесь большевикомъ с.-д., но въ такомъ случаѣ необходимо стремиться примкнуть къ какой-либо группѣ, а не оставаться вольнымъ гражданиномъ. Старайтесь возможно ближе подойти къ «экспедиціи с.-д.», которая вѣроятно должна скоро наладиться.

Мнѣ кажется весьма сомнительнымъ послѣ всего происшедшаго, чтобы большевики вновь занялись размѣномъ 500 кредитокъ

добытыхъ при тифлисской экспропріаціи, о которомъ Вы мнѣ пишете; изъ сего я заключаю, что Вы не такъ близки къ центру с.-д., какъ увѣряете.

По полученіи отвѣта на это письмо, спишемся относительно денегъ, но повторяю,—если есть малѣйшая возможность—стремитесь къ с.-р—мъ.

Во всякомъ случаѣ—мнѣ нужно будетъ съ Вами повидаться,—и лучше если бы Вы могли пріѣхать сюда подъ видомъ экскурсіи, дня на три,—не беря съ собой сестры, которая можетъ на это время остаться въ Женевѣ. Конечно, на подобную поѣздку я пошлю Вамъ деньги, вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ.

Жду отвѣта

Петровскій.

Письма провокатору Н. Тенненбауму изъ Одесскаго охраннаго отдѣленія.[1])

I.

Дорогой пріятель!

Страшно занятъ коммерціей! То одно закупить, то другое продать!

[1]) См. «Дневникъ провокатора» стр. 299.

Какъ обстоятъ дѣла съ свободнымъ деревомъ? Стойко-ли стоятъ цѣны?

Не откажите въ любезности сообщить немедленно имѣющіяся у Васъ свѣдѣнія, т. к. особыхъ директивъ отъ насъ не послѣдуетъ.

Будьте болѣе общительны. Почему Вы не описываете положенія дѣлъ Биржи.

Лично Вами — я не доволенъ. Я ожидалъ отъ Васъ освѣщенія дѣятельности всѣхъ коммерсантовъ, вѣдь согласитесь сами дорогой мой пріятель, что за товаръ вѣдь деньги платятъ. Будьте болѣе энергичны!

Напримѣръ, сообщите мнѣ свѣдѣнія о моей пріятельницѣ, только немедленно.

Что же касается маленькой разницы, то по продуктивности работы, возможно было бы и дать, но Вы чего то отъ насъ ожидаете и не пишете.

Прошу Васъ, какъ пріятеля, дать сейчасъ же серьезныя свѣдѣнія о Биржѣ и ея отдѣльныхъ членахъ. Какія необходимы свѣдѣнія здѣшней Биржи—я Вамъ дамъ.

Итакъ, я жду отъ Васъ товара, серьезнаго, полнаго выгодныхъ комбинацій.

Адресуйте на ту же улицу и домъ, но прямо Владимиру Ивановичу Андрееву.

Прошу Васъ, во имя дружбы, не портить отношеній и дать указанія.

Кто у Васъ гоститъ сейчасъ и что слышко на бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ отд. пишите P. Rest.

Вашъ К. (Васильевъ).

Измѣните почеркъ на конвертѣ и пошлите заказнымъ порядкомъ, квит. въ концѣ мѣсяца уплачу.

Хозяинъ проситъ о его подругѣ собрать точныя свѣдѣнія, гдѣ она путается.

II.

Уважаемый товарищъ!

Извиняюсь, что давно не писалъ Вамъ и отъ души благодарю Васъ за выраженное Вами мнѣ сочуствіе. Благодареніе Богу—я уже здоровъ и вообще пострадалъ незначительно.

Теперь поговоримъ съ Вами по поводу нашихъ коммерческихъ сношеній.

Дѣло въ томъ, дорогой товарищъ, что всякое дѣло требуетъ аккуратности. Если я и «хозяинъ» грѣшили передъ Вами съ высылкой денегъ, то такой «грѣхъ» составлялъ разницу въ нѣсколько дней. Просто мы плохо условились—надо было условиться такъ, что за каждый текущій мѣсяцъ деньги должны высылаться между 20 и

26-мъ числами, ибо фирма именно въ этотъ промежутокъ времени получаетъ причитающійся ей пай.

Но какъ бы то ни было, а Вы изволили исправно получить за іюль, августъ и сентябрь мѣсяцы, всего 300 рублей, что составляетъ около 800 франковъ т. е. очень почтенную сумму.

Передо мной лежатъ Ваши любезныя письма. Ихъ всего 8, слѣдовательно каждое Ваше письмо стоитъ фирмѣ по 100 франковъ. Если Вы изволите припомнить, что не каждое изъ нихъ имѣло полезное содержаніе и что, въ сущности, лишь 2 изъ нихъ являлись дѣйствительно полезными для фирмы (сообщеніе адреса Женевской кліентки и указаніе именъ, скрывающихся подъ иниціалами нашихъ конкуррентовъ и нѣсколько мелкихъ вещицъ), то Вамъ станетъ яснымъ, почему фирма съ октября прекратила Вамъ платежъ.

Дорогой товарищъ, деньги фирмѣ достаются не даромъ и поэтому фирма платить ихъ права не имѣетъ. Если теперь Ваше положеніе на столь упрочилось, что Вы можете доставить и, вообще, доставлять не менѣе одного раза въ недѣлю, т. е. не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ полезныя фирмѣ свѣ-

дѣнія, то я возобновлю Вамъ, по порученію главѣ фирмы, платежъ въ прежнемъ размѣрѣ.

Полагаю, что Вашъ отвѣтъ успѣетъ прибыть къ нашему 1 января, слѣдовательно, съ января мы и начнемъ вновь наше дѣло, причемъ разсчитывайте, что слѣдуемыя Вамъ деньги я буду высылать Вамъ между 20 и 26 каждаго мѣсяца.

Искренно радъ буду возобновить съ Вами наши коммерческія сношенія, прерванныя временно не по нашей винѣ.

Если Вы на это письмо отвѣтите согласіемъ и, быть можетъ, пожелаете отвѣтъ дать телеграммой такого содержанія: «Одесса, Коблевская 45 квартира 3 Андрееву Контрактъ принимаю» что, въ свою очередь, дастъ мнѣ возможность еще до января написать Вамъ о выполненіи одного порученія, то я попрошу для Васъ отъ хозяина сто франковъ праздничнаго презента, которые переведу Вамъ по телеграфу для скорости.

Въ ожиданіи отвѣта, съ товарищескимъ привѣтомъ

В. А(ндреевъ).

Адресъ для писемъ мнѣ — прежній по новосельному лично мнѣ.

Письмо провокатора своему начальнику.

Документъ этотъ, по словамъ Зн. Тр., откуда мы его заимствуемъ, есть копія съ письма А. И. Петряева, снятая 24 января 1908 г. «Иванъ Іосифовичъ», которому адресовано письмо, есть жандармскій подполковникъ И. І. Паструдинъ. Авторъ письма, бывшій тайнымъ «сотрудникомъ» жандармеріи, былъ заподозренъ своими «патронами» въ двойной игрѣ. Когда летучимъ отрядомъ с.-р. былъ уничтоженъ полковникъ М. П. Бобровъ (его то и называетъ авторъ письма «Михаиломъ Павловичемъ»), то подозрѣнія обрушились на несчастнаго «сотрудника» и онъ былъ арестованъ. Приводимъ цѣликомъ письмо — «слезницу», достаточно характеризующую роль этого субъекта.

Многоуважаемый Иванъ Іосифовичъ!

Увѣряю Васъ, что только крайнія психическія мученія заставляютъ меня обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ; я, право, не далекъ отъ умопомнѣшательства. Скажите, за что все это?

Перебирая въ памяти всю свою жизнь и свои вины—я положительно не могу оты-

скать тамъ такого преступленія, за которое должно бы меня подвергать такимъ пыткамъ, какимъ я подвергаюсь. У меня еще пока хватитъ ума на то, чтобы видѣть, что ко мнѣ «всѣ», всѣ относятся съ какой-то затаенной, но сильной злобой, не смотря даже на то, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ надзиратели, знаютъ, что я вашъ агентъ; но я только не могу понять, за что все это?

Вѣдь я такъ честно старался служить вашему управленію, если, что и не понималъ, такъ вы всегда могли разъяснить мнѣ, наконецъ,—уволить, выслать . . .

Но для меня совершенно непонятно для чего мнѣ устраивать такія пытки? . . Одинъ рекомендуетъ сброситься съ четвертаго этажа, другой—ядъ, третій—ножъ и т. д.

Да скажите же, Иванъ Іосифовичъ, за что? Я не трусъ, доказывалъ вамъ это и на дѣлѣ, не побоюсь ни ножа, ни яда, такъ какъ въ такихъ случаяхъ смерть лучше этихъ адскихъ мукъ. Если, наконецъ думаете, что я причастенъ къ убійству Михаила Павловича, такъ я Вамъ повторяю, что Михаила Павловича я глубоко уважалъ, какъ начальника и человѣка: онъ всегда былъ ко мнѣ снисходителенъ, несмотря на всѣ нетактичности и мальчишескія выходки,

которыя я иногда выкидывалъ. Кромѣ того,—вы имѣли полную возможность установить, гдѣ съ кѣмъ я былъ въ это время, и было ли у меня оружіе . . . Это будетъ юридическій порядокъ дѣлопроизводства, но зачѣмъ желать моей смерти или хотя лишить меня здоровья раньше выясненія этихъ обстоятельствъ—для меня совершенно непонятно. У меня уже и такъ начались нервныя судороги, я плачу за писаніемъ этого письма. Если можете,—прикажите всѣмъ этимъ господамъ, чтобы они оставили меня въ покоѣ. А еще лучше, если вы выпустите меня на свободу: сотрудничать дальше я уже, вѣроятно, буду не въ состояніи, а что будетъ обо мнѣ думать революціонная свора—это мнѣ наплевать. Только за что же, за что же, Иванъ Іосифовичъ, вы меня такъ унизили и измучили? . . Вѣдь я же Вамъ никогда ничего плохого не только не дѣлалъ, но и не желалъ? . .

Вашъ сотрудникъ

Арефьевъ.

Тюрьма, 2 января 1908 г.

Инструкціи охраннымъ отдѣленіямъ.

Инструкціи начальникамъ охранныхъ отдѣленій по организаціи наружнаго наблюденія.

1. Однимъ изъ средствъ негласнаго разслѣдованія является наружное наблюденіе за лицами, прикосновенными къ революціонному движенію, для каковой надобности приглашаются особыя лица (филеры).

2. Наружное наблюденіе представляется средствомъ, большею частью вспомогательнымъ, а потому при отсутствіи освѣщенія со стороны внутренней агентуры, оно лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ дать самостоятельный матеріалъ для выясненія сообществъ. Потому наибольшую выгоду изъ наружнаго наблюденія можно получить только при строгомъ сообразованіи его съ указаніями внутренней агентуры на значеніе наблюдаемыхъ лицъ и намѣченныхъ филерами событій.

3. При отсутствіи попутнаго освѣщенія со стороны внутренней агентуры, не слѣдуетъ допускать чрезмѣрнаго развитія наружнаго наблюденія, такъ какъ, будучи весьма растяжимо, оно можетъ давать весьма обширный, непонятный матеріалъ, крайне затрудняющій работу филеровъ и отдѣленій.

4. Подробныя правила для дѣятельности филеровъ изложены въ особой инструкціи.

5. Въ видахъ болѣе успѣшнаго наблюденія, филеры должны быть пріурочены къ возможно тщательному запоминанію лицъ наблюдаемыхъ, а не къ опредѣленію ихъ по одной одеждѣ.

7. Въ отношеніи представленія филеровъ для допроса въ качествѣ свидѣтелей при дознаніи подлежитъ въ точности руководствоваться правилами, изложенными въ циркулярномъ предписаніи Начальникамъ Губернскихъ и Областныхъ Жандармскихъ Управленій отъ 20 марта 1903 г. № 2821.

8. Свѣдѣнія по наблюденію, заслуживающія серьезнаго вниманія, представляются еженедѣльно въ Районное Охранное Отдѣленіе по каждой организаціи отдѣльно.

9. Всѣ свѣдѣнія по наружному наблюденію за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ за-

писываются филерами ежедневно въ вечернія рапортныя книжки; по каждой организаціи отдѣльно составляются сводки лицъ и домовъ, проходящихъ по наблюденію.

10. Для быстрыхъ справокъ имѣть дугу-свѣдѣній о домахъ, на которую надѣваются листки трехъ цвѣтовъ въ порядкѣ NN домовъ по каждой улицѣ особо: на первый — красный заносятся всѣ свѣдѣнія о данномъ домѣ по агентурѣ и проч. Второй — зеленый является сводкой наружнаго наблюденія по этому дому. На немъ, по каждой организаціи отдѣльно, отмѣчается: кто, когда и кого посѣтилъ въ данномъ домѣ. Третій — бѣлый представляетъ изъ себя выписку изъ домовыхъ книгъ лицъ, живущихъ въ означенномъ домѣ, къ квартирамъ которыхъ по предположенію могли относиться посѣщенія, агентурное свѣдѣніе или свѣдѣніе по перепискѣ. Всѣ три листка на одинъ домъ кладутся по порядку одинъ подъ другой.

11. Къ 5-му числу каждаго мѣсяца Начальники Охранныхъ Отдѣленій представляютъ въ Районныя Охранныя Отдѣленія и въ Департаментъ Полиціи списки лицъ, проходившихъ по наблюденію, по каждой организаціи отдѣльно, съ полной установкой знакомыхъ, фамилія, имя, отчество, званіе, занятіе,

кличка по наблюденію и по организаціи и краткимъ указаніемъ причинъ наблюденія.

Наиболѣе серьезнымъ (центральнымъ) лицамъ слѣдуетъ давать вкратцѣ характеристику въ особомъ примѣчаніи къ этому списку.

12. Завѣдующій наблюденіемъ въ районахъ и старшіе филеры въ отдѣленіяхъ должны знать адреса таковыхъ-же всѣхъ другихъ Охранныхъ Отдѣленій для посылки условныхъ телеграмъ и писемъ.

13. . . . . .

14. Сопровождать наблюденіемъ въ иногородныхъ поѣздахъ слѣдуетъ только лицъ: а) въ отношеніи коихъ имѣются спеціальныя на этотъ счетъ распоряженія Департамента полиціи, б) основательно подозрѣваемыхъ въ террористическихъ злоумышленіяхъ и в) о коихъ доподлинно извѣстно, что поѣздка ихъ имѣетъ революціонную цѣль.

15. Для сопровожденія наблюдаемыхъ въ иногородныхъ поѣздкахъ, командируется не менѣе двухъ агентовъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ быть обезпеченъ успѣхъ наблюденія и устранены нежелательныя случайности (потеря, провалъ и т. п.).

16. Филеръ, выѣхавшій съ наблюдаемымъ, при первомъ удобномъ случаѣ телеграфируетъ завѣдывающему наблюденіемъ въ рай-

онъ и своему начальнику. Телеграммы должны носить характеръ торговой корреспонденціи, напримѣръ: «Товаръ Чернаго везу Тулу» и т. п.

17. Въ случаѣ выбытія наблюдаемаго въ сопровожденіи филеровъ въ районъ вѣдѣнія другого Охраннаго Отдѣленія или Управленія — начальнику послѣднихъ немедленно телеграфировать о томъ шифромъ съ обязательнымъ указаніемъ: какого числа, какимъ поѣздомъ и какой дорогой, въ вагонѣ какого класса и за какимъ номеромъ, до какого мѣста выѣхалъ наблюдаемый, какъ его фамилія (если не установлено, то кличка), кто его сопровождаетъ, къ какой онъ организаціи принадлежитъ, какое значеніе онъ имѣетъ для розыска, и что требуется въ отношеніи его принять: неотступное наблюденіе, установка личности, задержаніе. Въ этихъ же телеграммахъ указывать условные признаки, по которымъ можно узнать сопровождающаго филера.

Изъ инструкціи по организаціи наружнаго (филерскаго) наблюденія.

1. Для несенія наружной (филерской) службы выбираются строевые запасные ниж-

ніе чины, предпочтительно унтеръ-офицерскаго званія, не старше тридцати лѣтъ. Преимущество при удовлетвореніи условіямъ, изложеннымъ ниже, отдается окончившимъ военную службу, а такъ же кавалеристамъ, развѣдчикамъ, бывшимъ въ охотничьей командѣ, имѣющимъ награды за развѣдку, отличную стрѣльбу и знаки отличія военнаго ордена.

2. Филеръ долженъ быть политически и нравственно благонадежнымъ, твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, честный, трезвый, смѣлый, ловкій, развитой, сообразительный, выносливый, терпѣливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтунъ, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящійся къ дѣлу и принятымъ на себя обязанностямъ, крѣпкаго здоровья, въ особенности крѣпкими ногами, съ хорошимъ зрѣніемъ, слухомъ и памятью, такою внѣшностью, которая давала бы ему возможность не выдѣляться изъ толпы и устраняла бы запоминаніе его наблюдаемыми.

3. Филерами не могутъ быть лица польской и еврейской національности. Вновь поступившему филеру должно быть разъяснено: что такое государственное пре-

ступленіе, что такое революціонеръ; какъ и какими средствами революціонные дѣятели достигаютъ своихъ цѣлей; несостоятельность ученій революціонныхъ партій; — задачи филера, наблюденіе и связь его съ внутренней агентурой; — серьезность принятыхъ филеромъ на себя обязанностей и необходимость безусловно-правдиваго отношенія къ службѣ вообще, а къ даваемымъ свѣдѣніямъ въ особенности; вредъ отъ утайки, преувеличенія и вообще ложныхъ показаній, при чемъ ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемыхъ свѣдѣній ведетъ къ успѣху наблюденія, тогда какъ искаженіе истины въ докладахъ и стремленіе скрыть неудачи въ его работѣ наводятъ на ложный слѣдъ и лишаютъ филера навѣрное возможности отличиться.

4. Когда молодыхъ филеровъ наберется нѣсколько, попросить въ отдѣленіе священника и привести ихъ къ присягѣ на вѣрность службѣ.

5. Принимать филеровъ надо съ большой осторожностью, при сомнѣніи, новичка испытать, выдержавъ его при отдѣленіи недѣли двѣ безъ порученій по наблюденію, стараясь за это время изучить его характеръ, на

основаніи данныхъ общенія его съ другими служащими. При всѣхъ достоинствахъ, чрезмѣрная нѣжность къ семьѣ или слабость къ женщинамъ — качества съ филерской службой несовмѣстимыя и вредно отражаются на службѣ. Ему въ первый же день службы должно быть внушено, что все, что онъ слышалъ въ отдѣленіи, составляетъ служебную тайну и не можетъ быть извѣстно кому бы то ни было. Во время испытанія, новичка нужно посылать для детальнаго изученія города: знать проходные дворы, трактиры, пивныя, сады, скверы съ ихъ входами; отходъ и приходъ поѣздовъ, пути трамвая, мѣсто стоянки извозчиковъ, таксу ихъ; учебныя и другія заведенія, время занятія; фабрики и заводы; время начала и окончанія работы; формы чиновниковъ и учащихся и т. п.

Полученныя въ этой области филеромъ познанія онъ долженъ представлять ежедневно въ письменномъ видѣ завѣдывающему наблюденіемъ, для сужденія о степени пригодности его къ филерской службѣ.

6. При удостовѣреніи въ наличности требуемыхъ отъ филера качествъ, можно его посылать въ наблюденіе за своими служащими, показавъ ему нѣкоторые пріемы на-

блюденія; въ дальнѣйшемъ можно будетъ уже переходить на настоящее наблюденіе, для чего назначать новичка въ помощь къ старому опытному филеру, который даетъ ему совѣтъ, практическое указаніе и поправляетъ его ошибки. До этого же, о служебныхъ пріемахъ, составляющихъ тайну, говорить не слѣдуетъ.

7. Такъ какъ филеръ полезенъ для службы только тогда, когда его мало знаютъ въ лицо и не знаютъ его профессіи, то филеръ долженъ держать себя конспиративно, избѣгать знакомства, въ особенности въ мѣстѣ его квартированія, чтобы тамъ не знали, что онъ служитъ въ Охранномъ Отдѣленіи. Отнюдь никому не слѣдуетъ говорить о пріемахъ филерской службы, и каждому филеру должно быть внушено, что чѣмъ меньше посторонніе знаютъ пріемы филерской службы, тѣмъ успѣшнѣе розыскъ. Квартиру избираютъ, гдѣ нѣтъ учащихся.

Одинокому комнату подыскивать въ такомъ семействѣ, гдѣ меньше бы интересовались его службой и позднимъ возвращеніемъ домой. Родъ занятій надо указывать такой, при которомъ можно возвращаться домой поздно (служба на желѣзной дорогѣ,

въ товарныхъ конторахъ, трамваѣ, гостинницѣ и т. п.), давъ филеру возможность имѣть у себя дома и нѣкоторыя доказательства этого рода занятій.

8. Одѣваться филеръ долженъ, согласуясь съ условіемъ службы, обыкновенно такъ же, какъ одѣваются въ данной мѣстности жители средняго достатка, не выдѣляясь своимъ костюмомъ вообще и отдѣльными его частями (такъ же ботинки) въ частности изъ общей массы жителей.

9. Филеръ ни подъ какимъ условіемъ не долженъ знать лицъ, состоящихъ секретными сотрудниками, и наоборотъ.

. . . . . .

Изъ свода правилъ,

выработанныхъ въ развитіе утвержденнаго Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 12 августа текущаго года Положенія о Начальникахъ Розыскныхъ Отдѣленій.

1. Задачей Розыскныхъ Отдѣленій является розыскъ по дѣламъ политическимъ.

2. Въ интересахъ розыска, Начальники Отдѣленій постоянно и непосредственно сносятся съ Губернаторами и Градоначальниками, какъ лицами, стоящими во главѣ

полиціи, отъ которой они получаютъ свѣдѣнія политическаго характера и которой въ свою очередь сообщаютъ о готовящихся безпорядкахъ или демонстраціяхъ.

3. Отношенія эти должны быть, по возможности, часты, причемъ доклады должны дѣлаться лично.

4. Сообщенія о наиболѣе важныхъ происшествіяхъ дѣлаются при первой возможности.

5. Начальники Отдѣленій провѣряютъ получаемыя ими отъ Губернаторовъ свѣдѣнія политическаго характера.

6. Такія же отношенія, въ смыслѣ постоянныхъ обмѣновъ свѣдѣніями, должны поддерживаться и съ Начальниками мѣстныхъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій, а также лицами прокурорскаго надзора, наблюдающими за производствомъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

7. Розыскъ производится черезъ агентуру[1]) и филерское наблюденіе.

8. На обязанности Начальниковъ Розыскныхъ Отдѣленій лежитъ, главнымъ образомъ, пріобрѣтеніе внутренней агентуры.

[1]) т. е. черезъ агентовъ-провокаторовъ. А. Б.

9. Наблюденіе за учащейся молодежью и рабочими входитъ въ кругъ вѣдѣнія Начальниковъ Розыскныхъ Отдѣленій.

10. Способы внѣшняго наблюденія опредѣляются распоряженіями Департамента Полиціи и за таковые Начальники Розыскныхъ Отдѣленій не отвѣчаютъ. Начальники Отдѣленій указываютъ старшимъ филерамъ лицъ, подлежащихъ наблюденію, а выполненіе технической стороны наблюденія ближайшимъ образомъ лежитъ на обязанности старшаго филера.

11. Начальники Розыскныхъ Отдѣленій должны ознакомиться съ исторіей революціоннаго движенія и положеніемъ сего движенія въ настоящее время. Должны также слѣдить за революціонной литературой.

12. Съ этимъ они, по возможности, ознакомляютъ и своихъ секретныхъ сотрудниковъ, развивая въ послѣднихъ сознательное отношеніе къ дѣлу службы.

13. Секретные агенты должны быть извѣстны Директору Департамента. Какъ объ агентахъ, имѣющихся нынѣ, такъ и вновь пріобрѣтаемыхъ, Начальники Розыскныхъ Отдѣленій сообщаютъ Директору Департамента частны-

ми письмами, безъ черновиковъ и занесенія въ журналъ Отдѣленія.

14. При спошеніяхъ съ агентами, живущими внѣ черты города, гдѣ живетъ Начальникъ Розыскнаго Отдѣленія, послѣдній или вызываетъ къ себѣ агента и оплачиваетъ его расходы по поѣздкѣ, или посылаетъ къ нему, на тѣхъ же условіяхъ, кого-либо изъ состоящихъ въ его распоряженіи лицъ[1]).

. . . . . .

31. Начальникъ Отдѣленія ведетъ каталогъ нелегальнымъ изданіямъ, поступающимъ въ библіотеку Отдѣленія и, при передачѣ должности, сдаетъ своему замѣстителю и всѣ накопившіяся въ Отдѣленіи изданія.

32. Нелегальную литературу, которая можетъ быть изъята агентурнымъ путемъ, Начальники Розыскныхъ Отдѣленій препровождаютъ въ Департаментъ Полиціи.

33. Отчеты о своей дѣятельности Начальники Розыскныхъ Отдѣленій представляютъ записками на имя Директора Департамента Полиціи. Существенныя агентурныя свѣдѣнія и наиболѣе яркіе эпизоды наружнаго наблюденія сообщаются немедленно; дневники же наблюденія, со сводками къ

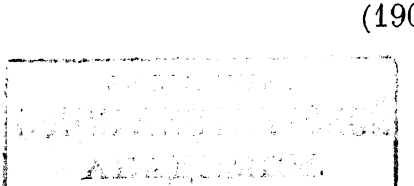
[1]) Курсивъ всюду нашъ. А. Б.

нимъ, — 1-го числа каждаго мѣсяца, а вывѣренный дневникъ — черезъ недѣлю послѣ ликвидаціи.

34. Независимо этихъ дневниковъ и записокъ Начальники Отдѣленій, передъ ликвидаціей, представляютъ Директору Департамента подробную мотивированную записку относительно преполагаемаго къ ликвидированію дѣла. Въ этой запискѣ, независимо предшествовавшихъ сообщеній, кои могутъ иногда представлять собою матеріалъ еще и не провѣренный, должна быть изложена, въ исторической послѣдовательности, вся дѣятельность той или иной организаціи, коей она будетъ касаться.

. . . . . .

(1902 г.)



Указатель источниковъ

изъ которыхъ заимствованы статьи собранныя въ этомъ сборникѣ.

Былое (сборникъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія, Парижъ) № 9—10: Изъ дневника провокатора Наума Тененбаума; Письма къ Науму Тененбауму изъ одесскаго охраннаго отдѣленія; тамъ же № 8: Письмо Гартинга къ провокатору; тамъ же № 9—10: Инструкціи начальникамъ охранныхъ отдѣленій по организаціи наружнаго наблюденія; тамъ же № 8: Сводъ правилъ, выработанныхъ въ развитіе утвержденнаго Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 12 августа текущаго года Положенія о Начальникахъ Розыскныхъ Отдѣленій. **Дѣло народа** (политическая и литературная ежедневная газета Спб.) № 4 и № 5: В. Ленуаръ: Личныя воспоминанія о Г. Гапонѣ. **Знамя Труда** (Центральный Органъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ) № 15: В. Тучкинъ: Азефъ. Ю. Г.: Тысяча и одна гипотеза. Борисъ Савинковъ: Террорь и дѣло Азефа. Б. Ол.: Изъ темнаго царства. В. Т.: Столыпинъ и Азефъ; тамъ же № 16: Борисъ Савинковъ: Отвѣтъ; тамъ же № 1: Кошмаръ; тамъ же № 4: Охранное отдѣленіе и заговоръ противъ царя (въ оригиналѣ подъ заглавіемъ: Дѣло о заговорѣ); тамъ же № 25: Убійство Карпова; (авторы послѣднихъ статей въ оригиналѣ также не указаны); тамъ же № 10: Письмо провокатора Петряева. **Общее дѣло** (издается подъ редакціей В. Л. Бурцева) № 3: Письма охранниковъ: Карпова, Доброскока, Герасимова и Дибича.

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе	3
Азефъ	9
Тысяча и одна гипотеза	43
Терроръ и дѣло Азефа	69
Изъ темнаго царства	83
Столыпинъ и Азефъ	103
Отвѣтъ	133
Личныя воспоминанія о Г. Гапонѣ	141
Предательство Гапона	175
Разсказъ очевидца о послѣднихъ минутахъ Гапона	205
Кошмаръ	223
Охранное отдѣленіе и заговоръ противъ царя	243
Убійство Карпова	263
Приложеніе: Дневникъ провокатора	299
Письма руководителей сыска	311
Тайныя инструкціи	329
Указатель	345
Оглавленіе	347